

An oil painting depicting a forest path. In the upper left, a lit candle sits on a rock, casting a warm glow. The path is covered in fallen leaves and leads into a wooded area with several trees. In the foreground, three purple tulips with dark blue centers and green leaves are in bloom. The overall style is expressive and textured.

В.В. Малахов

ПОКА ГОРИТ СВЕЧА...

2006

*Посвящается 250-летию
Московского университета*

В.В. Малахов

«ПОКА ГОРИТ СВЕЧА...»

Очерки по истории
кафедры зоологии беспозвоночных
Московского государственного университета

Издание 2-е, дополненное

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2006

В.В. Малахов «ПОКА ГОРИТ СВЕЧА...» Очерки по истории кафедры зоологии беспозвоночных Московского государственного университета. Издание 2-е, дополненное. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2006. 153 с.

Книга написана в связи с 250-летием Московского университета и рассказывает об истории одной из его кафедр — кафедры зоологии беспозвоночных. В живой и увлекательной форме рассказано о становлении кафедры, важнейших этапах ее развития, научных достижениях, трудностях и проблемах, которых было немало на протяжении полутора веков жизни кафедры. В жизни маленькой кафедры своеобразно отразилась сложная и противоречивая история великой страны. Читатель узнает о деятельности выдающихся ученых и педагогов, подвижников российской науки и образования, таких как К.Ф. Рулье, А.П. Богданов, А.А. Тихомиров, Н.Ю. Зограф, Г.А. Кожевников, Л.А. Зенкевич, В.Н. Беклемишев, Г.Ф. Гаузе, Н.А. Перцов, Я.А. Бирштейн, Г.Г. Абрикосов, В.А. Броцкая, М.С. Гиляров, В.А. Свешников, К.В. Беклемишев, Г.Б. Зевина и многие другие. Книга богато иллюстрирована, в том числе, редкими фотографиями. Второе издание дополнено новым фактическим материалом и новыми фотографиями.

Книга предназначена для зоологов, историков науки, москвоведов, для выпускников Московского университета. Создатели книги надеются, что она окажет помощь молодежи, выбирающей свой путь в науке.

*В оформлении обложки использована картина
В.М. Корнева «Апрель» (2004 г.)*

© В.В. Малахов, 2006, текст,
иллюстрации

© Товарищество научных изданий
КМК, 2006, издание

ISBN 5-87317-317-6

Предисловие

Дорогой читатель!

Перед Вами — книга, в которой сделана попытка рассказать историю одной из кафедр Московского университета. Кафедра зоологии беспозвоночных — отнюдь не самая старая в Московском университете и, наверное, есть кафедры с более интересной и драматичной историей. Но что поделаешь, каждый пишет о том, что дорого его сердцу. Этой кафедре, ее студентам и сотрудникам были отданы прожитые мной годы. В нашей стране и в мире есть много научных учреждений, в которых можно работать спокойнее, комфортабельнее и, вероятно, эффективнее (в смысле научных результатов), но если бы мне пришлось начинать жизнь сначала, я все равно выбрал бы беспокойную жизнь на кафедре Московского университета.

Я пришел на кафедру более трех десятков лет назад, и мое личное отношение к событиям нашло отражение в рукописи. «Sine ira et studio» — написал Тацит о занятиях историей. Я осознаю, что не в силах следовать завету великого римлянина. Я пишу с позиций человека своего времени, поэтому на страницах книги есть и любовь, и гнев, и пристрастие. Мне очень хотелось написать обо всех упомянутых людях только хорошее, но это не всегда получалось. Написать только хорошее, представить все в розовом свете — это ведь даже хуже, чем пристрастие, это — своего рода сознательный обман. Наши ошибки творят историю так же, как и правильные, хорошие поступки.

Жизнь кафедры протекала в обществе, которое в разные периоды по-разному относилось к образованию и науке. История маленькой кафедры неразрывно связана с историей большой страны. Вот почему я не мог избежать длинных отступлений, в которых пытался связать события на кафедре с жизнью нашей страны. Я прошу у читателя прощения за наивность моих рассуждений на общеисторические темы.

Во время работы над этой книгой я использовал работы Л.А. Зенкевича, книг и статьи Андрея Белого, Я.М. Галла, Н.И. Калабухова, Б.Н. Кузина и другими опубликованными источниками, а также — устными рассказами старших сотрудников кафедры. Я благодарен Э.И. Извековой, А.А. Львовой, Т.Л. Муромцевой, Н.М. Перцовой, Н.М. Шалаевой и многим другим сотрудникам кафедры, которые помогли разыскать иллюстративные и печатные материалы по истории кафедры. Я глубоко признателен В.Н. Иваненко, оказавшему неоценимую помощь при подготовке первого издания этой книги.

После выхода в свет первого издания этой книжки я получил много советов, замечаний и дополнений. Особую благодарность я приношу А.М. Гилярову (он много рассказывал мне о своем отце М.С. Гилярове, о Г.Г. Винберге и других выдающихся биологах), Г.Д. Лебедевой (которая

любезно снабдила меня материалами о студентах и сотрудниках кафедры — участниках Великой Отечественной войны и рассказала о Карской экспедиции), Н.Н. Смирнову (рассказавшему мне о жизни В.В. Алпатова), Л.В. Чесновой. Первое и второе издание книги было подготовлено к печати И.А. Жирковым. Публикация этой книги — заслуга К.Г. Михайлова, который много лет поддерживает и реализует мои издательские проекты. Российская наука еще отдаст дань К.Г. Михайлову, своей издательской деятельностью возрождающему традиции российских просветителей и меценатов.

С благодарностью ко всем, кто удостоит эту книгу вниманием,

В.В. Малахов,
заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных
Московского государственного университета,
член-корреспондент Российской академии наук.

«Изучи во всех подробностях животных своей родины»

Преподавание биологических знаний в Московском университете началось еще в XVIII веке, хотя самого слова «биология» тогда еще не было ни в русском, ни в каком другом языке. Как известно, термин «биология» появился только в 1802 г. Его придумали (причем, кажется, независимо друг от друга) французский естествоиспытатель Ж.-Б. Ламарк и немецкий ученый Г. Тревиранус. В XVIII веке вместо термина «биология» обычно использовали словосочетание «естественная (или натуральная) история». Первые профессора Московского университета получили свое образование за рубежом у известных европейских натуралистов. Так, первый профессор естественной истории в Московском университете Матвей Иванович Афонин был учеником знаменитого шведского натуралиста Карла Линнея. М.И. Афонин написал несколько научных трудов на латинском и русском языке, например, «De usu Historia Naturalis in vita communis (О пользе естественной истории в обычной жизни)» и «Слово о пользе, знании, собирании и расположении чернозема особенно в хлебопашестве». Другой профессор Антон Антонович Антонский издавал журнал с длинным названием «Магазин натуральной истории, физики, химии, или новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам, заключающее в себе важные и любопытные предметы оных, равно как и употребление немногих из них во врачебной практике, экономии, земледелии и художествах». Правда, профессора в то время практически не вели собственных исследований, поэтому статьи в этом и других изданиях представляли собой, по преимуществу, компиляции и переводы с иностранных языков.

Жизнь и нравы в Московском университете того времени мало напоминали современные. Получившие свое образование в просвещенной Европе профессора, оказавшись на родине, с трудом приспособлялись к суровым и диким российским порядкам и нередко находили утешение в крепких напитках, которыми издавна славилось наше отечество. «Учились мы весьма беспорядочно: с одной стороны причиной тому была ребяческая леность, а с другой, — нерадение и пьянство наших учителей. Учитель латинского языка был пример злонравия, пьянства и подлых пороков, но голову имел преострую...» — так вспоминал о годах обучения воспитанник Московского университета знаменитый писатель Д.И. Фонвизин.

В 1804 г. был принят новый устав Московского университета, образцом которого были уставы известных немецких университетов. По этому уставу вся жизнь университета строилась на коллегиальных началах, а сам университет обретал значительную независимость. Совет уни-

верситета имел право избирать не только профессоров и деканов, но и самого ректора. Профессорам университета вменялось в обязанность устраивать ежемесячные собрания, на которых они должны были вести «рассуждения о сочинениях, новых открытиях, опытах и наблюдениях исследований». Профессора Московского университета стали вести самостоятельную научную работу в области естествознания и привлекать к ней некоторых студентов. В уставе 1804 г. было, в частности, записано, что при Отделении физических и математических наук учреждается Демидовская кафедра натуральной истории вместе с Кабинетом натуральной истории. Кафедра была названа в честь выдающегося русского мецената П.Г. Демидова, который принадлежал к прославленной династии уральских горнозаводчиков. Демидовские заводы сыграли выдающуюся роль в техническом подъеме страны в годы правления Петра I и последующие десятилетия XVIII века. В свое время представители этой династии построили десятки металлургических заводов, которые давали около половины всего железа России (напомним, что во второй половине XVIII века Россия вышла на первое место в мире по производству железа, и русское железо вывозилось даже в Англию), стали богатейшими людьми страны, и перейдя разряд придворной знати, сыграли заметную роль в политике и дипломатии. П.Г. Демидов объехал всю Европу, был выдающимся знатоком искусства и науки. Он переписывался с К. Линнеем, собрал огромную коллекцию «натуралий» и библиотеку, которые были переданы в дар Московскому университету. В 1802 г. П.Г. Демидов передал в «сохранную казну» Московского университета 100 тыс. рублей. На проценты от этой суммы должен был содержаться кабинет натуральной истории, в котором хранились демидовские коллекции. Первым заведующим кафедрой и кабинетом стал приглашенный на работу в Россию выпускник Геттингенского университета Г.И. Фишер фон Вальдгейм.

Демидовская кафедра и кабинет натуральной истории стали колыбелью многих естественных наук в Московском университете. Зоология беспозвоночных тоже выросла из этого кабинета.

Первый курс зоологии беспозвоночных в Московском университете начал читать выдающийся российский зоолог Карл Францевич Рулье. Это был широко эрудированный натуралист, оригинальный мыслитель, который одинаково хорошо знал и биологию, и геологию, и астрономию. Целостное мировоззрение, свойственное К.Ф. Рулье, позволяет рассматривать его как одного из первых представителей так называемого «русского космизма» — направления естественнонаучной и философской мысли, расцветшего в России в начале следующего века.

К.Ф. Рулье родился в 1814 г. в г. Нижнем Новгороде. Его отец Франц Рулье (по происхождению француз) был сапожных дел мастер, а мать — повивальная бабка. Звание повивальной бабки в Российской империи начала XIX века давалось только тому, кто выдержал серьезный экзамен в

Карл Францевич Рулье
(1814–1858)

Московской медико-хирургической академии. Мать К.Ф. Рулье — Анна Яковлевна — этот экзамен выдержала, стала известной акушеркой и впоследствии продолжала принимать пациентов, даже когда ее сын стал профессором.

В 1829 г. К.Ф. Рулье поступил в ту же самую Московскую медико-хирургическую академию, в которой его мать 14-ю годами ранее получила звание повивальной бабки. Московская медико-хирургическая академия была тесно связана с Московским университетом, хотя в академии учились люди попроще, и многие — «на казенном коште». Профессора Московского университета преподавали и в медико-хирургической академии, в том числе, например, «русский Кювье» — знаменитый натуралист и палеонтолог Г.И. Фишер фон Вальдгейм, минералог А.Л. Ловецкий, медик и биолог И.Е. Дядьковский и др. Студенты медико-хирургической академии пробирались на лекции популярнейших профессоров Московского университета, среди которых блистали ботаник М.А. Максимович и зоолог И.А. Двигубский — выдающиеся натуралисты, знатоки флоры и фауны России. «Primo nosce patriam, postea viator eris (Сначала познай родину, а потом становись путешественником)», — эту строку из сочинений римского поэта Овидия часто приводил своим слушателям профессор И.А. Двигубский и ею же он закончил свой замечательный труд «Описание и изображения животных Российской империи». К.Ф. Рулье всю свою жизнь считал себя учеником И.А. Двигубского, а своей манерой чтения лекций, по мнению некоторых студентов, сильно напоминал М.А. Максимовича. В общем, один из ближайших учеников К.Ф. Рулье, его преемник по кафедре зоологии Московского университе-

та профессор А.П. Богданов имел все основания сказать: «Рулье был воспитанником Московского университета, вырос под его преданиями».

Медико-хирургическая академия готовила военных врачей и, окончив ее в 1834 г., К.Ф. Рулье стал младшим лекарем Рижского драгунского полка. Через 2 года ему удалось устроиться к уже упоминавшемуся Г.И. Фишеру фон Вальдгейму на должность «репетитора по кафедре зоологии и минералогии». В 1837 г. К.Ф. Рулье защитил диссертацию по проблемам кровотечения и стал доктором медицины. 28 февраля 1840 г. К.Ф. Рулье был назначен заведующим освобожденными по смерти профессора А.Л. Ловецкого кафедрой и кабинетом естественной истории Московского университета.

К.Ф. Рулье хорошо знал геологию и минералогию (его вклад в четвертичную геологию и в разработку стратиграфического деления юрского периода не потерял своего значения до сих пор), много занимался палеонтологией. Накопление знаний по сравнительной анатомии и эмбриологии животных, а также бурное развитие палеонтологии сделало идею эволюции в первой половине XIX века буквально носящейся в воздухе. К.Ф. Рулье беззаветно верил в эволюцию органического мира. То, что он не знал реальных механизмов эволюции (К.Ф. Рулье не дожил всего одного года до появления книги Ч. Дарвина «Происхождение видов...»), только прибавляло ему веры. Он был эволюционист до мозга костей и страстно хотел убедить других в справедливости эволюционной идеи.

Глубокая эрудиция в сочетании с большой эмоциональностью делали К.Ф. Рулье блестящим лектором. На его лекции собиралась вся Москва, университетская аудитория не могла вместить всех желающих послушать образные рассказы о развитии органического мира. На лекциях он излагал теорию Канта и Лапласа о происхождении солнечной системы, рассказывал о развитии растений и животных из «первоначальной клеточки», о последовательном появлении различных групп организмов в истории Земли, и делал это так образно, как будто сам при этом присутствовал.

Разумеется, говорить о происхождении животных и растений путем естественной эволюции в середине XIX века в России было небезопасно. Министр просвещения Российской империи граф Ширинский-Шихматов, озабоченный несоответствием лекций каноническому тексту священного писания, направил секретное представление попечителю Московского учебного округа генералу Назимову и председателю секретного цензурного комитета генералу Анненкову, в котором потребовал учредить строгий надзор за лекциями и статьями К.Ф. Рулье. Против лекций К.Ф. Рулье выступил крупный религиозный и государственный деятель той эпохи митрополит Филарет. В своем письме к священному Синоду митрополит писал, что Рулье «смущает умы и поучает даже мещан и простых крестьян находить в книге Бытия мифологию». Удалось ли К.Ф. Рулье смутить умы крестьян и мещан, не известно, но дворянские

умы были смущены в полной мере. Так, например, происходившие из почтенной графской семьи братья Кропоткины (Александр и Петр) были глубоко религиозными юношами, но, прослушав курс лекций К.Ф. Рулье, стали яркими материалистами. Впоследствии один из братьев — Петр Алексеевич Кропоткин стал выдающимся геологом, географом и историком, и одновременно яростным революционером — всемирно известным теоретиком и практиком анархизма. В общем, недаром император Николай Павлович называл Московский университет «волчьим гнездом» и, бывая в Москве, не желал даже проезжать мимо зданий университета.

К.Ф. Рулье попал под надзор полиции, на распространение его книг был наложен запрет. Особенно осложнилось положение после того, как газета «Московские ведомости» опубликовала отрывок из подготовленной К.Ф. Рулье книги «Жизнь животных по отношению к внешним условиям». Отрывок, появившийся на страницах газеты 8 января 1852 г., назывался «О первом появлении растений и животных на Земле» и вызвал, по словам современников, «целую административную бурю» и тяжелые последствия для К.Ф. Рулье. Отныне К.Ф. Рулье было категорически запрещено выступать с публичными лекциями. Обстановку, сложившуюся вокруг К.Ф. Рулье, сравнивали с тем, что было после публикации знаменитых философских писем П.Я. Чаадаева, которого, как известно, объявили сумасшедшим и взяли под домашний арест. Попечитель Московского учебного округа граф С.Г. Строганов искал, что предпринять «для уменьшения удара». Пытаясь смягчить положение, К.Ф. Рулье вынужден был написать «Послесловие» к опубликованному курсу своих лекций, в котором писал, что «научная гипотеза заслуживает уважения только в той степени, в которой представляется согласованной с непреложным свидетельством слова Божия». Что поделаешь, но характерное для нашего времени понимание того, что наука и религия представляют собой две не противоречащие друг другу стороны духовной жизни общества, еще не было распространено в ту эпоху.

Несмотря на формальную прогрессивность университетского устава, порядки в Московском университете в годы царствования Николая I вовсе не были либеральными. Студенты университета находились, по существу, на казарменном положении. Они обязаны были ходить в мундире, придерживаться строгих правил поведения, носить установленную прическу, а за нарушения могли быть посажены в карцер. Граф В.Н. Панин, попечитель университета, кричал, обращаясь к студентам: «Если вы у меня в другой раз осмелитесь только подумать отпустить себе бороду, усы и длинные волосы на голове, то я прикажу вас стричь и брить на барабане, в карцер сажать, а затем в солдаты отдавать!» Эти слова не были пустой угрозой. Студенты тех лет вспоминают такую картинку: два студента сидят на табуретках, а два солдата университетской роты (была и такая!) насильно стригут их под крики попечителя: «Вот так! Стриги

их еще короче, под гребешок, слышишь! А ты, чище брей, не жалея мыла!» (из воспоминаний студента Вистенгофа).

В этих условиях свободомыслящий, остроумный и демократичный профессор, каким был К.Ф. Рулье, стал кумиром учащихся. Студенты боготворили молодого профессора (ведь в расцвете карьеры К.Ф. Рулье немногим более 30 лет), у него всегда было много учеников. Выдающиеся деятели российской науки профессора А.П. Богданов, Я.А. Борзенков, Н.П. Вагнер, Н.А. Северцов, С.А. Усов были непосредственными учениками К.Ф. Рулье.

К.Ф. Рулье не был оторванным от жизни теоретиком. Как ученый и как преподаватель он был далек от понимания зоологии как чисто описательной дисциплины. В своих лекциях К.Ф. Рулье не только давал студентам знания о различных группах животных, но и пропагандировал изучение фауны России. Он любил Россию искренней, может быть, несколько экзальтированной любовью россиянина в первом поколении (ведь его отец был француз): «Широко легла наша Россия, богатырем пораскинулась... меж шести морей, разнообразны нужды твои, да и разнообразны и источники естественных дольств». Подобно своему учителю И.А. Двигубскому он призывал: «Не гонись за диковинками тропических стран: изучи во всех подробностях животных своей родины», а от своих учеников требовал «исследовать три вершка ближайшего к исследователю болота, относительно растений и животных и исследовать их в постепенном взаимном развитии ... посреди определенных условий».

К.Ф. Рулье уделял большое внимание взаимосвязи строения и образа жизни организмов с окружающей их средой. «Животное существует под непрерывным участием внешних условий и изменяется с изменением последних». Он пропагандировал идеи акклиматизации новых видов животных с целью использования их в хозяйстве. По инициативе К.Ф. Рулье был основан Комитет по акклиматизации, первое заседание которого состоялось 30 января 1857 г. Председателем комитета был выбран К.Ф. Рулье. Идея акклиматизации животных пустила глубокие корни и на целое столетие стала одним из направлений деятельности зоологов Московского университета.

К.Ф. Рулье был настоящим просветителем и выдающимся популяризатором науки. В его наследии, пожалуй, больше таких статей, которые мы скорее назвали бы научно-популярными, чем чисто научными. К.Ф. Рулье писал обо всем — о пчелах, о рыбах, о вредителях сельского хозяйства, о зверях и птицах Подмосковья, об экзотических животных жарких стран, о метеорологии и астрономии, о расположении пятен в окраске лошадей и коров, о полезных видах растений, о необычных окаменелостях и минералах и т.д. Много сил отдавал он редактированию созданного им журнала «Вестник естественных наук». Ученик К.Ф. Рулье профессор А.П. Богданов писал в 1885 г.: «Вестник естественных

наук» не был простым сборником общедоступных естественно-исторических статей, а последовательным выяснением определенного цельного взгляда на природу. Поэтому «Вестник естественных наук» и до сих пор остается незаменимым чтением для всякого, желающего получить осмысленный взгляд на природу».

В обыденной жизни знаменитый профессор К.Ф. Рулье был очень прост и демократичен. Невысокий, полный, он любил вечером посидеть и покурить на лавочке возле дома (он жил на Тверской-Ямской возле постоянных дворов). Прямо возле его дома устроился продавать калачи и сбить уличный торговец. К.Ф. Рулье с ним подружился. Заметив, что приятели зовут торговца пить чай в трактир, он говорил: «Идите, почтенный, пить ваш чай, а я за вас тут посижу, и буду продавать калачи и сбить». «Как же ты сбить и калачи оставил?» — спрашивали приятели торговца. «У меня там профессор, дай бог ему здоровья, тут живет, он за меня и торгует», — пресерьезно отвечал калашник. Приветливый и добродушный в обыденной жизни К.Ф. Рулье был искрометен в полемике, тут блистал его изысканный французский юмор.

Жизнь К.Ф. Рулье очень рано оборвалась. Он скончался в возрасте 44 лет и похоронен на Введенском кладбище в Москве. Могила К.Ф. Рулье сохранилась, на ней выбиты его слова: «В природе — всеобщее непрерывное движение, и безусловная смерть невозможна».

Великий бессребреник

Анатолий Петрович Богданов был ближайшим учеником К.Ф. Рулье. Еще в 1856 г. он по поручению своего учителя сделал доклад «Об акклиматизации животных и растений» на заседании Общества сельского хозяйства. Тогда А.П. Богданову было 22 года. А еще через два года А.П. Богданов стал заведующим кафедрой естественной истории Московского университета. В 1862 г. А.П. Богданов выделил самостоятельную кафедру зоологии и организовал при ней зоологический музей (в него поступили коллекции кабинета естественной истории), став одновременно и заведующим кафедрой и директором музея. В течение многих десятилетий кафедра зоологии и Зоологический музей были связаны неразделимыми узами.

Вторая половина XIX века — время быстрых преобразований общественной жизни России. С приходом к власти Александра II с громадным запозданием начали проводиться в жизнь реформы, призванные уменьшить колоссальное отставание России от стран Европы. Только в 1861 г. в России была проведена крестьянская реформа и отменено крепостное право (для сравнения — в Лондоне в том же году было открыто метро). Отмена крепостного права стимулировала развитие промышленности, что, в свою очередь, повысило значение образования и науки. Правительством Александра II были произведены многочисленные реформы во всех сфе-

рах жизни общества (судебная и военная реформы, реформы образования и печати и др.). Открывались новые университеты, а общее число студентов возросло более чем в три раза. В эти годы совершили свои открытия выдающиеся деятели российской науки: математики П.Л. Чебышев и П.Л. Ляпунов, физик А.Г. Столетов, химики Д.И. Менделеев и А.М. Бутлеров, почвовед В.В. Докучаев, биологи И.М. Сеченов, А.О. Ковалевский, И.И. Мечников, пытались внедрить смелые технические идеи П.Н. Яблочков, А.Н. Лодыгин, А.С. Попов, А.Ф. Можайский и др.

Россия пыталась догнать передовые страны Европы. Однако отставание в экономике, социальной жизни и политике было слишком очевидным. Молодое поколение чувствовало это особенно остро, и со свойственным молодости нетерпением хотело исправить все быстро и сразу. В среде студенчества широчайшее распространение получили идеи переустройства общества радикальным путем. Сформировалась идеология народничества, появилось множество революционных кружков, дело дошло до создания откровенно террористических молодежных организаций. Обстановка в студенческой среде была такова, что остаться в стороне от антиправительственных акций было практически невозможно. Конечно, молодые люди реагировали на это по-разному. Так, А.О. Ковалевский, из-за постоянных студенческих забастовок, нарушавших нормальный учебный процесс, вынужден был уехать продолжать образование в Германии. А его родной брат В.О. Ковалевский со своей супругой — известной писательницей-нигилисткой и математиком С.В. Ковалевской (Корвин-Круковской), оказавшись в Париже, принял участие в событиях Парижской коммуны (был даже разработан план побега из тюрьмы одного из руководителей Коммуны Виктора Жаклара с паспортом В.О. Ковалевского). Молодые радикалы организовали семь покушений на Александра II, и прозвучавший в 1866 г. выстрел студента Д. Каракозова чуть не оборвал жизнь царя-реформатора. А.И. Ульянов — старший брат вождя русской коммунистической революции В.И. Ленина, обучавшийся в Санкт-Петербургском университете (кстати, он специализировался по зоологии беспозвоночных и даже получил золотую медаль за исследование выделительных органов олигохет и пиявок), вступил в террористическую фракцию партии «Народная воля». За подготовку покушения на императора Александра III А.И. Ульянов и четверо его товарищей были повешены в 1887 г.

Более зрелая часть интеллигенции понимала необходимость длительной просветительской работы, сотрудничала в земских учреждениях, преподавала на бесплатных курсах. К периоду второй половины XIX — началу XX веков относится расцвет благотворительной деятельности крупных российских меценатов. Профессора Московского университета считали себя обязанными заниматься просветительской работой, и многие из них стали видными общественными деятелями.

*Член-корреспондент
Императорской Российской
академии наук Анатолий
Петрович Богданов (1834–1896)*

Одним из наиболее заметных фигур в мире российской науки и образования той поры был член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии профессор А.П. Богданов. У нас нет достоверных сведений о родителях А.П. Богданова. Известно только, что он вырос в Воронежской губернии в семье богатой помещицы княгини Г.Н. Кейкуатовой, которая воспитала его, дала ему образование и всю жизнь поддерживала материально (существует версия, что княгиня Г.Н. Кейкуатова, которую А.П. Богданов называл «бабушкой», на самом деле была его матерью).

А.П. Богданов был незаурядным человеком во всех отношениях. В нем счастливо сочетались таланты исследователя, общественного деятеля и выдающегося педагога. Круг его научных интересов был необычайно широк. Он занимался систематикой и географией животных, медицинской паразитологией, антропологией, вопросами акклиматизации. Большое внимание он уделял пропаганде естественнонаучных знаний. Наряду с напряженной научной и педагогической работой А.П. Богданов много и плодотворно занимался общественной деятельностью. В 1863 г. он основал знаменитое Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, которое было нацелено на самое широкое научное освоение ресурсов России и популяризацию научных знаний среди населения. Им были организованы постоянно действующие этнографическая (1867), политехническая (1872) и антропологическая (1879) выставки. На базе этих выставок были созданы существующие до сих пор Политехнический музей, а также Антропологический музей Московского университета.

По инициативе А.П. Богданова был создан Московский зоопарк, «живой музей под открытым небом», как он сам его называл. Московский зоопарк — первый зоопарк России — открылся для посетителей в 1864 г. С тех пор через ворота Московского зоопарка (а вход в него и сейчас располагается на том самом месте, где он был и в 1864 г.) прошли уже десятки миллионов посетителей. Менялся социальный строй, идеология, расширялись и сокращались границы страны, да и сама страна меняла свое название, а Московский зоопарк остается любимым местом познавательного отдыха для миллионов взрослых и детей и лучшим памятником его основателю — профессору А.П. Богданову.

А.П. Богданов много занимался антропологией. Вот названия некоторых его антропологических работ: «Меряне в антропологическом отношении» (1879), «О могилах Скифосарматской эпохи в Полтавской губернии и о краниологии скифов» (1880), «Череп и кости людей каменного века» (1881). Вместе с К. Бэрмом А.П. Богданов считается одним из основателей российской антропологии.

Особой заботой А.П. Богданова было развитие российских биологических станций. В речи на Международном зоологическом конгрессе в 1892 г. А.П. Богданов произнес такие слова: «Между научными проблемами, весьма серьезными и важными, разрешение которых обеспечило бы нормальное развитие зоологии и дальнейшие успехи русских зоологов, первое место занимает вопрос о морских и речных станциях, их умножении и развитии». По инициативе А.П. Богданова один из его ближайших учеников Н.Ю. Зограф организовал в 1891 г. небольшую гидробиологическую станцию на Глубоком озере на западе Подмосковья. Впоследствии на ней работали многие выдающиеся зоологи и гидробиологи. Биостанция на Глубоком озере существует до сих пор — это одна из старейших биологических станций России. В настоящее время она принадлежит Институту проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова Российской академии наук, но почти весь штат лаборатории, которая работает на станции, состоит из выпускников кафедры зоологии беспозвоночных.

Понимая важность развития морских исследований для российской науки, А.П. Богданов вместе с А.О. Ковалевским приложили много усилий для создания Севастопольской биологической станции. Эти два выдающихся зоолога тепло относились друг к другу. Известно, например, что А.П. Богданов приложил много усилий для перехода на работу в Московский университет брата А.О. Ковалевского — выдающегося палеонтолога и эволюциониста В.О. Ковалевского, жизнь которого, к сожалению, вскоре трагически оборвалась. А.П. Богданов и А.О. Ковалевский активно сотрудничали в сложных проблемах, возникавших в связи с созданием Севастопольской биологической станции (ныне — Институт биологии южных морей Национальной академии наук Украины).

Одному из них тяжелые нервные нагрузки, неизбежные при переговорах с чиновниками по поводу биостанции, стоили жизни. Как известно, выдающийся российский биолог А.О. Ковалевский умер в расцвете сил на 61-м году жизни от удара, полученного в приемной заместителя министра просвещения, куда он пришел для решения очередного насущного вопроса жизни Севастопольской биологической станции.

Организация зоологических и антропологических конгрессов, издание их трудов, организация выставок и другая общественная деятельность проводилась А.П. Богдановым в значительной степени на его личные средства. Он израсходовал на это многие тысячи, полученные им в наследство от княгини Г.Н. Кейкуатовой, тратил все свое отнюдь не большое профессорское жалованье, постоянно был в долгах перед издателями и книгопродавцами.

А.П. Богданов был выдающимся педагогом. Он воспитал шеренгу российских биологов, на десятилетия определивших направления развития зоологической науки и образования в нашей стране. Среди непосредственных учеников А.П. Богданова шестеро стали действительными членами Российской Академии наук (Д.Н. Анучин, Л.С. Берг, С.А. Зернов, Н.М. Кулагин, Н.В. Насонов и В.М. Шимкевич). Ученики А.П. Богданова — известнейшие профессора, впоследствии занимавшие университетские кафедры Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Варшавы и других городов (Н.Ю. Зограф, Г.А. Кожевников, А.А. Коротнев, С.С. Четвериков и др.).

А.П. Богданов скончался в 1896 г. Незадолго до смерти он составил духовное завещание — документ пронзительной силы, в котором предстает образ бесребреника и истинного подвижника, патриота российской науки и образования. «Просил бы те учреждения, которым я служил всею душою и всем сердцем во всю жизнь, дать семье моей средства лечь мне в могилу в Новодевичьем монастыре..., а затем оказать возможное содействие облегчению будущности и покоя жене моей Елене Васильевне и дочери Ольге. По истине говорю, что много тысяч из полученных мною в наследство, было употреблено мною на те учреждения, в основании которых я принимал участие, а потому умирая лично почти нищим, не краснея могу просить о могиле и нравственной помощи семье». Могила А.П. Богданова находится там, где он завещал, — на территории Новодевичьего монастыря рядом с могилами других профессоров Московского университета — математика Н.В. Бугаева, писателя и почетного академика М.П. Загоскина, философа Л.М. Лопатина, историка М.П. Погодина и др.

Кто изгонял Бога из науки?

Преемником А.П. Богданова на посту директора Зоологического музея стал профессор Александр Андреевич Тихомиров. Он начал свое университетское образование как юрист сначала в Дерптеком, а потом в Санкт-Петербургском университете, получил степень кандидата права. Однако тяга к естественным наукам переелила юрипруденцию. А.А. Тихомиров переехал в Моекву и поступил на физико-математическое отделение Моековского университета. Еще в студенческие годы А.А. Тихомиров начал активную исследовательскую работу в лаборатории А.П. Богданова, ездил с ним на Средиземное море. Впоследствии А.А. Тихомиров стал известен как автор прееходных исследований по развитию гидроидных полипов, ракообразных и насекомых. Изучая развитие тутового шелкопряда, А.А. Тихомиров в 1886 г. обнаружил, что действие киелот, высокой температуры и электрических разрядов может побудить к развитию неоплодотворенные яйца. Исследования А.А. Тихомирова по искусственному партеногенезу тутового шелкопряда стали предтечей блестящих работ академика Б.Л. Астаурова и его сотрудников, имевших огромное значение для генетики и практического шелководства.

Сначала А.А. Тихомиров был сторонником учения Ч. Дарвина, но затем перешел на позиции яркого антидарвинизма. Во второй половине XIX века дарвинизм, стал необычайно популярным не только у биологов, но и во всех образованных слоях российской общества. В то время о дарвинизме рассуждали все: гимназисты, студенты, курьетки, чиновники, вся российская интеллигенция. Разумеется, сочинения самого Ч. Дарвина читали далеко не все. Российская общественность знакомилась с этим учением в упрощенных и преео неверных переложениях, в которых отдельные стороны дарвинизма выпячивались и применялись к человеческому обществу. Публике был широко известен очерк Д.И. Писарева «Прогресс в мире животных и растений», в котором положение дарвинизма о борьбе за существование переносилось на жизнь человеческого общества. В знаменитом сочинении Э. Геккеля «Естественная история миротворения», переводами которой зачитывались гимназисты, автор оправдывает смертную казнь, рассматривая ее как проявление борьбы за существование. Газетные дискуссии вокруг статей Д.И. Писарева, книг Э. Геккеля и других популяризаторов дарвинизма создали у многих российских читателей превратное представление об учении Дарвина. Раскольников в знаменитом романе Ф.М. Достоевского берется за топор, наслушавшись разговоров о том, что с точки зрения борьбы за существование оправдано убийство стариков, если их средства способствуют выживанию молодых и здоровых. Дарвинистами называют себя малограмотные помещики в рассказах А.П. Чехова, обосновывая разделение людей

Профессор
Александр Андреевич Тихомиров
(1850–1931)

на «белую кость и чумазых». «Разум открыл борьбу за существование и закон, требующий того, чтобы душить всех» — рассуждает Левин в романе Л.Н. Толстого. Так называемый «социал-дарвинизм» толкнул на путь жестокого террора немало способных молодых людей. Вот почему, многие деятели культуры были настроены против дарвинизма.

Критика дарвинизма снискала А.А. Тихомирову большую популярность среди духовенства, представители которого приходили на его лекции и занимали первые ряды в аудитории. Свои лекции он начинал не с обычного «Милостивые государи и милостивые государыни», а с обращения «Ваши преосвященства, милостивые государи и милостивые государыни». А.А. Тихомиров публично боролся с атеизмом, широко распространенным в университетской среде. Он возмущенно выступал против К.А. Тимирязева, про которого говорил, что он «за казенный счет изгоняет Бога из науки». Особенно А.А. Тихомиров ненавидел либералов. Весьма умеренного либерала и крупного зоолога М.А. Мензбира он пренебрежительно называл «этот жидишка Мензбир».

Студенты и научная молодежь Московского университета отнюдь не разделяли антидарвинистских взглядов А.А. Тихомирова. В воспоминаниях студента нашей кафедры тех времен Б.Н. Бугаева (он был сыном декана физико-математического факультета выдающегося математика Н.В. Бугаева) — последствия одного из классиков русской литературы, писателя-символиста, известного под псевдонимом «Андрей Белый» — А.А. Тихомиров предстает в карикатурном облике вертлявого и развязного старикашки «с привздернутым личиком старой макаки». Студенты называли его «макака» или «маркиз». А.А. Тихомиров резко выступал против происхождения человека от обезьяньих предков, но, как пишет Андрей Белый, «вид этого ломающегося профессора (может, — от нерв-

Профессор
Николай Юрьевич Зограф
(1854–1919)

ности) укреплял мысль о происхождении от макаки этих гримас, — обезьяньих и вырожденческих». Стиль лекций А.А. Тихомирова (по воспоминаниям Андрея Белого) — «аллегорическое барокко, гофрированные выкрутасы подробностей, философических отступлений, порой интересных; а в целом топилаась главная мысль...».

Пример А.А. Тихомирова в какой-то мере типичен для университетской жизни. Студенческая молодежь воспринимает университетского профессора прежде всего через его лекции и через его общественную позицию. Плохой лектор, консерватор и реакционер никогда не приобретет популярности у молодежи, будь он даже даровитым ученым (а А.А. Тихомиров несомненно был таковым).

Как это ни покажется странным сейчас, антидарвинистские убеждения и черносотенные взгляды весьма способствовали карьере А.А. Тихомирова. Он стал ректором Московского университета, а в 1904 г. был назначен на высокий пост попечителя Московского учебного округа. В его формальном подчинении оказались все учебные заведения Москвы, в том числе и Московский университет. Он передал заведование кафедрой и Зоологическим музеем Московского университета Г.А. Кожевникову с условием, что он сохранит сотрудников А.А. Тихомирова (в первую очередь речь шла о Б.М. Житкове). Добросердечный Г.А. Кожевников не только сохранил сотрудников А.А. Тихомирова, но заботился и о нем самом. Дело в том, что после 1917 г. престарелый А.А. Тихомиров

как бывший царский сановник лишился работы, пенсии и всяких средств к существованию. Как многие другие бывшие крупные чиновники старого режима, он вынужден был уехать из Москвы и поселился в Сергиевом Посаде, жил в нищете. Г.А. Кожевников трогательно заботился о нем, постоянно навещал его и помогал деньгами.

Современником А.А. Тихомирова был другой ученик А.П. Богданова — Николай Юрьевич Зограф, сначала ассистент кафедры, потом хранитель Зоологического музея и, наконец, профессор. Он занимался изучением жизненного цикла паразитических круглых червей (в частности, исследовал жизненный цикл ришты *Dracunculus medinensis*), но особенно известен подробными и точными исследованиями эмбрионального развития многоножек. В Московском университете Н.Ю. Зограф вел практические занятия по зоологии беспозвоночных, много возился со студентами, обучая их тонкостям зоологических наблюдений, фиксаций, окрасок (он был превосходным гистологом), а в перерывах для студентов — «чаек с колбасой, с белым хлебом» (по воспоминаниям Андрея Белого). Перу Н.Ю. Зографа принадлежит весьма объемный (1316 страниц!) «Курс зоологии для студентов-естественников, медиков и сельских хозяев», опубликованный в 1900 г. «Некрупного роста, но плотный с заостренной бородкою цвета воронового крыла, и такого же цвета глазами, ... он — вылитый грек, Зографаки: не Зограф; но основное его выражения — хитрая ласковость» — таков портрет Н. Ю. Зографа в воспоминаниях Андрея Белого. На лекциях Н.Ю. Зограф «показывает моллюска: Представьте, что полы моего сюртука срослись с телом; вот мантия вам» (Андрей Белый). Учениками Н.Ю. Зографа были Н.В. Богоявленский, впоследствии многие годы руководивший кафедрой гистологии Московского университета, и А.Д. Некрасов — цитолог и эмбриолог, известный также своими работами по истории биологии (в частности, исследованиями научного творчества А.О. Ковалевского и И.И. Мечникова).

«Не читайте советских газет!»

Профессор Григорий Александрович Кожевников происходил из купеческой семьи. Он был учеником А.П. Богданова, который оставил его при Московском университете, как тогда говорили, «для приготовления к профессорскому званию». Сначала Г.А. Кожевников занимался исследованием морской фауны. С 1888 г. и до конца жизни Г.А. Кожевников изучал биологию домашней пчелы и других общественных насекомых. «Естественная история пчелы» — так называлась его докторская диссертация, защищенная в 1905 г. Г.А. Кожевников обнаружил, что на ранних этапах развития у личинки рабочей пчелы закладывается столько же яйцевых трубочек, как у будущей матки. Впоследствии, из-за различий в питании, яйцевые трубочки личинки рабочей пчелы постепенно

редуцируются, а у матки подвергаются усиленному развитию. Исследуя полиморфизм у общественных насекомых, Г.А. Кожевников в 1921 г. открыл переходные формы между рабочей пчелой и маткой. От своего учителя — А.П. Богданова — профессор Г.А. Кожевников унаследовал интерес к проблемам акклиматизации животных. В Обществе акклиматизации животных и растений он был председателем секции пчеловодства. Это Г.А. Кожевников первым обнаружил на территории России (на Дальнем Востоке) дику индийскую пчелу и указал на возможность ее акклиматизации в европейской части страны.

С пчелами работал еще К.Ф. Рулье и интерес к теоретическим и практическим задачам пчеловодства долго сохранялся на кафедре. Различными аспектами биологии пчелы занимались ученики Г.А. Кожевникова — В.В. Алпатов и Ф.А. Лаврехин. До сих пор в коллекции кафедры хранятся препараты ротовых частей пчелы, изготовленные Г.А. Кожевниковым, а до недавнего времени — сделанный с большим мастерством гигантский деревянный макет медоносной пчелы. В 2003 г. Московский университет с визитом посетил мэр г. Москвы Ю.М. Лужков — известный пчеловод-любитель. Заново отполированная и закутанная в фату, как невеста, «пчела Кожевникова» была торжественно преподнесена Ю.М. Лужкову ректором Московского университета академиком В.А. Садовничим на очередном праздновании «Татьянина дня». Это было одним из жестов благодарности Ю.М. Лужкову за помощь в постройке нового здания фундаментальной библиотеки МГУ. Интересно только, к чему приспособил эту деревянную пчелу Ю.М. Лужков?

Проф. Г.А. Кожевников был инициатором исследований биологии малярийных комаров и их роли в эпидемиологии малярии на территории Российской империи. Г.А. Кожевников первым в России начал исследование пещерной фауны. Г.А. Кожевников интересовался зоопсихологией, поведением животных и дружил с семьей знаменитых цирковых дрессировщиков Дуровых.

Г.А. Кожевников был горячим пропагандистом идеи К.Ф. Рулье о необходимости изучения фауны своей страны, одним из первых высказался за создание заповедников. В его кабинете на видном месте висело то самое латинское изречение «*Primo nosce patriam, postea viator eris*», которое так любил учитель К.Ф. Рулье — профессор И.А. Двигубский.

В 1908 г. Г.А. Кожевников основал Косинскую биологическую станцию на подмосковных озерах. Ныне эти озера находятся внутри московского района Ново-Косино, они окружены высотными домами, а тогда озера были окружены лесами, туда ездили на охоту и для сбора клюквы на окрестных болотах. На этой биостанции кафедра в течение многих лет проводила научные исследования и практические занятия студентов. В 1921 г. Косинская станция была передана в ведение Гидрометслужбы, но директором ее был известный гидробиолог Л.Л. Россолимо, и на стан-

Профессор
Григорий Александрович Кожевников
(1866–1933)

нии велись большие и разносторонние исследования пресноводной флоры и фауны. Здесь работали классики отечественной гидробиологии: Г.С. Карзинкин, С.И. Кузнецов, Г.Г. Винберг, В.С. Ивлев, Е.В. Боруцкий и др. Именно на Косинской биологической станции Г.Г. Винберг в 1932–1933 гг. провел свои классические опыты по определению первичной продукции методом темных и светлых склянок. Это было сделано впервые в мире, на три года раньше, чем этот же метод применили Г. Райли и Дж. Хатчинсон, так что Г.Г. Винбергу и маленькой станции в Косино принадлежит первенство в решении одной из самых главных проблем гидробиологии — проблемы определения первичной продукции в водоемах (обо всем этом я узнал из любезно предоставленной мне рукописи статьи А.М. Гилярова, посвященной Г.Г. Винбергу). К сожалению, в 1941 г. биологическая станция в Косино была закрыта.

Г.А. Кожевников был мягким и покладистым человеком. Внешне это был довольно нескладный, грузный человек с порядочным брюшком. Он сильно картавил, выглядел чудаковатым увальнем, но при этом славился как бонвиван и дамский угодник. Его казенная квартира находилась в здании Зоологического музея (одновременно он был директором Зоологического музея). Наверное, современные профессора Московского университета, которые давно уже лишены возможности жить в зданиях университета, позавидовали бы Г.А. Кожевникову. Однако не сто-

ит забывать, что такое местоположение профессорской квартиры делало жизнь Г.А. Кожевникова открытой для студентов и сотрудников.

Утро в Зоологическом музее начиналось с разносившихся по всему зданию громких криков, которыми Г.А. Кожевников призывал своего верного служителя: «Фрол! Фрол!» (Г.А. Кожевников сильно картавил, и у него получалось «Фро'у!»). Крики эти были хорошо слышны на улице и вошли в обычай обитателей Большой Никитской (а потом, в советское время, — улицы Герцена). Другой профессор Зоологического музея М.А. Мензбир, узнав характерный голос Г.А. Кожевникова, тоже начал громко звать своего служителя: «Феликс! Феликс! Закрой окна, кто-то там внизу безобразно кричит!» Об этих забавных обычаях чудаковатых профессоров знала вся Москва. В романе М.А. Булгакова «Роковые яйца» профессор Зоологического музея Владимир Ипатьевич Персиков тоже кричит на всю улицу Герцена, призывая своего служителя: «Панкрат! Панкрат!».

В Зоологическом музее все знали, когда профессор Г.А. Кожевников обедал (это было в 5 часов вечера), всем было известно, что после обеда профессор Г.А. Кожевников не менее 3 часов спит. Вечером Г.А. Кожевников шел на какое-нибудь научное заседание, которых тогда в университете было очень много. Перед сном он обязательно обходил помещения Зоологического музея, и бывало, заставал где-нибудь компанию молодых сотрудников и студентов, засидевшихся за чаем или чем-нибудь покрепче. Если в комнате не было посторонних, Г.А. Кожевников мог присоединиться и совсем не тяготил молодую компанию, рассказывая веселые истории о днях своей юности, о шумных «Viergeisen» (путешествиях по пивным) во время своего пребывания в Германии, куда он был направлен вскоре после окончания Московского университета для знакомства с наукой и постановкой преподавания в немецких университетах.

Первое десятилетие XX века — время расцвета русской культуры, серебряный век русской поэзии, русского модерна в архитектуре и русского авангарда в живописи. В наши дни принято идеализировать дореволюционную «Россию, которую мы потеряли». На самом деле обстановка в стране была далеко не идеальной. Россия переживала период бурного промышленного роста, который, однако, не уменьшал социального расслоения общества. Основную массу населения составляли крестьяне, пребывавшие в полуфеодальном состоянии. Знаменитые столыпинские реформы так и не смогли разрушить средневековое общинное землевладение, а выкупные платежи за землю, которые бывшие крепостные выплачивали помещикам после реформы 1861 г., продолжали лежать бременем на плечах крестьянства вплоть до 1917 г. Внешняя и внутренняя политика страны по-прежнему определялась вымороченной дворянской аристократией. Позорное поражение в войне с Японией в 1905 г.

поставило самодержавие на грань краха. Все образованные люди понимали, что следующая война будет означать неминуемую революцию и окончательное крушение самодержавия. Кажется, единственным, кто этого не понимал или не хотел понимать, был сам самодержец Николай II, которого современники описывают как человека, не обремененного ни особыми пороками, ни особыми добродетелями. Интересы последнего российского императора не выходили за пределы собственной семьи, и ни к какой государственной деятельности он был не способен. Российская интеллигенция в своем большинстве была заражена либеральными идеями и открыто выступала против правительства.

В этом отношении профессор Г.А. Кожевников отличался от большинства своих коллег. Это проявилось и в событиях 1911 г. Тогда, как известно, в Московском университете произошли студенческие волнения, и царский министр Л.А. Кассо ввел на территорию университета жандармов и казаков (что было грубым нарушением автономии университета, куда без разрешения ректора не могла входить даже полиция). В знак протеста подал в отставку ректор Московского университета А.А. Мануилов и 111 профессоров (среди них К.А. Тимирязев, П.Н. Лебедев, М.А. Мензбир и др.). Уход из университета означал для профессоров потерю службы, жалованья и жилья (подавляющее большинство жило в казенных квартирах). Для многих профессоров потеря любимой работы была тяжелым ударом. Так, выдающийся физик П.Н. Лебедев скончался от инфаркта, не вынеся расставания с университетом. Г.А. Кожевников не поддержал этой акции, он остался в университете. Наверное, ему было жаль расставаться с налаженной и размеренной жизнью, но главное, — при всей своей демократичности, он вовсе не сочувствовал либеральным взглядам.

Внешний облик Г.А. Кожевникова соответствовал и его поведению рассеянного чудаковатого профессора. С ним постоянно случались какие-то истории. Если где-то со стены падала картина, то обязательно на Г.А. Кожевникова. Он мог появиться с синяками и в порванной одежде, объяснив, что только что провалился в водопроводный люк, он оступался на ступеньках, подворачивал ноги и т. п. У таких людей обычно есть сильный ангел-хранитель, который, при всей нескладности их поведения, не позволяет им погибнуть. Только наличием такого ангела-хранителя можно объяснить, что Г.А. Кожевников чудом остался жив после страшной истории, которая произошла уже после установления Советской власти, в 1920 г. Как директор Зоологического музея, Г.А. Кожевников вынужден был регулярно посылать кого-либо из сотрудников для получения денег в банке для финансирования текущих расходов. В эпоху «военного коммунизма» деньги обесценивались с чудовищной быстротой, поэтому делать это надо было очень часто. Обычно за деньгами ездил какой-нибудь молодой сотрудник — мужчина, которому выдавался

казенный револьвер «Смит энд Вессон». На кафедре в то время работал молодой ассистент Н.Н. Плавильщиков (впоследствии выдающийся энтомолог и популяризатор науки). Однажды Г.А. Кожевников поручил ему съездить в банк. Как обычно, Н.Н. Плавильщиков привез деньги прямо на квартиру Г.А. Кожевникова. Когда последний начал их пересчитывать, Н.Н. Плавильщиков достал из кармана револьвер и хладнокровно дважды выстрелил в голову профессора. Г.А. Кожевников упал, обливаясь кровью, а на звуки выстрелов прибежала домработница. Н.Н. Плавильщиков направил револьвер на нее и выстрелил, пуля попала в шею несчастной женщины, которая, хрипя и корчась от боли, упала на пол. После этого Н.Н. Плавильщиков преспокойно спустился на этаж ниже, зашел в лабораторию гистологии и завел какой-то ученый разговор. Как это не удивительно, пули не пробили голову профессора. Г.А. Кожевников скоро пришел в себя и, распахнув окно, закричал: «Караул! Профессора Кожевникова убивают!» (он часто говорил о себе в третьем лице).

Когда на улице собралась привлеченная выстрелами и криками толпа, послышались шаги вызванных врачей, милиции, Н.Н. Плавильщиков снова поднялся в квартиру Г.А. Кожевникова «посмотреть, что случилось». Там на него с ужасом показала пришедшая в сознание домработница, и Н.Н. Плавильщикова арестовали и доставили в ЧК. Объяснить происшедшее он не мог. Тот факт, что он не сделал попытки скрыться с места преступления, было расценено как свидетельство его невменяемости. Сыграл роль и такой необычный аргумент защитников Н.Н. Плавильщикова. Они объяснили чекистам, что «на свете существует один миллион видов насекомых, и Н.Н. Плавильщиков знает латинские названия всех этих насекомых. Разве может такой человек быть вполне нормальным?» Н.Н. Плавильщиков был признан шизофреником и впоследствии долгие годы плодотворно работал в Зоологическом музее МГУ. Перу Н.Н. Плавильщикова принадлежит несколько превосходных определителей и научно-популярных книг, в том числе, и знаменитый «Гомункулус» — увлекательное повествование о выдающихся натуралистах прошлого, — книга, чтение которой привело в науку несколько поколений биологов.

В 1922 г. Советское правительство перешло к чисто административным методам управления высшей школой, лишило Московский университет автономии, в условиях хозяйственного кризиса стало сокращать ассигнования на науку и образование. Ректор университета — известный биолог М.М. Новиков и другие профессора выступили с протестами. Новая большевистская власть не собиралась этого терпеть. В 1922 г. М.М. Новиков вместе с другими выдающимися профессорами (Н.А. Бердяевым, А.А. Кизеветтером, С.Л. Франком, Н.О. Лосским, и др.) был насильственно выслан из страны. Ректором МГУ был назначен историк-марксист В.П. Волгин, затем — А.Д. Удальцов, а потом — небезызвест-

Профессор Г.А. Кожевников
в последние годы жизни

ный А.Я. Вышинский, впоследствии знаменитый своей жестокостью прокурор-палач на сталинских процессах конца тридцатых годов. Г.А. Кожевников и здесь оказался в стороне, во всяком случае, никто не собирался его высылать вместе с другими выдающимися профессорами.

Со второй половины 1920-х годов в университете стала осуществляться политика приема студентов по классовому признаку. В университет направляли рабочих и крестьян «от сохи», малообразованную молодежь, которая должна была стать опорой нового общественного строя. Для поступления в университет в 1920-е годы не требовалось документов об образовании, достаточно было иметь справку о пролетарском или бедняцком происхождении (а без такой справки молодой человек не мог поступить в университет, даже при наличии хорошего образования). Среди пролетарской молодежи были и талантливые самородки, ставшие впоследствии видными учеными, и проходимцы, делавшие карьеру по партийной линии, и просто случайные люди. С этого времени изменился и весь облик университета. Грязь, мусор, заpleванные коридоры, загаженные и испещренные ругательствами туалеты, грязные столовые с хамоватыми подавальщицами, — все это стало обыденностью на десятилетия. Профессора, лишённые каких-либо привилегий, должны были покорно стоять в длинных очередях в общих столовых, ходить в те же грязные туалеты. Пока университет сохранял свою автономию, его руководство поддерживало чистоту и порядок даже в трудные годы гражданской войны и военного коммунизма. Разруха началась уже в относительно благополуч-

ные 1920-е годы, и это была, прежде всего, «разруха в головах», по образному выражению М.А. Булгакова.

Многие профессора находили постыдным получать жалованье за службу «хамской власти». Они оправдывались тем, что служат не власти, а науке и образованию. Проф. Г.А. Кожевников говорил, что хотя он и служит новой власти, но советских газет не читает «из принципа». «Так ведь других же нет» — говорили ему. «Вот вы никаких и не читайте», — отвечал Г.А. Кожевников. Читатель без труда узнает в этом диалоге высказывания профессора Филиппа Филипповича Преображенского из романа М.А. Булгакова «Собачье сердце». Наверное, так говорили многие профессора, а М.А. Булгаков хорошо знал профессорскую среду Московского университета. Многие черты характера Г.А. Кожевникова были отражены М.А. Булгаковым в образе другого персонажа — профессора В.И. Персикова из романа «Роковые яйца» (см. выше), хотя сама фамилия главного героя этого романа представляет собой трансформацию фамилии Георгия Георгиевича Абрикосова — тогда еще молодого сотрудника Зоологического музея МГУ. Знаменитая семья Абрикосовых не могла не быть известной М.А. Булгакову. К ней принадлежали промышленники (до революции они владели кондитерской фабрикой «Абрикосов и Эйнем», которая существует до сих пор под названием «Красный Октябрь»), известные деятели науки, культуры и медицины (например, выдающийся патологоанатом академик А.И. Абрикосов). Кстати, недавний лауреат Нобелевской премии 2003 г. физик А.А. Абрикосов — тоже из этой семьи.

Год «великого перелома» — 1929 — был годом больших перемен и в Московском университете. Потеряли свои посты многие выдающиеся ученые старого университета. На их места назначались молодые выдвиженцы, лояльные к большевистскому режиму. Не мог устраивать новую администрацию и типичный дореволюционный профессор Г.А. Кожевников. В 1929 г. он был отстранен от заведования Зоологическим музеем. На этот пост был назначен И.И. Месяцев, который одновременно стал деканом физико-математического факультета МГУ. Иван Илларионович Месяцев участвовал в революции 1905 г. (тогда студенческая боевая дружина сражалась на баррикадах с правительственными войсками и казаками; интересно, что в ноябре 1917 г. московские студенты вместе с юнкерами с оружием в руках боролись уже против большевиков), а в 1929 г. вступил в ВКП (б). И.И. Месяцев казался новым властям более подходящим руководителем, чем старорежимный Г.А. Кожевников. Последнему даже не оставили никакого лекционного курса, и встал вопрос о самом пребывании Г.А. Кожевникова в стенах университета. Грустные растерянные глаза Г.А. Кожевникова на фотографиях тех лет, — не являются ли они отражением того печального недоумения от всего происходящего, которое испытывал воспитанный в старых традициях добросер-

дечный профессор? Г.А. Кожевников остался в университете благодаря помощи своего ученика В.В. Алпатова, который зачислил его в штат своей лаборатории при содействии декана А.М. Быховской (эта замечательная женщина впоследствии едва не стала жертвой сталинских репрессий). Позднее декан географического факультета А.Ф. Мирчинк предоставил Г.А. Кожевникову возможность читать курс зоологии на своем факультете.

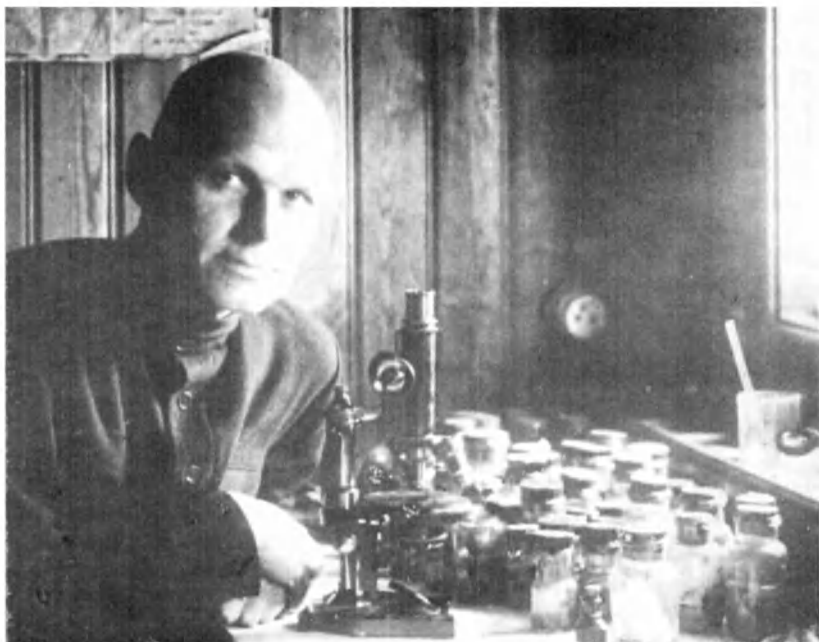
Г.А. Кожевников много занимался практическими задачами пчеловодства, а также читал лекции на курсах пчеловодов. С началом коллективизации к пчеловодам появились политические претензии: пчелы никак не хотели жить в колхозах, и пасечники оставались одной из последних групп сельских единоличников. Как специалист по пчелам попал под общую гребенку и Г.А. Кожевников. Его стали вызывать на ночные допросы в ГПУ. После одного из таких допросов Г.А. Кожевников скоропостижно скончался от инсульта. Это произошло в 1933 г.

Г.А. Кожевников дружил с анатомом Б.К. Гиндзе, который разработал оригинальный метод изучения сосудов мозга человека. Г.А. Кожевников завещал свой мозг для исследования другу. При вскрытии оказалось, что кости черепа Г.А. Кожевникова обладали необыкновенной толщиной, --- вот почему их не пробил пули из револьвера Н.Н. Плавицьшикова.

Великий Лев и море

Северный Ледовитый океан всегда привлекал русских людей. Начиная с XIV века, тысячи безвестных землепроходцев осваивали берега и необозримые просторы холодных морей этого океана. Отважные новгородцы, поморы, казаки, а затем офицеры и матросы созданного Петром I флота вели свои суда все дальше, пока весь восточный сектор Арктики не украсился русскими названиями мысов, островов и проливов. Северный Ледовитый океан — это единственное по-настоящему русское море, которое никто не оспаривает у России. Да и сама Россия, почти две трети территории которой находится в зоне вечной мерзлоты, — не есть ли она только побережье Северного Ледовитого океана?

С исследований арктических морей России начинали свои исследования по морской биологии выдающиеся зоологи Московского университета И.И. Месяцев и Л.А. Зенкевич. Их непосредственным предшественником был один из наиболее авторитетных исследователей животного и растительного мира русской Арктики Константин Михайлович Дерюгин. Выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик выдающегося зоолога В.М. Шимкевича, профессор К.М. Дерюгин начал свои исследования биологии северных морей с изучения фауны Кольского залива на специально оборудованном им судне «Александр Кова-

Профессор Иван Илларионович Месяцев (1885–1940)

левский» и основал морскую биологическую станцию в Кольском заливе. К.М. Дерюгин подробно изучил уникальный природный феномен — реликтовое озеро Могильное на о. Кильдин. Это озеро представляет собой кусочек моря, который несколько тысячелетий назад отделился в результате поднятия мурманских берегов. Верхние слои воды в озере оказались распресненными, а глубины остались солеными и там, отделенные от моря, как в гигантском аквариуме, существуют, видоизменяясь и приспособляясь морские беспозвоночные и рыбы. Исследования К.М. Дерюгина, проведенные им в первые десятилетия XX века, стали широко известны в России и в мире.

После Октябрьского переворота и гражданской войны, когда российская наука оказалась на грани уничтожения, тысячи российских ученых покинули родину. Оставили Россию и многие коллеги К.М. Дерюгина. Один из его ближайших друзей — известный зоолог и эмбриолог К.Н. Давыдов настойчиво предлагал ему уехать во Францию, но К.М. Дерюгин ответил решительным отказом. Оставшиеся ему 20 лет жизни (он умер в 1938 г., в возрасте 60 лет) К.М. Дерюгин посвятил исследованию морей России, работая и за себя и за тех своих коллег, которые покинули родную страну. Он организовал более 50 экспедиций для

Ледокольный пароход «Малыгин», на котором И.И. Месяцев и Л.А. Зенкевич совершили первую экспедицию в Арктику

изучения северных, дальневосточных и южных морей СССР. К.М. Дерюгин осуществил всесторонние исследования животного и растительного мира Белого моря. Его книга «Фауна Белого моря и условия ее существования», опубликованная в 1928 г., вплоть до наших дней остается одним из основных источников сведений по биологии и гидрологии этого водоема. К.М. Дерюгин был одним из создателей в 1919 г. Государственного гидрологического института, организовал Северную научно-промысловую экспедицию, на базе которой впоследствии возник Научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики. В 1925 г. по приглашению Дальревкома К.М. Дерюгин приехал во Владивосток и в последующие годы провел первые широкомасштабные работы по изучению фауны и флоры Дальневосточных морей. По инициативе К.М. Дерюгина была создана Тихоокеанская научно-промысловая станция, которая впоследствии выросла в знаменитый Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыболовства и океанографии (ТИНРО). Именно К.М. Дерюгин первым начал исследования глубоководной фауны в дальневосточных морях России, достигнув глубин в 4 тыс. м. Неутомимый натуралист, он совершал путешествия в Среднюю Азию, занимался перелетами птиц и многим другим. Он одинаково хорошо знал и беспозвоночных, и рыб, и птиц, был квалифицированным гидрологом и гидрохимиком. К.М. Дерюгин воспитал целую шеренгу зоологов, ихтиологов, гидробиологов, гидрологов и биогеографов. А.П. Андрияшев, М.А. Вирке-

Парусно-моторное судно «Персей» — родоначальник советского научно-исследовательского флота

тис, Г.П. Горбунов, Е.Ф. Гурьянова, В.В. Тимонов, П.В. Ушаков и многие другие — ученики К.М. Дерюгина.

В мае 1921 г. глава нового коммунистического правительства В.И. Ленин подписал декрет об организации планомерных исследований в российских морях. В подготовке этого документа участвовал И.И. Месяцев, Н.М. Книпович и Л.А. Зенкевич. Усилиями сотрудников Института зоологии Московского университета был создан Плавающий морской научный институт (ПЛАВМОРИН). Под руководством его основателя — профессора Ивана Илларионовича Месяцева — было построено первое советское экспедиционное судно «Персей», спущенное на воду в 1923 г. В период с 1921 по 1927 гг. проф. И.И. Месяцев возглавил несколько экспедиций в северные моря СССР. Собственно, с работ И.И. Месяцева берет начало морское направление в деятельности кафедры, и по сей день остающееся одним из основных в учебной и научной работе.

Арктические экспедиции И.И. Месяцева (в которых принимали участие Л.А. Зенкевич и В.А. Брочкая) на ледокольном пароходе «Малыгин» и научно-исследовательском судне «Персей» протекали в труднейших условиях с многодневными изматывающими арктическими штормами, при постоянной угрозе быть затертыми льдами. Были обследованы обширные акватории Баренцева, Белого и Карского морей. Деревянный «Персей» дошел до высоких арктических широт — севернее 81 градуса с. ш., куда до этого не проникали даже ледоколы. Экспедиции на «Персее» заложили основы отечественной океанологии. Выдающиеся

Л.А. Зенкевич в студенческие годы

российские исследователи Мирового океана В.Г. Богоров, В.А. Броцкая, Л.А. Зенкевич, Н.Н. Зубов, М.В. Кленова, С.В. Обручев, Т.С. Расс, А.А. Шорыгин, В.В. Шулейкин, В.А. Яшнов и др. прошли суровую школу в арктических плаваниях «Персея». В 1920-е годы все они были еще молодыми людьми. Молодой задор и романтика морских путешествий нашли отражение в «Песнях Персея» — сборнике шуточных песен, стихов и частушек, авторами которых были ставшие впоследствии известными учеными Н.Н. Зубов, Л.А. Зенкевич, С.В. Обручев, В.В. Шулейкин и др. Несколько частушек посвящены Борису Пильняку, известному писателю, который выполнял на «Персее» обязанности гидролога, например, такая (ее автором был К.Р. Оленевский):

*«У Бориса Пильняка
От ужасной качки
Появилось во рту
Слишком много жвачки»*

Борис Пильняк «отплатил» своим ученым коллегам тем, что описал свои впечатления о нравах и условиях первых советских арктических экспедиций в повести «Заволочье».

Впоследствии проф. И.И. Месяцев руководил (правда, всего один 1929 год) Зоологическим музеем МГУ. Научные интересы И.И. Месяцева концентрировались в области морской гидробиологии. Много сил он отдавал изучению закономерностей миграции и концентрации промысловых рыб, методов их разведки и промысла.

В 1930 г. Л.А. Зенкевич был назначен заведующим кафедрой общей зоологии. Официальный титул «кафедра зоологии и сравнительной анатомии беспозвоночных» появился в 1931 г., в результате реорганизации Института зоологии Московского университета и первым заведующим кафедрой стал проф. Л.А. Зенкевич. В состав кафедры вошли также сотрудники отдела беспозвоночных Зоологического музея МГУ, возглавляемого Г.Г. Абрикосовым, который впоследствии многие годы был официальным заместителем заведующего кафедрой.

Профессор Лев Александрович Зенкевич (впоследствии член-корреспондент, а затем и действительный член АН СССР) заведовал кафедрой в течение 40 лет — с 1930 до 1970 гг. Это была выдающаяся личность, яркий член когорты интеллигентов, получивших образование до 1917-го года. Он родился в 1889 г. в г. Цареве Астраханской губернии. Детские и юношеские годы Л.А. Зенкевича прошли в г. Оренбурге. В гимназические годы Л.А. Зенкевич познакомился с зоологом К.П. Ягдовским, который подарил ему книгу К.А. Тимирязева «Дарвин и его учение». Тем не менее, после окончания гимназии Л.А. Зенкевич поступил на юридический факультет Московского университета.

Как многие студенты Московского университета, молодой Л.А. Зенкевич участвовал в студенческих волнениях в 1911 г. и был выслан из Москвы. Он уехал в Тульскую губернию к отцу — ветеринарному инспектору. Там Л.А. Зенкевич познакомился с энтомологом А.А. Сырокомля-Сонопько и по его поручению занялся сбором и учетом насекомых. В отличие от большинства энтомологов, интересовавшихся только разнообразием насекомых, Л.А. Зенкевич увлекся количественным учетом фауны. Он размечал площадку размером 0,5 квадратного метра, собирал всех насекомых с этой площадки и подсчитывал их по видам. Интерес к количественному подходу Л.А. Зенкевич сохранил на всю жизнь, и создавшие ему мировую славу работы по применению количественных методов к изучению биологической структуры океана берут начало от тех скромных площадок на лугах Тульской губернии.

Через год Л.А. Зенкевич получил разрешение вернуться в Москву, но на юридический факультет его не приняли как политически неблагонадежного, он продолжил свое обучение в Московском университете на физико-математическом факультете и стал специализироваться по зоологии беспозвоночных. Возможно, юстиция потеряла в лице Л.А. Зенкевича хорошего юриста, но зато естественные науки приобрели выдающегося биолога и океанолога.

В 1916 г. Л.А. Зенкевич по ходатайству Г.А. Кожевникова был оставлен при Московском университете «для приготовления к профессорскому званию». Г.А. Кожевников добился назначения Л.А. Зенкевичу казенной стипендии и вообще выделял его среди выпускников кафедры. Сохранилось индивидуальная рукописная инструкция, написанная

Г.А. Кожевниковым специально для молодого Л.А. Зенкевича. Этот документ так и озаглавлен: «Инструкция, данная ординарным профессором Георгием Александровичем Кожевниковым оставляемому при университете для подготовки к профессорскому званию Льву Александровичу Зенкевичу». В ней на семи страницах четким профессорским почерком написано, что Л.А. Зенкевич должен делать, и чего он делать не должен. Там много конкретных рекомендаций: как подходить к изучению выбранной темы, какие книги и журналы читать в первую очередь, как готовиться к лекциям и практическим занятием и т.п. Но есть там, например, и такие слова: «Чтобы стать на достойную высоту в обеих отраслях деятельности, научной и педагогической, необходимо, прежде всего, глубоко проникнуться стремлением всецело и самоотверженно посвятить себя этой деятельности не ради материальных или служебных выгод, а ради идеального служения науке. Только те люди, которые выше всего ставят это служение, для которых высшее удовлетворение заключается в достижении вершин познания научных истин, становятся настоящими, а не формальными научными деятелями». Этот документ, согласно с которым инструктируемый должен был скрепить своей подписью, Л.А. Зенкевич хранил всю жизнь.

Вступление Л.А. Зенкевича на путь научной карьеры совпало с драматическими событиями в истории Российского государства. В феврале 1917 г. рухнула тысячелетняя российская монархия. Большинство представителей интеллигенции приветствовали Февральскую революцию 1917 г. К этому времени полная неспособность Николая II и его окружения справиться с проблемами, стоящими перед страной, стала очевидной всем. Многомиллионная армия, состоявшая, преимущественно, из крестьян (рабочие многих предприятий, обеспечивающих военные поставки, имели бронь и в армию не призывались), которых научили обращаться с оружием и почти четыре года гноили в окопах, утратила монархистские иллюзии. Бывшая опора престола — кадровое офицерство потеряло уважение к бездарному и безвольному монарху. Отступавшая армия видела причину своих неудач в предательстве и коррупции, охватившей правительство. Солдаты и офицеры презирали беспомощную Государственную думу и лютой ненавистью ненавидели немку-царицу и ее постоянного спутника — «святого старца» Г. Распутина, о бесчинствах и оргиях которого говорила вся страна. Когда на четвертом году войны в столице стало не хватать продовольствия, и обитатели петроградских рабочих окраин вышли на улицы, самодержавие уже некому было защищать, «и забрызганная кровью и грязью телега романовской империи опрокинулась на крутом повороте истории». Бескровная, не имевшая персонифицированных лидеров, истинно народная революция февраля 1917 г., казалось, открывала перед измученной страной перспективы быстрого экономического и социаль-

ного развития. Увы, накопившийся за многие десятилетия груз социальных и политических проблем оказался слишком тяжел.

Стихию русского бунта, который за целое столетие до этого был назван великим поэтом «бессмысленным и беспощадным», сумела оседлать небольшая группа амбициозных радикалов, которые до того отсиживались в тихой и благополучной Швейцарии. В их головах причудливо соединились утопические мечтания французских и английских аристократов, сложная экономическая наука кабинетного немецкого профессора (которую, в свое время, Г. Уэллс остроумно назвал такой же необъятной и запутанной, как борода ее создателя) и безжалостный разрушительный нигилизм С.Г. Нечаева и других российских «бесов». Все это, помноженное на чудовищное, испепеляющее властолюбие их суетливого вождя образовало ту адскую смесь, которая могла взорвать мятущуюся и наивную Россию. «Чтобы построить социализм, надо выбрать страну, которую не жалко», — сказал в свое время канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк. Германский генеральный штаб, к 1917 г. осознавший бесперспективность войны на два фронта, жалеть Россию не собирался. Несмотря на состояние войны с Россией, немецкое правительство переправило через свою территорию группу русских социалистов-интернационалистов, дошедших в своем интернационализме до того, чтобы добиваться «поражения в войне собственного правительства». В апреле 1917 г. В.И. Ленин и его единомышленники ступили на российскую землю. Эксперимент по построению социализма «в одной отдельно взятой стране», эксперимент, для которого, по словам великого русского физиолога И.П. Павлова, он «пожалел бы даже лягушку», начался.

В результате этого безжалостного эксперимента на территории бывшей Российской империи возникло общество, от которого с негодованием отвернулись бы и англо-французские утописты-мечтатели, и запутавшиеся в своих построениях бородатые немецкие экономисты, и даже отечественные нигилисты-нечаевцы. Вся собственность была объявлена принадлежащей народу. На деле ей распоряжалась узкая бюрократическая прослойка партийных и советских руководителей, так называемая «номенклатура». Такая «коллективная» форма управления богатствами страны породила безответственность и бесхозяйственность на всех уровнях. В борьбе с этим злом правящая верхушка пыталась использовать жесткую партийную дисциплину («Положишь партбилет на стол!») — стучали кулаком вышестоящие начальники, обращаясь к проштрафившемуся руководителю завода, председателю колхоза или директору школы) и тотальную бюрократизацию всей страны (число партийных и советских бюрократов в СССР многократно превосходило численность чиновников в царской России). И, тем не менее, безответственность и бесхозяйственность так и остались своего рода «родимыми пятнами» нового социалистического общества.

Создается впечатление, что заблудившиеся в многотомных собраниях сочинений классиков марксизма-ленинизма советские экономисты забыли относящееся еще к XVIII веку высказывание основателя политической экономии Адама Смита: «Человек, который не в состоянии приобретать собственность, не может иметь никаких интересов, кроме как есть побольше и работать поменьше». Когда в конце сороковых годов приглашенный в Советский Союз Мао Цзе-дун, глава только что ставшего социалистическим Китая, надувая щеки, спросил у И.В. Сталина: «Какая главная задача стоит перед руководителями таких великих стран, как Советский Союз и Китай?», — многоопытный вождь народов, посасывая трубочку, раздумчиво ответил: «Главная задача — заставить людей работать». Чего только не перепробовали советские руководители в поисках стимулов к труду в обществе, где собственность была объявлена пережитком капитализма: и стахановские почины, и романтические песни А. Пахмутовой, и пресловутое социалистическое соревнование, которое пытались внедрить не только в производство, но даже в правоохранительные органы и пожарную охрану. На эту тему даже защищали кандидатские и докторские диссертации. Так, например, диссертация С.В. Степашина, которую он защитил в советское время, так и называлась: «Социалистическое соревнование в пожарной охране» (впоследствии специалист по социалистическому соревнованию в пожарной охране стал одним из активных деятелей в правительстве Б.Н. Ельцина, даже побывал на посту премьер-министра). Тем не менее, несмотря на все усилия властей, отсутствие реальной заинтересованности людей в результатах своего труда стало бичом всей хозяйственной системы советского общества и главной причиной низкой производительности труда во всех сферах производства. Чтобы заставить людей работать на чуждую им номенклатуру, большевики возродили жестокие и архаичные формы производственных отношений. Сельских жителей загнали в колхозы, лишили паспортов и превратили в бесправных крепостных крестьян, которые обязаны были «за палочки» трудодней гнуть спину на государственной барщине и платить оброк в виде натурального налога. В середине XX века в Советском Союзе, который официальная пропаганда объявляла «самым передовым общественным строем», в массовом масштабе использовался рабский труд. На стройках социализма, особенно в 1930-1940-е годы, трудились миллионы рабов из концентрационных лагерей, а для своевременной поставки заключенных в ГУЛАГ (который стал важнейшим составным элементом хозяйственной жизни страны, его деятельность планировалась Госпланом, были выработаны «научно-обоснованные» нормы питания и содержания рабов, правда, более жесткие, чем те, что за 2000 лет до этого Катон-младший рекомендовал для «орудий говорящих») была создана мощная система репрессивных органов ОГПУ-НКВД-КГБ и пронизывающая все общество сеть стукачей и доносчиков.

Сотрудники и студенты кафедры зоологии беспозвоночных на Севастопольской биологической станции в 1937 г. Верхний ряд (слева направо): директор станции В.А. Водяницкий, Г.Г. Абрикосов, неизвестная, Г.М. Беляев, Л.Б. Левинсон, Ф.А. Лаврехин. Нижний ряд (слева направо): Н.П. Сытина, Н.Ю. Соколова (стоит), Л.А. Зенкевич, И.Н. Верхоустинская (стоит)

Слово «свобода» всегда написано на знамени всех революций, независимо от их реального содержания. Большевистский переворот не был исключением. Под лозунгам «освобождения трудящихся» российское общество шагнуло в царство чудовищной несвободы, перед которой даже жизнь в дореволюционной России выглядела верхом либерализма. На несколько десятилетий страна была лишена всех институтов демократии — выборов, независимого суда, свободной прессы и т.д. Откровенно высказывать свое мнение о порядках в стране стало невозможно, а в 1930–1940-е годы — смертельно опасно. Неосторожного разговора с приятелем могло быть достаточно для того, чтобы получить «десять лет без права переписки» (на деле это означало расстрел в застенках НКВД) или погибнуть от непосильного труда в лагере. ГУЛАГ нуждался в постоянном пополнении, и 4 миллиона доносов, написанных бдительными гражданами на соседей по коммунальной квартире и сослуживцев, были неплохим подспорьем для доблестных органов НКВД, озабоченных своевременной поставкой рабов на государственную каторгу. Принятая в 1936 г. «самая демократическая в мире» конституция «была не предназначена

для применения». С середины 1920-х годов в стране стала действовать все более жесткая идеологическая цензура, охватывающая все средства массовой информации, искусство и даже научные публикации. Выдержанные в духе «социалистического реализма» произведения литературы, кинофильмы и спектакли описывали проблемы и ситуации, которых не было в реальной жизни, а подлинно художественные произведения объявлялись нетипичными, формалистическими и запрещались к публикации. Несколько поколений советской интеллигенции были вынуждены жить и трудиться в обстановке духовной несвободы. Найти в этих условиях достойную линию поведения было непростой задачей для каждого, кто выбирал карьеру в науке и образовании.

После большевистского переворота Л.А. Зенкевич никогда не был в конфронтации с новой коммунистической властью. Как многие другие представители российской интеллигенции, пошедшие на сотрудничество с советской властью, Л.А. Зенкевич старался использовать на благо науки и образования те возможности, которые открывало строительство нового государства и всех его структур. Имя Л.А. Зенкевича стоит в одном ряду с такими выдающимися деятелями биологии советского периода, как К.И. Скрябин (основатель гельминтологии), С.А. Зёрнов (один из основателей гидробиологии) и др. Жизнь каждого из них могла бы быть сюжетом для романа-саги. В самом деле, их студенческие годы пришлись на серебряный век русской культуры — первое десятилетие XX века. Они пережили первую мировую войну, события Великой русской революции и кровавые перипетии гражданской войны. Эти люди сумели приспособиться к новому большевистскому режиму, хотя им пришлось смириться с преследованиями и высылкой ближайших друзей и коллег — выдающихся российских ученых и деятелей культуры, которых новое правительство посчитало вредными для строительства социализма, пережить репрессии, обрушившиеся на интеллигенцию, и вытерпеть многое другое. У тех, кто сумел сделать карьеру в новом мире, были крепкие нервы, железная воля и незаурядные дипломатические способностями.

Лучшими представителями интеллигенции двигала любовь к своей стране и своему народу, ради которого они были готовы трудиться, понимая, что политические режимы приходят и уходят, а Россия остается. Кроме того, и это важно подчеркнуть, в области науки и образования в послереволюционной России происходили важные положительные сдвиги. Советская власть с одной стороны осуществляла жесткий идеологический контроль, временами становившийся непреодолимым тормозом на пути развития научной мысли, а с другой — предоставила несравненно большие возможности для развития науки и техники, чем это было в дореволюционной России. В Советском Союзе была создана одна из лучших в мире систем образования, которое было абсолютно бесплатным и доступным для всех слоев общества. Это позволило деспотичес-

Л.А. Зенкевич с несколькими сотрудниками и студентами кафедры в 1939 г. Сидят (слева направо): Н.Ю. Соколова, Л.А. Зенкевич, И.Н. Верхоустинская (Богатова); стоят (слева направо): Л.Я. Славуцкий, М.Н. Лишев, К.А. Воскресенский, А.И. Дамрин, О.Н. Радченко, Е.М. Лебедев

кой по своей природе власти задействовать таланты, рожденные в глубине народа. Тысячи ломоносовых из всех слоев общества получили высшее образование, стали выдающимися деятелями науки. Доступ к высотам науки и культуры получили представители всех национальностей громадной страны, в том числе и таких, которые в дореволюционной России не имели даже письменности. Уничтожая лучших представителей интеллигенции в концентрационных лагерях и тюремных застенках, советская власть в то же самое время открывала возможность для реализации сил и талантов невиданному до того числу самородков из народа. Несмотря на отвратительную ложь и лицемерие, пронитывавшие официальную идеологию советского государства, и очевидные просчеты в экономической и социальной политике, Советский Союз стал крупнейшей научной державой XX века и вплоть до 1970-х годов сохранял лидерство во многих областях научно-технического прогресса. В числе тех, кто обеспечивал это лидерство, несомненно, был и Л.А. Зенкевич.

Судьба уготовила Л.А. Зенкевичу долгую жизнь. На посту заведующего кафедрой он пережил и социальные коллизии коллективизации и первых пятилеток, и сталинские репрессии. Сам Л.А. Зенкевич был арестован в 1933 г. в Архангельске в порту во время очередной морской экспедиции на «Персее» по стандартному обвинению в антисоветской деятельности, пробыл в заключении около полугода и был освобожден с трехлетним условным сроком. Студенты 1930-х годов вспоминали, каким они увидели Л.А. Зенкевича после возвращения из заключения: почему-то он пришел на свою лекцию в лагерных опорках. Маховик сталинских репрессий пощадил Л.А. Зенкевича в 1930-е и 1940-е годы, хотя и в его доме, как во многих московских домах, ночью прислушивались к шагам на лестнице и держали наготове узелок с бельем на случай ареста. Тогда во многих домах отключали на ночь лифты, потому что звук поднимающегося лифта мгновенно будил весь подъезд (ведь именно ночью приходили арестовывать), но все равно никто не спал, и все слушали, не раздадутся ли звуки сапог сотрудников НКВД на лестнице. Л.А. Зенкевич пережил и сессию ВАСХНИЛ 1948 г., и последовавший разгул лысенковщины, разоблачение культа личности, волонтаризм Н.С. Хрущева, оттепель 1960-х и даже начало застоя. Будучи властным и самолюбивым человеком, Л.А. Зенкевич мог там, где надо, смирять свои амбиции и идти на компромисс. Он жил в мире с партийной организацией (даже иногда называл себя «беспартийным большевиком») и, в то же время, умел защитить свои интересы и интересы своих сотрудников.

Л.А. Зенкевич не побоялся сохранить на кафедре и сделать своим ближайшим сотрудником В.А. Броцкую, муж которой был в конце 1930-х годов расстрелян как «враг народа». В конце 1940-х годов в самый разгар «борьбы с космополитизмом» (так называлась организованная И.В. Сталиным травля советских граждан еврейской национальности) Л.А. Зенкевич взял под свою защиту Я.А. Бирштейна, которому грозила потеря работы и высылка из Москвы. Я.А. Бирштейн помнил об этом всю жизнь, был благодарен Л.А. Зенкевичу и поддерживал его во всех ситуациях. Впоследствии Я.А. Бирштейн и В.А. Бродская сотрудничали с Л.А. Зенкевичем в работе над его знаменитой книгой «Фауна и биологическая продуктивность моря» и были его верными помощниками в учебных и административных делах на кафедре.

В послевоенные годы Л.А. Зенкевич помог устроиться на работу выдающемуся гидробиологу Г.Г. Винбергу. Георгий Георгиевич Винберг был арестован в 1940 г., в 1943 г. его прямо из лагеря забрали на фронт, а в 1944 г. — демобилизовали по ходатайству Академии наук и направили в местечко Борок в глухом углу Ярославской области.

В этом месте находилось имение народовольца Н.А. Морозова. Этот знаменитый революционер был лично знаком с К. Марксом, принимал участие в работе I Интернационала и в событиях Парижской коммуны,

был членом исполнительного комитета партии «Народная воля». Н.А. Морозов был участником хождения в народ, был арестован и осужден на три года по знаменитому «процессу 193-х». В 1881 г. Н.А. Морозов был снова арестован при нелегальном переходе границы и на «процессе 20-и» приговорен к смертной казни, которую в последний момент заменили на пожизненное одиночное заключение. Н.А. Морозов отбывал его в Шлиссельбургской крепости. В крепости Н.А. Морозов просидел до 1905 г. (почти четверть века!), но при этом активно занимался наукой. Это был незаурядный ученый-энциклопедист, который работал сразу во всех областях естественных и гуманитарных наук. Он занимался математикой, астрономией, метеорологией, химией, историей, политэкономией, писал стихи и песни. Будучи в заключении, состоятельный помещик-революционер Н.А. Морозов имел возможность выписывать из-за границы иностранные научные журналы и даже получал реактивы для химических опытов, которыми занимался в своей одиночной камере (хотя и жаловался, что из-за козней тюремщиков, иностранные журналы и реактивы приходили к нему в камеру с большим запозданием). За годы заключения он написал 26 томов научных работ и выучил 11 иностранных языков. Написанные в Шлиссельбургской крепости труды Н.А. Морозова имели немалую научную ценность. Он предсказал существование инертных химических элементов, отстаивал идею сложного строения атома и его делимости, высказал много других интересных догадок, подтвержденных дальнейшим развитием науки.

После освобождения в 1905 г. Н.А. Морозов стал популярным в обществе человеком. Для либеральной интеллигенции он стал своего рода символом борьбы с опостылевшим самодержавием. Его приглашали на обеды и званые вечера. Знаменитый писатель Леонид Андреев консультировался с ним, когда писал свой страшный «Рассказ о семи повешенных». Среди естествоиспытателей Н.А. Морозов считался авторитетным ученым. Он читал лекции на Высших женских курсах, а также в народном университете им. А.Л. Шанявского (в нем преподавали видные профессора, ушедшие в 1911 г. из Московского университета). После Октябрьского переворота в ознаменование заслуг перед освободительным движением декретом председателя Совнаркома В.И. Ленина за Н.А. Морозовым было сохранено в пожизненное пользование его имя «Борок». При советской власти Н.А. Морозов прожил в своем имени без малого 30 лет. Там он тоже занимался науками, опубликовал много научных работ, в том числе 7 томов, посвященных истории религии, под общим названием «Христос». В этом труде (он был опубликован в 1930-е годы) Н.А. Морозов, опираясь на расхождения между традиционной исторической хронологией и астрономическими наблюдениями, доказывал, что ни Древнего Египта, ни Греции, ни Рима вообще не существовало, а вся античная история, целиком, была попросту придумана.

мана средневековыми монахами для обоснования легенды об Иисусе Христе. Эта точка зрения выглядела, конечно, весьма экзотически (хотя в наши дни у Н.А. Морозова есть весьма активные последователи), но не менее экзотическим было и само существование помещика-народовольца в своем имении посреди социалистического строительства, колхозов, индустриализации и т.п. После смерти Н.А. Морозова было принято решение создать на месте его имения научный стационар для изучения будущего Рыбинского водохранилища. Впоследствии стационар превратился в Институт биологии внутренних вод, руководить которым был назначен знаменитый полярник И.Д. Папанин.

Бывший революционный моряк, руководитель Севастопольского ЧК, секретарь Реввоенсовета Черноморского флота, руководитель жилищного отдела ГПУ, начальник Центрального управления военизированной охраны, начальник связи Якутской республики, руководитель зимовок на Земле Франца-Иосифа и на мысе Челюскин, начальник Главсевморпути, академик, контр-адмирал, начальник Отдела морских экспедиционных работ при президиуме Академии наук СССР, Иван Дмитриевич Папанин отличался феноменальным умением находить выход из трудных положений. Однажды, еще в гражданскую войну, ему поручили пробраться в Крым и установить связь с действовавшими в тылу Врангеля партизанами для того, чтобы договориться о переправке в тыл к белым частей Повстанческой армии (ведь махновцы, как известно, в то время были союзниками Красной Армии, а сам Нестор Махно был одним из первых кавалеров первого советского ордена — ордена Красного Знамени). И.Д. Папанин выполнил поручение и должен был вернуться обратно через Трабзон, где действовали советские представители. Он договорился с татарами-контрабандистами о том, что они перевезут его в Трабзон, однако баркас контрабандистов был обстрелян врангелевскими пограничниками, и пуля попала в ногу И.Д. Папанина. Когда он разрезал сапог, чтобы перебинтовать рану, татары-контрабандисты увидели, что в сапоге у И.Д. Папанина спрятана большая сумма денег. По поведению контрабандистов И.Д. Папанин догадался, что они хотят его убить, чтобы завладеть деньгами. Тогда И.Д. Папанин (он же был флотский человек!) тайком испортил двигатель баркаса. Теперь двигатель работал только тогда, когда за штурвал становился сам И.Д. Папанин. Контрабандисты были вынуждены сохранить ему жизнь, но в результате долгого плавания по Черному морю баркас пристал к берегу на другом конце Турции — в Синопе. Там И.Д. Папанин сошел на берег, но теперь ему предстояло, не зная турецкого языка и с пулей в ноге, пробраться в Трабзон. Изображая хромого и глухонемого дервиша, И.Д. Папанин сумел пройти несколько сот километров, добраться до Трабзона и передать сведения и деньги советским резидентам. Подобных приключений на бурном жизненном пути И.Д. Папанина было немало.

Действительный член АН СССР
профессор Лев Александрович
Зепкевич (1889–1970)

В 1937 г. И.Д. Папанин снова понадобился для выполнения ответственного партийного поручения. Завершая борьбу за единоличную власть, И.В. Сталин задумал серию судебных процессов над своими коллегами — крупными деятелями большевистской партии. Эти судебные процессы широко освещались в прессе, а выбитые под страшными пытками признания бывших лидеров большевистской партии и близких соратников В.И. Ленина в чудовищных злодеяниях, заговорах, убийствах, вредительстве и шпионаже в пользу империалистических разведок транслировались по радио из зала суда. Люди слушали их с ужасом и недоумением. В этой обстановке организатору и вдохновителю этих процессов — И.В. Сталину — нужны были героические положительные примеры. Именно этим объясняется обилие разных героических предприятий в 1937–1938 гг. Знаменитые летчики В.П. Чкалов и М.М. Громов с товарищами совершали героические перелеты через Северный полюс в США, летчица В.С. Гризодубова с двумя подругами поставила мировой рекорд дальности женских полетов, совершив героический беспосадочный перелет на Дальний Восток (летели, пока не кончилось горючее, и самолет попросту не упал в тайгу, а отважные летчицы спаслись, выпрыгнув с парашютами) и т.д. Такие подвиги призваны были показать всему миру, что «нет таких крепостей, которых не смогли бы взять большевики».

Одним из примеров героизма советских людей должна была стать высадка И.Д. Папанина (который к тому времени накопил большой опыт работы в Арктике) с тремя такими же смельчаками на Северном полюсе. Их доставил туда самолет, И.Д. Папанин с товарищами установили на льдине палатку, радист экспедиции Э.Т. Кренкель послал радиogramму в

Л.А. Зенкевич во время лекции по зоологии беспозвоночных

ЦК ВКП(б) с докладом об успешной высадке и с требованием смертной казни для «троцкистско-бухаринских извергов» (такие телеграммы слали тогда все заводы, колхозы, научные институты и школы), самолет улетел и... Дальше предстояло выживать на льдине неопределенное время в условиях, которые даже представить себе никто не мог. На самом деле, для того времени эта героическая авантюра была примерно тем же, как если бы в наше время ракета высадила космонавтов на пролетающей мимо Земли комете, в надежде, что когда-нибудь она снова пролетит близко к нашей планете. Никто ведь не знал тогда закономерностей движения арктических льдов, никто не мог представить, сколько времени (год, два, три...десять) четверым смельчакам предстояло выживать на льдине и куда их понесет. Как известно, И.Д. Папанину и его героическим друзьям повезло: льдина стала дрейфовать не на восток в сторону канадской Арктики (последующие исследования показали, что именно таково преимущественное направление движения арктических льдов, и в этом случае ледовый дрейф папанинцев продолжался бы несколько лет), а на юг к берегам Гренландии. Через полгода в водах Северной Атлантики льдина начала таять. Полярники оказались на постоянно уменьшающемся ледяном плоту посреди океана. Удача сопутствует смелым, — четверку героев спасли в последний момент, буквально за несколько часов до того, как последний осколок льдины растаял в теплой воде.

В 1946 г. в Борке перед И.Д. Папаниным встала задача посложнее дрейфа в арктических льдах, — ведь никто из московских или ленинградских профессоров не хотел переезжать в глухой уголок Пошехонья. Но бывший революционный моряк И.Д. Папанин и здесь нашел выход. Он обратился к друзьям в НКВД, и они предоставили ему сведения о находящихся в ссылке видных репрессированных биологах, которым было запрещено проживать в Москве, Ленинграде и других крупных городах. Разыскав этих людей, И.Д. Папанин добился для них разрешения пере-

Знаменитый «Витязь» — флагман советской океанологии

ехать в Борк и дал им возможность заниматься любимой работой. Результат было нетрудно предсказать: в затерянном в пошехонских лесах Борке оказался блестящий состав ученых, который сделал бы честь любому столичному научному институту. В Институте биологии внутренних вод работали М.М. Камшилов, Б.С. Кузин, С.И. Кузнецов, Ф.Д. Мордухай-Болтовской, М.А. Фортунатов и многие другие выдающиеся биологи. И.Д. Папанин трогательно заботился об ученых, и годы его директорства стали временем расцвета Института биологии внутренних вод.

Но все это было позже. А тогда Г.Г. Винберг тяготился необходимостью оставаться в Борке. Он обратился за помощью к Л.А. Зенкевичу. Устроить Г.Г. Винберга в Москве было невозможно. Перед войной Л.А. Зенкевич по совместительству заведовал еще и кафедрой зоологии в Бело-

Подъем трала на «Витязе».
Л.А. Зенкевич сам стоит за лебедкой
(1960-е годы)

русском государственном университете в г. Минске (тогда такое практиковалось). Он рекомендовал Г.Г. Винберга на эту должность и тот стал руководить кафедрой в г. Минске. Как потом оказалось, минский период жизни Г.Г. Винберга (а он продолжался два десятка лет) был исключительно плодотворным. Здесь Г.Г. Винберг создал свои выдающиеся труды по биологической продуктивности, принесшие ему мировую известность, и создал знаменитую винберговскую школу продукционистов.

Вместе с другими выдающимися деятелями российской науки Л.А. Зенкевичу удалось заложить основы высшего биологического образования, которое существует в России до сих пор, и определить главные направления исследований в области зоологии беспозвоночных и смежных разделах биологической науки. Лекционные курсы зоологии беспозвоночных, а в особенности, малый и большой практикумы до сих пор следуют программе, заложенной Л.А. Зенкевичем и его соратниками: Г.Г. Абрикосовым, Я.А. Бирштейном, В.А. Броцкой, Ф.А. Лаврехиным и др.

Л.А. Зенкевич оказался на посту заведующего кафедрой в период бурного роста советской науки и образования в 1950-е и начале 1960-х годов. В эти годы им был сформировано кадровое ядро кафедры, которое определяло ее деятельность до конца XX века. Л.А. Зенкевич обладал масштабным и вместе с тем практическим складом ума, был властным и авторитарным человеком. Сотрудники кафедры и Института океанологии между собой называли его «Лев», и он оправдывал это грозное прозвище. Для всех сотрудников, работавших на кафедре в те годы, Л.А. Зенкевич был и остался непререкаемым авторитетом по всем вопросам. Да и более молодое поколение, которое никогда не видело Л.А. Зенкевича, ощущает влияние этой фундаментальной личности. Можно сказать, что дух «Великого Льва» до сих пор витает в стенах кафедры.

Л.А. Зенкевич был превосходным лектором. Помимо глубокого знания предмета и образного стиля изложения слушателям нравилась и импозантная академическая внешность Л.А. Зенкевича. Одетый в строгий костюм с галстуком-бабочкой со значительным выражением лица Л.А. Зенкевич выглядел именно так, как должен выглядеть настоящий академик. Л.А. Зенкевич знал цену своему «имиджу» (конечно, само это слово в те годы не было в ходу) и умел им пользоваться в общении с важными начальниками в министерствах. Им импонировала подчеркнутая академичность Л.А. Зенкевича, он как бы поднимал чиновного собеседника до своего уровня и, благодаря этому, мог многого добиться в министерских кабинетах.

Л.А. Зенкевич был одним из основателей Института океанологии АН СССР, в котором многие годы руководил отделом бентоса. 1950–1960-е годы были временем расцвета советской океанологии. Советский Союз ощущал себя лидирующей мировой державой (термин «сверхдержава»

Л.А. Зенкевич в возрасте 80 лет —
вся жизнь отдана морю (последний
рейс на научно-исследовательском
судне «Академик Курчатов»)

появился значительно позже). Весь мир был сферой политических интересов страны Советов, а весь Мировой океан рассматривался как арена действий ее могучего военного флота. В этих условиях руководству страны казалась очевидной необходимость широкомасштабных исследований Мирового океана. Советская океанологическая наука получала солидную государственную поддержку, был создан мощный исследовательский флот. Переданный Советскому Союзу в счет германских репараций немецкий госпитальный пароход «Марс» превратился в легендарное научно-исследовательское судно «Витязь», который почти полвека верно служил советской науке.

Под руководством Л.А. Зенкевича были проведены многочисленные экспедиции по исследованию биологической структуры Мирового океана на научно-исследовательских судах «Персей», «Витязь», «Академик Курчатов». Особенностью научного подхода Л.А. Зенкевича было широкое применение количественных методов при изучении морских сообществ. Это сейчас кажутся немислимыми исследования бентоса или планктона без определения биомассы и других количественных показателей. Но в 1920–1930 гг. этот подход был в полном смысле слова новаторским и вызывал резкое неприятие коллег. Л.А. Зенкевичу приходилось отстаивать необходимость применения количественных методов в дискуссиях с видными отечественными и зарубежными гидробиологами. Еще к середине XX века данные относительно такого важнейшего показателя, как биомасса планктона и бентоса, отсутствовали по большей части акватории Мирового океана. Только благодаря энергии, воле и настойчивости Л.А. Зенкевича количественные методы прочно вошли в мировую океанологию.

Круг интересов Л.А. Зенкевича в океанологии был необычайно широк. Им было разработано учение о биологической структуре океана, много внимания он уделял исследованию глубоководной фауны, вопросам морской биоценологии, биогеографии, акклиматизации морских орга-

низмов и другим вопросам морской биологии. Под руководством Л.А. Зенкевича на «Витязе» впервые в мировой практике были проведены глубоководные траления и показано наличие жизни на предельных глубинах Мирового океана. Советские исследователи показали, что пределы морской биосферы простираются до глубин 10 и более километров.

Классический труд Л.А. Зенкевича «Фауна и биологическая продуктивность моря» — это всеобъемлющая энциклопедия по глобальным и региональным проблемам морской биологии. Эта книга была закончена и сдана в печать в 1940 г., но из-за войны ее публикация была отложена. После окончания войны книга была опубликована. При этом второй том, озаглавленный «Моря СССР», вышел, как это не удивительно, раньше первого — в 1947 г. Выход первого тома этой книги — «Мировой океан» — был задержан. В 1948 г. состоялась сессия ВАСХНИЛ, и издательство «Советская наука» подвергло рукописи всех подготовленных для публикации книг тщательной ревизии на предмет обнаружения в них вейсманизма-морганизма и «низкопоклонства перед буржуазной наукой». В этом томе была обобщена вся мировая океанологическая литература, и обилие ссылок на авторов с иностранными фамилиями делало ее подозрительной. Тем не менее, в 1951 г. первый том все же был опубликован. На экземпляре, хранящемся в библиотеке Беломорской биологической станции, рукой Л.А. Зенкевича сделана надпись: «Прошу учесть, что эта книга в конце 1947 г. была заматрицирована и с тех пор изменениям не подвергалась». Редактирование обоих томов этой книги было осуществлено верными помощниками Л.А. Зенкевича — Я.А. Бирштейном и В.А. Бродской. Отдельные главы книги были написаны Я.А. Бирштейном и В.Г. Богоровым (о чём Л.А. Зенкевич упоминает в предисловии). Этот фундаментальный труд был переведен на английский, польский и японский языки и на несколько десятилетий стал основным руководством для морских биологов всего мира. Не многие из научных трудов, вышедших в Советском Союзе в XX веке, оказали такое влияние на мировую науку, как «Фауна и биологическая продуктивность моря». Позднее Л.А. Зенкевич опубликовал другие основополагающие сводки «Моря СССР, их фауна и флора» (1951) и «Биология морей СССР» (1963).

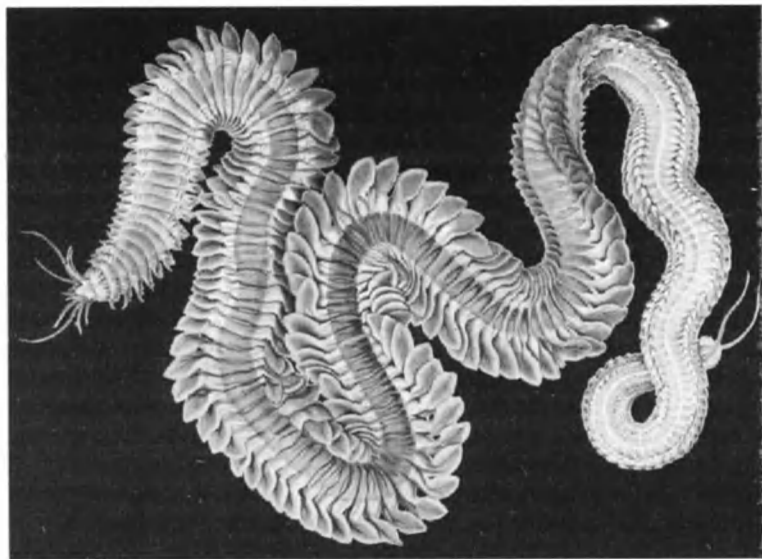
Вклад Л.А. Зенкевича в мировую океанологию был высоко оценен в стране и за рубежом. Он был удостоен Сталинской (1951) и Ленинской (1965) премий, был награжден золотой медалью Всесоюзного географического общества им. Ф.П. Литке, золотой медалью принца Альберта Монакского (высшей наградой Французского океанографического института), удостоен многих других почетных званий, членства в иностранных академиях и др. Л.А. Зенкевич был широко известен и в стране и в мире как неутомимый энтузиаст и организатор исследований моря. В Советском Союзе он был членом огромного количества комиссий и комитетов по изучению океана (например, был председателем Океаногра-

фической комиссии при Президиуме АН СССР, президентом Всесоюзного гидробиологического общества, вице-президентом Московского общества испытателей природы и др.), представлял СССР в различных международных организациях и был лично знаком со всеми ведущими океанологами мира.

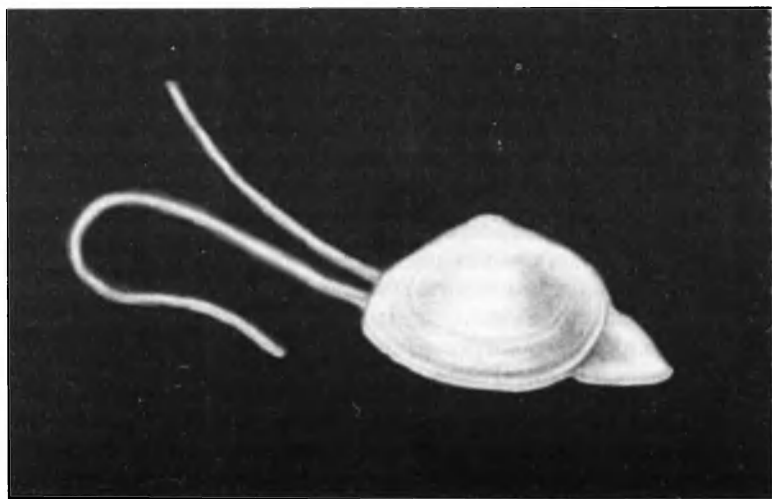
Л.А. Зенкевич сформировал морское направление исследований кафедры зоологии беспозвоночных. Благодаря Л.А. Зенкевичу, сотрудники кафедры могли принимать участие в рейсах научно-исследовательских судов Института океанологии. В те годы это было почти единственной возможностью побывать в других странах, увидеть мир за железным занавесом. Тесные связи Института океанологии и кафедры, заложенные Л.А. Зенкевичем, сохраняются до сих пор. Питомцы Л.А. Зенкевича — академик М.Е. Виноградов, профессора Г.М. Беляев, Н.Г. Виноградова, О.Н. Зезина, Л.И. Москалев, А.П. Кузнецов, М.Н. Соколова и многие, многие другие (всех и не перечислишь!) стали славой российской океанологии. Многие лаборатории Института океанологии Российской академии наук на 100% состоят из выпускников кафедры. Велика доля выпускников кафедры зоологии беспозвоночных МГУ и в других морских научно-исследовательских институтах (ВНИРО, Институт биологии моря в г. Владивостоке, Институт биологии южных морей Национальной академии наук Украины в г. Севастополе и др.).

Кто кого ест?

Помимо участия в совместных исследованиях с Институтом океанологии, у кафедры были и собственные направления работ по морской тематике. Одним из важнейших направлений были работы по акклиматизации беспозвоночных Азово-Черноморского бассейна в Каспийском море для увеличения кормовой базы осетровых рыб. В 1934 г. Л.А. Зенкевич вместе с Я.А. Бирштейном опубликовал в журнале «Рыбное хозяйство» статью «О возможных мероприятиях по повышению продуктивных свойств Каспия и Арала». В этой статье была поставлена задача «пересмотреть всю азовскую и черноморскую фауну на предмет выбора тех форм, которые могли бы быть переселены в Каспийское море и явиться там массовыми кормовыми объектами для промысловых рыб». По мысли авторов этой статьи бурная геологическая история Каспийского моря (которое связано с Черным, Азовским и Средиземным морями общим происхождением от древнего океана Тетис), привела к обеднению фауны этого водоема. Л.А. Зенкевич и Я.А. Бирштейн считали, что в настоящий геологический период условия в Каспийском море благоприятны для жизни в нем многих морских форм, но они не могут туда проникнуть, отделенные от Азово-Черноморского бассейна 600-километровой перемычкой суши.

Многощетинковый червь Нерейс

Двустворчатый моллюск Абра

Задуманные Л.А. Зенкевичем и Я.А. Бирштейном работы были, по сути, продолжением идей К.Ф. Рулье и А.П. Богданова об акклиматизации животных, но в то же время — одной из первых в мире попыток сознательной акклиматизации морских беспозвоночных. Да и политический момент для такого рода начинаний был, как будто, очень подходящим: как раз тогда в газетах много писали о «сталинском плане преобразования природы», о том, что «мы не можем ждать милостей от природы» и т.п. На основе детального изучения фауны Азово-Черноморского бассейна и Каспийского моря Л.А. Зенкевичем и Я.А. Бирштейном был намечен целый ряд видов, перспективных для переселения. Начать решили с многощетинкового червя nereиса (*Nereis diversicolor*) и двустворчатого моллюска абры (*Abra segmenta* = *Syndesmia ovata*).

Работы по их переселению были начаты в 1936–1938 гг. и проводились совместно с Главрыбводом и Всесоюзным институтом рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО), в них помимо Л.А. Зенкевича и Я.А. Бирштейна активно участвовали Г.М. Беляев, Е.Н. Бокова, А.Ф. Карпевич, Н.Ю. Соколова, Н.Н. Спасский, А.А. Шорыгин и другие. Червей и моллюсков собирали в Азовском море, помещали в ящики с влажным песком и везли морем до г. Ростова, а потом по железной дороге — до г. Махачкалы и г. Баку. Весь путь занимал 10–12 суток. Выдержать такой долгий путь чувствительные к условиям среды nereисы не могли. Не помогало и то, что ящики обкладывали льдом, так что температура песка не поднималась выше 10 градусов. С каждым днем черви становились все более вялыми, бледными и на 5–9-е сутки почти все погибали. Наконец, Е.Н. Бокова нашла решение: она стала добавлять в песок, в котором сидели животные, активированный уголь, который поглощал продукты обмена червей и моллюсков. Угля добавляли много, до 20%, грунт получался почти черным, но в таких условиях даже через 15 дней до 80% nereисов оставалось живыми.

После того, как были найдены подходящие условия транспортировки за три раза (в 1939, 1940 и в 1941 гг.) из Азовского моря в Каспийское перевезли 64 тыс. nereисов и несчетное количество синдесмий. Их выпускали сразу в нескольких точках — на юге и на севере, на западе и на востоке — так, чтобы охватить возможно более широкий диапазон условий Каспийского моря.

В 1941 г. работы по переселению nereисов и синдесмий были прерваны — началась война. Никто не знал, что случилось с переселенцами в Каспийском море. Но еще до окончания войны пришла радостная весть — 13 октября 1944 г. в желудке осетра, пойманного у о. Чечень (расположенного у юго-западных берегов Северного Каспия) Н.Н. Спасским были найдены nereисы. После войны в 1948 и 1949 гг. сотрудниками кафедры и ВНИРО были проведены весьма детальные исследования, охватившие всю акваторию Северного Каспия. Сбором материала и его обработкой

К.А. Воскресенский (в центре) во время экспедиции на Азовском море
(середина 1950-х годов)

занимались студенты и аспиранты кафедры, многие из которых стали впоследствии известными морскими биологами: Г.М. Беляев, М.Е. Виноградов, Н.Г. Кибардина (Виноградова), Н.Н. Романова, Е.П. Турпашева, Е.А. Цихон-Лукашина и др. Перелес широко распространился в Каспийском море, выйдя по биомассе на второе место среди всех донных беспозвоночных. Перелеса и синдесмию стали часто находить в желудках осетра и воблы.

В целом результаты переселения оказались успешными — обогатив фауну Каспия, они не привели к вредным или вообще каким-либо непредвиденным последствиям для экосистемы Каспийского моря (а это далеко не всегда бывает при акклиматизационных мероприятиях). Сейчас поселения перелеса и синдесмии занимают на дне Каспийского моря площади в несколько тысяч квадратных километров. Эти организмы играют важную роль в экосистемах водоема. В то же время определить, привело ли переселение перелеса к непосредственному увеличению поголовья осетровых в послевоенные годы было затруднительно. В дело вмешался новый фактор. После войны началось строительство грандиозного каскада гидроэлектростанций на Волге. Поднявшиеся плотины преградили осетровым путь к традиционным местам нереста в верховьях Волги, да и сами верховья оказались подвержены действию увеличив-

шихся промышленных стоков. Все это на некоторое время перекрыло те положительные последствия, которые могло иметь увеличение кормовой базы осетровых рыб.

В послевоенные годы результаты работ по переселению нереиса вызвали ожесточенную дискуссию. Не только на страницах научных изданий, но и в газетах (в том числе и таких, как «Правда», «Известия», «Труд») появились десятки статей, в которых одни авторы говорили о положительном значении переселения нереиса, а другие доказывали, что это переселение принесло не пользу, а вред. Больше всего спорили по вопросу о том, чем же питается нереис? Не станет ли он конкурировать с осетрами, вместо того чтобы стать для них пищей. В качестве одного из методов для решения этой проблемы применяли так называемый «метод дворики». Нереиса сажали в центр сосуда, по периферии которого были выгорожены дворики. В эти дворики помещали живые водоросли, насыпали растительный детрит (т.е. измельченные фрагменты мертвых водорослей), сажали личинок комаров-хируномид (которыми, как известно, питалась молодь осетровых и других рыб), клали другие субстраты, которые могли быть объектом питания нереиса. Поскольку нереис чаще всего уплывал в дворики, в которых находились живые или мертвые водоросли, был сделан вывод о его питании, по преимуществу, водорослями и детритом. Однако выводы, полученные в результате таких экспериментов, были убедительными отнюдь не для всех. Так, например, авторитетный гидробиолог К.А. Воскресенский говорил, что таким образом экспериментатор получает сведения не о пищевых предпочтениях нереиса, а о поведении несчастного животного в неестественных условиях. На кафедре кинематографии МГУ был даже снят фильм, в котором нереис охотно поедал личинок хируномид. Сторонники переселения нереиса демонстрировали желудки осетра, набитые съеденными нереисами (банки с этими желудками до сих пор хранятся в коллекции так называемых «мокрых» препаратов кафедры). Противники переселения показывали пробирку с заформалиненным нереисом, который держал в своих страшных изогнутых челюстях мертвого малька осетра. Дискуссия разгоралась. Особенно яростно против мероприятий по переселению нереиса выступал известный ихтиолог Н.В. Лебедев (впоследствии заведующий лабораторией биологии развития животных, которая позднее вошла в состав кафедры). Учитывая напряженную атмосферу в стране, в которой не прекращались поиски «врагов народа» и «вредителей», последствия этой дискуссии могли быть печальными для любой из сторон. К счастью, никто из участников этого спора серьезно не пострадал. И годы спустя они продолжали работать в одном коллективе биологического факультета, также как в Каспийском море мирно сосуществовали и нереисы, и осетры. Тем не менее, отголоски этой борьбы долгие годы давали себя знать на кафедре, постепенно затухая по мере старения и ухода из жизни ос-

новых участников событий. Литературным памятником этого противостояния стала повесть известного советского писателя В.А. Каверина «Двойной портрет».

Фаунистические и биоценологические исследования на Каспийском море оставались одним из направлений работы сотрудников кафедры вплоть до середины 1970-х годов. Дело в том, что помимо направленной акклиматизации некоторых ценных видов беспозвоночных, в 1950-е годы XX века в Каспийское море переселилось множество непрошенных мигрантов. Ввод в эксплуатацию Волго-Донского канала привел к тому, что вместе с судами из Азовского и Черного морей в Каспий проникло около 20 видов беспозвоночных. Некоторые из них широко распространились и оказали большое влияние на состав и функционирование сообществ Каспийского моря. Так, например, усоногие ракообразные *Cirripedia*, проникшие из Черного и Азовского морей, стали ведущими членами сообществ обрастаний судов и гидротехнических сооружений в Каспийском море. Изучением изменений биоценозов Каспийского моря в результате вселения новых видов, а также гидростроительства на Волге в течение многих лет руководила Г.Б. Зевина, в них участвовали многие сотрудники, аспиранты и студенты кафедры. Эти работы заложили основу понимания биологической структуры Каспийского моря, их результаты еще не раз будут востребованы в связи с использованием биологических ресурсов этого водоема. Сотрудники кафедры вели исследования и на Черном море. Одним из объектов этих исследований был хозяйственно важный двустворчатый моллюск-древоточец *Teredo navalis*, изучением которого энергично занималась Р.К. Кудинова-Пастернак (впоследствии — доцент кафедры).

Почерк гения

В 1931 г. при реорганизации Института зоологии Московского университета была создана Лаборатория экологии и полезных беспозвоночных, которая позднее (в 1937 г.) вошла в состав кафедры зоологии и сравнительной анатомии беспозвоночных. Этой лабораторией руководил выдающийся зоолог Владимир Владимирович Алпатов. Этот удивительный человек, умница и эрудит, был энтузиастом широкого применения математических методов в биологии. Свою научную карьеру В.В. Алпатов начал вместе с И.И. Месяцевым и Л.А. Зенкевичем с изучения фауны арктических морей.

«Уже Pearl отмечает постоянно наблюдающуюся при работе с Decapoda кривость кривых, объясняющуюся тем, что при промерах не различается возраст экземпляров. Этим обстоятельством, несомненно, объясняется и параболическая регрессия. Необходимо особенно подчеркнуть, что мы наблюдаем здесь явление прогрессирующего с возрастом диффор-

мизма». Эту цитату из работы В.В. Алпатова «Decapoda Белого, Баренцова и Карского морей» писатель Борис Пильняк использовал в качестве эпиграфа к уже упоминавшемуся роману «Заволочье». В приведенном отрывке упоминается фамилия Раймонда Перла — американского биолога, под руководством которого В.В. Алпатов проходил стажировку в США в качестве стипендиата Рокфеллеровского фонда в 1927–1929 г. За три года работы в США В.В. Алпатов написал 27 статей, посвященных математическому анализу роста популяций при воздействии различных условий в эксперименте (заметим, что одним из объектов работ в лаборатории Р. Перла в то время уже стала знаменитая плодовая мушка-дрозофила).

Вернувшись в СССР, В.В. Алпатов занимался изучением влияния температуры, ультрафиолетового излучения и других факторов среды на рост и темпы делений инфузорий. В.В. Алпатов исследовал зависимость размеров организма от температуры, при которой происходит его развитие. Он ратовал за внедрение в биологию строгих математических методов анализа результатов наблюдений и читал на факультете курсы «Вариационная статистика» и «Биометрия». Одним из основных объектов исследований В.В. Алпатова (ученика Г.А. Кожевникова) стала медоносная пчела. В общей сложности он посвятил пчелам 53 научных работы, в том числе замечательную книгу «Породы медоносной пчелы», вышедшую в 1948 г. Заслуги В.В. Алпатова в изучении пчел были высоко оценены коллегами, и в 1965 г. он был избран почетным членом Международной федерации пчеловодных объединений «Апимондия».

В.В. Алпатов, И.И. Месяцев и Л.А. Зенкевич в 1920-е годы

Вопреки сложившейся за пчеловодами репутации сдержанных и спокойных людей, В.В. Алпатов вовсе не был таковым. Он обладал резким характером, презирал карьеристов, был остер на язык и вовсе не склонен был идти на какие-либо компромиссы по принципиальным вопросам. А что для него могло быть более принципиальным, чем научная истина? Мог ли В.В. Алпатов смолчать, слушая чудовищные бредни восторжествовавших после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. лысенковцев? Вот почему, несмотря на то, что В.В. Алпатов занимался такой важной для практики проблемой как биология медоносной пчелы (а может быть, именно благодаря этому!), он вынужден был оставить Московский университет.

В.В. Алпатов постоянно ратовал за расширение обмена научной информации с зарубежными коллегами, пропагандировал необходимость публикации работ отечественных ученых в международных журналах. Безусловно, это не могло остаться незамеченным, но каким-то чудом В.В. Алпатов избежал ареста. В 1937 г. он сумел добиться создания специального Биологического реферативного журнала. Значение этого явления для сохранения научного потенциала отечественной биологии трудно переоценить. В отгороженном от всего мира «первом социалистическом государстве» все менее доступными становились иностранные книги и журналы. Знание иностранных языков перестало быть необходимою для успешной научной карьеры. В.В. Алпатов не мог с этим примириться. В 1950-е годы после ухода из МГУ он участвовал в создании Всесоюзного института научно-технической информации (ВИНИТИ) и стал главным редактором Реферативного журнала «Биология». После сессии ВАСХНИЛ многие выдающиеся генетики остались без работы. В.В. Алпатов протянул им руку помощи, он привлек в редакцию многих генетиков (в то время с ним сотрудничали П.Ф. Рокицкий, Е.М. Вермель и др.), потерявших работу во времена лысенковщины. Но и здесь В.В. Алпатов показал себя — в 1957 г. он опубликовал реферат газетной статьи В.Н. Сукачева, направленной против Т.Д. Лысенко, и естественно, потерял пост главного редактора (хотя остался в редакции в должности редактора раздела). И тогда, и позже В.В. Алпатов не боялся написать отрицательный отзыв или рецензию (что, в общем-то, не очень принято: ученые — тоже люди, а в мире людей, может быть, и уважают принципиальных, но любят, все-таки снисходительных). В 1955 г. после выхода учебника Н.П. Наумова «Экология животных» эмоциональный В.В. Алпатов опубликовал в бюллетене Московского общества испытателей природы настолько резкую рецензию на эту совсем неплохую книгу, что Н.П. Наумов потребовал товарищеского суда.

В.В. Алпатов прожил большую жизнь и скончался 80 лет от роду. Он много сделал за свою жизнь, написал много научных работ и, тем не менее, подводя итоги своей жизни, он не раз говорил, что одним из глав-

ных результатов его деятельности следует считать то, что он нашел и воспитал Г.Ф. Гаузе.

С юным натуралистом Георгием Францевичем Гаузе (которому тогда было 15 лет) В.В. Алпатов подружился в 1925 г. В.В. Алпатов давал своему юному другу литературу и беседовал с ним на различные научные темы. Г.Ф. Гаузе был поражен широким научным кругозором своего молодого учителя, особенно, в области экологии, генетики и эволюционного учения. Под руководством В.В. Алпатова еще в школьные годы Г.Ф. Гаузе начал вести научную работу и занялся проблемами изменчивости, используя биометрические методы. Первую статью, посвященную изменчивости у азиатской саранчи, Г.Ф. Гаузе опубликовал в немецком научном журнале в 1927 году, еще до поступления в университет.

В тот период Советское правительство проводило политику приема в университеты по классовому признаку, а родители Г.Ф. Гаузе по представлениям того времени пролетариями не считались. Его отец Франц Густавович Гаузе родился и вырос в Литве, но затем уехал учиться в Санкт-Петербург, где получил специальность архитектора, а впоследствии стал профессором и деканом Московского архитектурного института. Он опубликовал много трудов по архитектуре, в том числе и знаменитую книгу «Железобетон в XX веке». Мать Г.Ф. Гаузе — Надежда Михайловна Иванова была балериной в труппе Большого театра. Будучи сыном профессора (то есть классово чуждого элемента) Г.Ф. Гаузе не мог рассчитывать на получение высшего образования. Если бы не знакомство с В.В. Алпатовым, мировая биологическая наука лишилась бы одного из своих гениев (а сколько таких гениев не нашло себе применения и погибло для науки из-за классовой политики большевистских властей). В.В. Алпатов обратился к директору Зоологического музея проф. Г.А. Кожевникову, который добился, чтобы талантливому юноше позволили поступить в Московский университет. Г.Ф. Гаузе с лихвой оправдал надежды своих учителей.

Поступив в Московский университет Г.Ф. Гаузе, одновременно по направлению известного энтомолога Е.С. Смирнова стал работать в лаборатории Биологического Института при Коммунистической академии, которым руководил знаменитый цитогенетик С.М. Навашин (В.В. Алпатов в это время находился в командировке в США). В это период 18-летний Г.Ф. Гаузе выполнил работу по экологии прямокрылых, опубликованную в международном журнале «Ecology».

После возвращения В.В. Алпатова из США в 1929 г. Г.Ф. Гаузе вместе с ассистентом кафедры Ниной Павловной Смарагдовой начал исследования по физиологической экологии инфузорий, а затем перешел к экспериментальному изучению взаимодействия видов в модельных сообществах. Он содержал вместе (в одном «микрокосмосе» — так называл Г.Ф. Гаузе созданное им в пробирке искусственное сообщество) два близких вида инфузорий-туфельек (*Paramecium caudatum* и *Paramecium*

Г.Ф. Гаузе в возрасте 19 лет во время экспедиции на Кавказ

aurelia), питавшихся одним и тем же видом бактерий. В этих экспериментах было показано, что два экологически близких вида не могут существовать совместно — один из видов инфузорий обязательно исчезал из «микрокосмоса». Эти эксперименты позволили Г.Ф. Гаузе сформулировать так называемое «правило Гаузе» — принцип конкурентного исключения близких видов. Этот принцип был положен в основу учения об экологических нишах — одного из базисных положений современной экологии.

В другом «микрокосмосе» он поселил вместе хищных инфузорий-дидиниумов (*Didinium nasutum*) и их жертв — инфузорий-туфельек. Г.Ф. Гаузе показал, что в однородной среде хищник полностью истреблял жертв, а потом вымирал сам. Второй вариант опыта состоял в том, что для туфельек создавали убежище. Его можно сделать, сохранив в овсяной среде, на которой содержали инфузорий, студенистый осадок, где могла укрыться часть туфельек, или, оттянув доньшко пробирки, в котором изящные туфельки могли спрятаться от бочонковидного дидиниума. В этом случае в «микрокосмосе» возникали синусоидальные волны численности хищника и жертвы, но через несколько дней либо полностью вымирал хищник, либо полностью исчезала жертва (а затем и хищник). Если же обеспечить периодическое (через каждые три дня) вселение в «микрокосмос» хищника и жертвы, то возникали математически правильные синусоидальные волны численности дидиниума и туфельки.

Эти простые опыты стали экспериментальным обоснованием для математических моделей поведения системы хищник-жертва, которые незадолго до этого (в 1920-е годы) были разработаны математиками А. Лотка и В. Вольтерра. Эти модели представлялись биологам чистой математической абстракцией, которую невозможно приложить к реальным

сообществам, в которых все так сложно и действует так много факторов, которые невозможно учесть. Менталитет научного сообщества был таков, что не воспринимались даже простые подсчеты численности и биомассы (вспомним те трудности, с которыми столкнулся Л.А. Зенкевич, внедряя количественный подход к изучению морских сообществ). Решать такие сложные проблемы на примере культур инфузорий в пробирках, — нет, ни один воспитанный в классических традициях (и несущий весь груз сопутствующих этому воспитанию предрассудков) биолог на это никогда бы не решился!

В подходе Г.Ф. Гаузе были не просто талант и энтузиазм, здесь была гениальная простота — способность вычленить существенное, не обращая внимание на бесконечное множество второстепенного. Здесь много общего с подходом Г. Менделя к исследованию закономерностей наследования признаков. Почему законы наследования (которые мы называем законами Менделя) так долго не были открыты, и даже после того, как они были открыты, они еще 40 лет не понимались и не признавались научным сообществом? Проблема наследования казалась такой сложной, в ней было так много факторов, которые надо было учитывать — влияние отца и влияние матери, влияние дедушек и бабушек с обеих сторон, и вклад предыдущих поколений, и воздействие среды, и много еще всего. А тут, — опыты с горохом: желтый или зеленый, гладкий или морщинистый — и отсюда законы наследования, простые, в буквальном смысле, как «дважды два» (точнее, как 3 к 1).

Блестящие и простые работы Г.Ф. Гаузе были выполнены им в необычайно молодом возрасте — в промежутке между 19 и 24 годами. Это были блеск и простота истинного гения. Результаты этих работ были сначала опубликованы по-русски в «Зоологическом журнале». Если бы эти результаты работ Г.Ф. Гаузе так и остались только в российском «Зоологическом журнале», очень вероятно, что они оказались бы неизвестными для мирового научного сообщества и были бы открыты заново через 20 или 30 лет. А самого Г.Ф. Гаузе ждала бы участь непризнанного гения, которым «несть числа» среди российских исследователей. Но в первой половине 1930-х годов к публикации научных работ за рубежом еще не было больших препятствий. Результаты экспериментов Г.Ф. Гаузе были положены в основу двух монографий: «Борьба за существование», опубликованной в Балтиморе в 1934 г. на английском языке, и «Экспериментальная проверка математической теории борьбы за существование», вышедшей в Париже в 1935 г. на французском языке. Мир узнал об открытиях молодого российского гения вовремя! Годом позже 26-летнему Г.Ф. Гаузе была присуждена ученая степень доктора биологических наук. Это был самый молодой доктор наук в истории отечественной биологии.

В последующие годы Г.Ф. Гаузе опубликовал еще несколько работ по математическому анализу динамики популяций и борьбы за существо-

вание. Партнером Г.Ф. Гаузе в этих исследованиях стал талантливый молодой математик А.А. Витт. К сожалению, в 1938 г. он был арестован и погиб в сталинских застенках.

Книги Г.Ф. Гаузе, посвященные проблеме борьбы за существование, остались малоизвестными в Советском Союзе, поскольку так и не были изданы на русском языке. В послевоенные годы большинство отечественных биологов, узнавали о «правиле Гаузе» из публикаций западных коллег и даже не подозревали, что оно было сформулировано их здравствующим соотечественником. Дело в том, что после 1948 г. само понятие «борьбы за существование» было предано анафеме, поскольку не соответствовало официально признанным догмам лысенковской биологии. Г.Ф. Гаузе неоднократно подвергался нападкам со стороны лысенковцев, но его надежно защищала репутация создателя антибиотиков (об этом см. ниже). Шла «холодная война», и страна, стоявшая на пороге новых вооруженных конфликтов, остро нуждалась в антибиотиках.

Если бы Г.Ф. Гаузе не сделал в своей жизни больше ничего, то и в этом случае имя его навсегда было бы золотыми буквами вписано в историю мировой науки. Но впереди у 25-летнего Г.Ф. Гаузе была еще целая жизнь! В конце 1930-х годов Г.Ф. Гаузе (вместе с Н.М. Смарагдовой) обратился к такой интригующей проблеме, как асимметрия биологических молекул (L- и D-изомеров). Его книга «Асимметрия протоплазмы», опубликованная в 1940 г., имела огромный успех, была переведена на английский язык и переиздана в США в 1941 г. Г.Ф. Гаузе вместе с В.В. Алпатовым ставил эксперименты, в которых они изучали действие отбора на популяции инфузорий в условиях повышения солености среды. Ими была изучена географическая изменчивость инфузорий и показано существование внутри одного вида нескольких генетически различных рас, которые различаются по способности адаптироваться к температуре и солености. Результаты этих работ были обобщены в книге Г.Ф. Гаузе «Экология и некоторые проблемы происхождения видов». Эта книга была подписана к печати в июне 1941 г., но началась война, и книга не была издана. Только через 43 года, в 1984 г. эта книга увидела свет.

В 1939 г. началась Вторая мировая война. В Московском университете стали расширяться исследования по оборонной тематике. По инициативе Г.Ф. Гаузе лаборатория экологии при кафедре зоологии и сравнительной анатомии беспозвоночных заключила договор с Дезинфекционным институтом Минздрава СССР. Г.Ф. Гаузе предложил использовать для быстрого тестирования дезинфекционных веществ культуры инфузорий (до этого использовали медленно растущие культуры бактерий). После вступления СССР в войну Г.Ф. Гаузе был назначен заведующим отделом Государственной санитарной инспекции Сталинского района Москвы. Одновременно Г.Ф. Гаузе работал по совместительству в Институте медицинской паразитологии и тропической медицины Нар-

комздрава. В это время в лондонской «Nature» была опубликована заметка о том, что в Рокфеллеровском институте в Нью-Йорке доктор Рене Дюбо получил первый лечебный антибиотик тиротрицин, который прошел успешное испытание в военных госпиталях. Г.Ф. Гаузе был сильно возбужден этой заметкой. Он буквально ворвался с этим известием в лабораторию своей жены Марии Георгиевны Бражниковой, закончившей аспирантуру в Институте экспериментальной медицины. Они вышли на территорию Института, прошли вдоль протекавшего неподалеку ручья, собрали кончиком скальпеля пробы почвы и сделали посевы в чашках Петри. Среди выросших колоний были найдены штаммы, подавлявшие рост стафилококков. Из этих штаммов было выделено и очищено кристаллическое вещество — первый советский антибиотик грамицидин.

Значение этой работы в годы войны, когда сотни тысяч раненых умирали от гнойных ран, трудно переоценить. Грамицидин был немедленно введен в практику военной хирургии. Сам Н.Н. Бурденко возглавил бригаду фронтовых хирургов по испытанию грамицидина на Втором прибалтийском фронте, в состав которой входил и Г.Ф. Гаузе. За открытие грамицидина Г.Ф. Гаузе и М.Г. Бражникова в 1946 г. были удостоены Сталинской премии.

Открытие грамицидина имело огромное значение для всей мировой медицины. В 1944 г. Минздрав СССР передал британским ученым первый оригинальный советский антибиотик грамицидин, с которым начали работать известные специалисты З. Синг, Д. Хочкинс, Г. Шмидт и др. В лаборатории Дороти Хочкинс тогда же появилась студентка-химик, которой было поручено изучение кристаллической структуры советского антибиотика грамицидина. Этой студенткой была Маргарет Тэтчер — будущий премьер-министр Великобритании. Изучение структуры грамицидина показало, что в его состав входит несколько необычных правых аминокислот. Только такие молекулы с извращенной асимметрией обладают способностью подавлять рост микроорганизмов. Замена правых изомеров на левые (нормальные для структуры всего живого на Земле) приводит к исчезновению эффекта антимикробной активности. Вот где пригодились идеи, развитые Г.Ф. Гаузе в его книге «Асимметрия протоплазмы».

В послевоенные годы Г.Ф. Гаузе работал в Институте по изысканию новых антибиотиков Академии медицинских наук СССР (с 1960 г. по 1986 г. был его директором). Известность Г.Ф. Гаузе как микробиолога и специалиста по антибиотикам росла. Медики достойно оценили его вклад в медицинскую науку, избрали его действительным членом Академии медицинских наук. Они и не догадывались, что весь мир знает Г.Ф. Гаузе как основателя экспериментальной экологии, а сам Г.Ф. Гаузе почему-то не любил говорить об этом. К сожалению, в послевоенные годы связи Г.Ф. Гаузе с кафедрой прекратились. Студенты и многие сотрудники кафедры

Действительный член
Академии медицинских наук СССР
Георгий Францевич Гаузе
(1910–1986)

зоологии беспозвоночных даже не знали о том, что знаменитое «правило Гаузе» было открыто в стенах кафедры, а большинство отечественных биологов не подозревали о том, что эколог Гаузе и микробиолог Гаузе — одно и то же лицо.

ПОДВИГ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных профессор Л.А. Зенкевич хорошо понимал, что для успешного развития научной работы и биологического образования Московский университет должен иметь собственную морскую биологическую станцию. Русские зоологи традиционно много и плодотворно работали на Средиземном море (вспомним имена Н.Н. Миклухо-Маклая, И.И. Мечникова, А.О. Ковалевского, А.А. Коротнева, В.В. Заленского и многих других). Л.А. Зенкевич еще успел побывать в 1929 г. на Неаполитанской зоологической станции. К сожалению, с начала 1930-х годов средиземноморские биологические станции (в Неаполе и в Вилла-Франке, где традиционно сохранялись так называемые «русские столы») стали недоступны по политическим причинам — советское правительство опустило «железный занавес», и выезд за рубеж для научной работы стал не доступен. Вот почему мечтой Л.А. Зенкевича стало создание морской биологической станции в России.

В 1938 г. по инициативе Л.А. Зенкевича была организована студенческая экспедиция под руководством аспиранта К.А. Воскресенского, которая прошла на весельных лодках около 1000 км вдоль побережья Белого моря. Это была полевая практика студентов биологов, во время кото-

Л.Л. Россолимо (слева) и Л.А. Зенкевич возле заявочного столба на месте будущей Беломорской биологической станции МГУ в 1939 г.

рой они изучали флору и фауну Кандалакшского залива Белого моря. Однако у экспедиции была и другая цель — найти место будущей Беломорской биологической станции МГУ. В свое время Л.А. Зенкевич обсуждал проблему организации биологической станции на Белом море с профессором К.М. Дерюгиным, и тот рекомендовал организовать ее в Ругозерской губе напротив острова Великий — практически на линии Полярного круга в 15 км от маленькой железнодорожной станции Помяконда. Выдающийся знаток Белого моря К.М. Дерюгин знал, что узкий пролив Великая Салма, на побережье которого он советовал создать биостанцию, характеризуется особым богатством флоры и фауны. На поиски этого места отправились три участника экспедиции: аспирант Кирилл Воскресенский, студент третьего курса Яков Славущий и студент-первокурсник Евгений Лебедев. Там и был вбит заявочный колышек — место будущей Беломорской биологической станции Московского университета.

Беломорская биологическая станция (ББС) — это в полном смысле слова детище кафедры зоологии беспозвоночных. В течение нескольких десятилетий кафедра отдавала биостанции все силы, директор станции, и ее сотрудники были в то же время сотрудниками кафедры, да и по сей день, их рабочие места находятся на кафедре. Не будет преувеличением сказать, что Беломорская биостанция — это плоть от плоти кафедры зоологии беспозвоночных. На биостанции прошли лучшие годы не-

скольких поколений сотрудников кафедры и выполнены их лучшие работы.

Первым директором Беломорской биостанции был известный гидробиолог Л.Л. Россолимо. Война остановила развитие биостанции. Сохранить то немногое, что было построено в предвоенное время, было задачей следующих директоров Г.М. Беляева (впоследствии известного морского биолога, специалиста по иглокожим, одного из ближайших сотрудников Л.А. Зенкевича в Институте океанологии) и Г.Г. Абрикосова. В послевоенные годы (с 1946 по 1951) биостанцией заведовал П.В. Матекин. В разоренной войной и живущей впроголодь стране не хватало самого необходимого, и все же, П.В. Матекин сумел организовать проведение летних полевых практик студентов на Беломорской биостанции.

Честь и хвала тем, кто своим трудом поддерживал биостанцию в первые годы ее существования. И все же, настоящая история биостанции началась в 1951 г., когда ее директором стал Николай Андреевич Перцов. Н.А. Перцов был необычайно одаренным и энергичным человеком, одним из наиболее ярких людей не только в истории кафедры, но и в истории Московского университета в целом. Жизненный подвиг этого человека мог бы быть сюжетом для героической повести.

Н.А. Перцов принадлежал к героическому поколению. В 17 лет, сразу после окончания школы, он записался вместе с отцом в дивизию Народного ополчения и защищал Москву на Можайском направлении. Н.А. Перцов вышел живым из мясорубки, в которой оказались необученные ополченцы, своими телами преградившие гитлеровцам путь к Москве. В боях на Можайском направлении Н.А. Перцов был тяжело контужен и по заключению медицинской комиссии отчислен из армии, поступил на Биологический факультет, но уже в 1942 г. Н.А. Перцов снова ушел в армию.

Л.А. Зенкевич поднимает флаг на территории Беломорской биостанции в 1952 г.

Н.А. Перцов в годы Великой
Отечественной войны

Из-за контузии на фронт его больше не пустили и направили служить в пограничных войсках в Туркестанском военном округе. В конце войны у Н.А. Перцова было обнаружено тяжелое заболевание — туберкулез легких, лечение в госпиталях не помогло, и в 1946 г. он был демобилизован из армии.

После демобилизации Н.А. Перцов вернулся в Московский университет. Это был один из самых одаренных студентов кафедры, красивый и необычайно обаятельный черноволосый молодой человек с огненными глазами. Талантливый биолог, душа общества, великолепный музыкант и танцор, молодой Николай Перцов был любимцем и однокурсников, и преподавателей. Л.А. Зенкевич сумел распознать в Н.А. Перцове не только талантливого научного работника, но и блестящего организатора, человека, для которого долг перед обществом выше и дороже личной карьеры и успеха. Л.А. Зенкевич предложил Н.А. Перцову занять пост директора Беломорской биостанции. Что заставило Н.А. Перцова принять это предложение? Н.А. Перцов знал и любил Белое море, — в студенческие годы он принимал участие в нескольких экспедициях на о. Рязков в Кандалакшском заливе. Но ведь он знал и то, что для больного туберкулезом человека постоянное пребывание на холодном севере может быть смертельно опасным. И, тем не менее, Н.А. Перцов не колебался ни минуты. В июле 1951 г. новый директор Н.А. Перцов ступил на берега Ругозерской губы.

Студенты кафедры зоологии беспозвоночных в экспедиции на о. Ряжков в Белом море в 1949 г. Слева направо: Н.А. Перцов, В.А. Свешников, М.Н. Соколова

Когда Н.А. Перцов приехал на место, обозначенное как Беломорская биостанция МГУ, там был только небольшой бревенчатый дом-лаборатория и два сарая из горбыля. С этого момента начался подвиг Н.А. Перцова, подвиг, который длился всю жизнь до последнего вздоха.

С первых дней пребывания на станции Н.А. Перцов развернул кипучую деятельность. Не имея необходимых средств, увлекая людей своим энтузиазмом, Н.А. Перцов сумел построить лаборатории и жилые дома, провел через тайгу линии электропередач и телефон, обеспечил станцию необходимым оборудованием, самыми невероятными путями ухитрился раздобыть настоящий флот, состоящий из нескольких судов разного тоннажа. В итоге его деятельности на пустынном прежде берегу в Заполярье, среди тайги возник целый научный городок, в котором одновременно могли жить и работать несколько сот человек. Благодаря усилиям Н.А. Перцова, на биостанции была организована уникальная морс-

Н.А. Перцов и Л.А. Зенкевич на Белом море (середина 1950-х годов)

кая биологическая практика для студентов биологического, физического, геологического, географического и других факультетов МГУ. Сначала на станцию приезжали только студенты-старшекурсники, но с 1972 г. там получили возможность проходить морскую биологическую практику студенты 1-го курса. Беломорская биостанция Московского университета стала широко известна и за рубежом, на нее стали приезжать студенты из нескольких университетов Западной Европы. Беломорская биостанция превратилась в базу для напряженной научной работы по различным направлениям биологической науки.

Кафедра зоологии беспозвоночных играла определяющую роль, как в учебной, так и в научной работе биостанции. Преподаватели, научные сотрудники и аспиранты кафедры из года в год проводили занятия в группах студентов разных кафедр и факультетов. Одновременно сотрудники кафедры, аспиранты и студенты-старшекурсники вели научную работу по фауне и экологии морских беспозвоночных, изучали их строение и развитие, ставили эксперименты, ходили в экспедиции на судах биостанции. Под руководством профессора К.В. Беклемишева были организованы несколько рейсов научно-исследовательского судна биостанции СЧС-2032, в которых впервые после знаменитых исследований К.М. Дерюги-

Летняя студенческая практика на Беломорской биостанции МГУ в 1956 г. Планктонную сеть держит студент С.И. Левушкин (впоследствии доцент кафедры зоологии беспозвоночных)

на 1920-х годов, но на новом уровне была проведена полная планктонная и бентосная съемка Белого моря.

По материалам исследований, проведенных на биостанции, сотрудники и аспиранты кафедры защитили несколько десятков кандидатских и докторских диссертаций. Именно на Беломорской биостанции выросло современное поколение профессоров, доцентов и молодых сотрудников кафедры зоологии беспозвоночных.

Не менее важным был тот дух бескорыстного совместного труда и творчества, который сумел создать на биостанции Н.А. Перцов. Этот дух ярче всего выразился в беломорском стройотряде. Следует сразу отметить, что беломорский стройотряд не имел ничего общего с официальными студенческими строительными отрядами, возникшими в СССР в 1960-е годы. Официальные стройотряды действовали под эгидой ЦК ВЛКСМ, и хотя сначала в этом движении было много энтузиазма и романтики, но постепенно официальное комсомольское руководство превратило летние студенческие стройотряды в унылую «обязаловку», в еще один ресурс рабочей силы на стройках социализма.

Беломорский стройотряд (тогда его называли «стройбригадой») появился еще раньше (в середине 1950-х годов) и не имел никакой связи с комсомолом ни в момент своего возникновения, ни позже в разгар официального стройотрядовского движения. Это было неформальное объединение энтузиастов, которые приезжали на ББС и бесплатно работали на постройке жилых домов и лабораторий, на пилораме, на маленьком бетонном заводе, вели через тайгу ЛЭП. Трудно передать тот особый дух дружбы, романтики, энтузиазма, который царил в стройотряде. Все прошедшие через стройотряд люди вспоминают проведенное в нем время, как лучшее в своей жизни. Уже повзрослев и поседев, старые стройотрядовцы нет-нет, да и приезжали на ББС, чтобы хоть недельку, хоть две, как в молодости провести на биостанции, пожить в «Огарках» (так называлось общежитие стройотряда), зарядиться стройотрядовским духом. Организатором беломорского стройотряда был сам Н.А. Перцов, он и вдохнул в него тот самый дух романтики, дружбы, энтузиазма, ради которого в стройотряд так стремилась молодежь. Собственно, Н.А. Перцов всю свою жизнь и был тем самым бескорыстным стройотрядовцем. После его смерти в 1987 г., стройотряд постепенно хирел, терял привлекательность, потому, что уже не было главного стройотрядовца — Н.А. Перцова.

Жизнь Н.А. Перцова была неотделима от Беломорской биостанции. А развитие биостанции отнюдь не было гладким. Далеко не все администраторы в университете испытывали энтузиазм по отношению к Беломорской биостанции. Огромного напряжения стоили Н.А. Перцову переговоры с чиновниками из различных инстанций. Каждый рубль, каждый кирпич, каждую ставку для биостанции Н.А. Перцову приходилось оплачивать собственными нервами и здоровьем. Лишняя биостанция самого необходимого, чиновники не понимали, откуда Н.А. Перцов берет силы и средства для постоянно идущего на биостанции строительства, как ухитряется получать суда, откуда добывает строительные материалы. Постичь, что все это делается бескорыстно, для блага биостанции, а не для себя — это было выше понимания чиновных бюрократов. Они постоянно преследовали и травили Н.А. Перцова, организовывали бесконечные комиссии и проверки, вызывали его «на ковер», грозили уголовным наказанием.

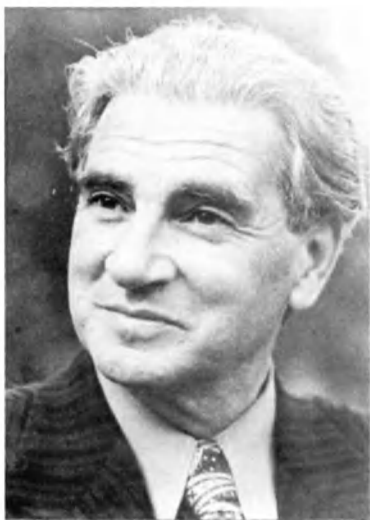
Когда биостанция была построена, нашлись желающие отстранить Н.А. Перцова и прибрать готовую биостанцию к рукам. Появились анонимные письма, дело дошло до поджогов и саботажа с целью дискредитировать Н.А. Перцова. Отдавая все силы строительству биостанции, Н.А. Перцов ожидал этого же и от своих сотрудников. Ну, а среди научных сотрудников далеко не все были готовы к тому, чтобы пожертвовать собственной научной работой ради развития биостанции. Поэтому и среди коллектива биостанции возникали трения и противоречия. Эти противоречия умело разжигали те, кто хотел отстранить Н.А. Перцова. К чести кафедры зоологии беспозвоночных надо сказать, что она всегда и безо-

Флот Беломорской биостанции у причала (середина 1970-х годов)

Летняя студенческая практика на Беломорской биостанции МГУ в 1979 г. На переднем плане И.П. Богданов (впоследствии научный сотрудник кафедры, скончался в 1994 г.), рядом стоит М.Н. Воронцова (ныне руководитель российского отделения Всемирного фонда защиты диких животных)

Директор
Беломорской биологической станции
МГУ Николай Андреевич Перцов
(1924–1987)

говорочно поддерживала Н.А. Перцова, хотя далеко не всегда могла его защитить.

Многолетнее напряжение подточило здоровье Н.А. Перцова. Травля и интриги довели Н.А. Перцова до сердечного приступа, от которого он скончался в 1987 г. Его прах покоится там, где прошла его жизнь — на берегу Белого моря, на территории биостанции. Н.А. Перцов был не первым, кто отдал свою жизнь на алтарь создания научных биологических станций в России (вспомним безвременную кончину А.О. Ковалевско-го), и, наверное, он не будет последним.

После кончины Н.А. Перцова пост директора Беломорской биостанции МГУ последовательно занимали Н.Л. Семенова, П.В. Матекин (по совместительству с заведованием кафедрой зоологии беспозвоночных), Г.Г. Новиков. Преемникам Н.А. Перцова не удалось сохранить то, что было создано трудом великого предшественника. Не будем их упрекать, ведь с начала девяностых годов у государства не было ни желания, ни возможности поддерживать науку и образование. Нет, однако, никакого сомнения в том, что будь Н.А. Перцов жив, он смог бы предотвратить разрушение биостанции, изыскал бы самые невероятные пути для обеспечения работы в новых условиях, ведь он был гений, но не всем же быть гениями...

В 1996 г. за неуплату было отключено электричество, износилась и вышла из строя ЛЭП, перестали работать электрические печи в столовой. Лишенные электричества, студенты и сотрудники пытались работать при естественном освещении. Отправленный на ремонт, так и остался на ремонтных стапелях гордость биостанции — сейнер СЧС. При-

шли в негодность еуда, и стало опаеным использовать их для перевозок студентов.

В 2001 г. руководство биологического факультете приняло решение прекратить летнюю практику етудентов на Беломорекой биоетанции МГУ. Еели бы это решение было оеуществлено, это означало бы емеьт биоетанции. К ечастью, энтузиазм етудентов, обратившихся к ректору МГУ, твердая позиция авторитетных профеееоров и преподавателей нескольких факультетов не позволили этого едеделать. Наеетоящий гоударственный подход проявил и ректор МГУ академик В.А. Садовничий, запретивший отменять практику и выделявший ередетва на покупку нового еудна для перевозки етудентов. Летняя практика етудентов на ББС была еохранена и тем еамым была еохранена жизнь биоетанции. Однако и в тот момент, когда пишутся эти етроки, биоетанция отнюдь не оправилаеь от разрухи. Нет поетоянного электричества, и еотрудники обходятее бензиновыми движками, а етуденты — по большей части ееетественным ееувещением. Питание для етудентов готовится на дровяной печи на улице. Сильно еократилиеь еееледовательские возможности. Нет еудов для проведения тралений и планктонных еъемок. И все же биоетанция еущеетвует...

Они не забыты

Н.А. Перцов принадлежал к поколению фронтовиков — победителей в Великой отечетвенной войне 1941-1945 гг. Дететво и юноеть этого поколения пришлиеь на 1930-е годы — бурное и противоречивое время в иетории нашей етраны. Громадным напряжением еил всего народа в естране была еоздана индустриальная база, которая поелужила опорой в будущей войне. В то же время на глазах этого поколения в естране творилиеь чудовищные беззакония. Топор еталинеких репреееий уничтожил руководящие кадры армии, выкоеил цвет отечетвенной интеллигенции, ие-требил и подверг чудовищным мучениям в лагерях миллионы людей из всех еловов общества. Руководство страны запятнало еебя преетуплениями и еовершило непроетительные ошибки, в результате которых армия и народ были просто подетавлены под удар готовых к нападению гитлеровехих войск 22 июня 1941 г. Тяжелые поражения Краеной Армии на начальном периоде войны и огромные человекеекие потери были прямым результатом преетупной и ошибочной политики еталинекого руководства.

И все же, народ пошел воевать. Конечно, люди шли умирать не за Сталина (хотя и с лозунгом «за Родину, за Сталина!»). Так уж случилось, что история не оставила нашему народу выбора: надо было либо идти воевать и защищать себя и свою страну (а вместе с ними и находившееся в Кремле правительство), либо исчезнуть с лица Земли. Нацисты рассматривали народы Восточной Европы как дикарей, которые должны

уступить место цивилизованным нациям. В немецком языке для обозначения представителей этих народов было специальное слово «Untermensch» (недочеловек). Нацистская доктрина не оставляла места на Земле ни евреям, ни русским, ни украинцам, как ни оставляла она места полякам, чехам, литовцам, сербам и другим покоренным гитлеровцами народов (хотят или не хотят они об этом сейчас вспоминать).

Подобные случаи в истории уже бывали. В наше время не принято прибегать к таким сравнениям, но ведь еще каких-нибудь 120–130 лет назад белые переселенцы вели войну на истребление коренных народов Северной Америки, а правительства некоторых штатов платили по 20 долларов за индейский скальп. В результате геноцида, организованного правительством США во второй половине XIX века, исчезли миллионы коренных жителей Северной Америки. Они жили на своей земле, имели свои языки и культуру и могли бы иметь свою интересную и богатую историю. Однако уроженцы Мерсии, Уэссекса, Нортумбрии, Ирландии и Девоншира почему-то рассматривали алгонкинов, делаверов, гуронов, ирокезов, чероки и другие древние народы богатейшего континента как дикарей, которые должны уступить место цивилизованным нациям, к которым они себя причисляли. «Цивилизованные» потомки кельтов и англосаксов не просто истребили миллионы коренных жителей, они вычеркнули из бытия их своеобразную культуру, языки, лишили их истории, лишили их будущего. Можно себе представить, насколько богаче была бы мировая палитра народов, если бы коренные жители Северной Америки смогли создать на своей территории собственные государства со своей неповторимой культурой и историей!

Разумеется, нынешние американцы не могут отвечать за то, что было сделано их, пусть, и не слишком далекими предками, но и забывать об этом не стоит, особенно в наши дни, когда Соединенные Штаты Америки рассматривают себя как главного гаранта демократии и прав человека во всем мире. Ну что ж, можно быть уверенным, что и в Германии людоедская идеология нацизма не смогла бы удержаться на большой исторический срок (если допустить на минуту, что нацисты одержали бы победу). Через 70 или 100 лет нацистский режим изжил бы себя сам, Европа вернулась бы к относительно нормальной жизни, но с поверхности этой части света навсегда исчезли бы целые народы, как исчезли они в Северной Америке.

Советские люди миллионами своих жизней оплатили освобождение Европы от нацизма. Известно, что в 1944 г., когда Красная Армия подходила к западным границам СССР (а второй фронт все еще не был открыт), в правящих кругах Великобритании стали всерьез опасаться, что Сталин заключит с Гитлером сепаратный мир. Боялись, что напуганный успехами Советской Армии Гитлер отдаст Сталину Польшу, Прибалтику, Финляндию, договорится о контрибуции, а закаленный в боях

на восточном фронте вермахт шутя расправится с войсками западных союзников. В итоге могла бы возникнуть ситуация, сходная с той, которая послужила фоном задуманного как раз в 1944 г. романа Дж. Оруэлла «1984». Там ведь речь идет о непрерывно воюющих друг с другом трех тоталитарных сверхдержав: одна из них соответствует объединенным США и Великобритании, другая — покоренной нацистами Европе, третья — России с восточными соседями. К счастью, в 1944 г. в Москве уже не думали о переговорах с Гитлером (да и вряд ли до крайности мстительный Сталин отказался бы от идеи расквитаться с Гитлером за вероломное нападение 1941 г.).

Сейчас, через 60 лет после окончания войны, находятся люди, которые называют освобождение восточной Европы от нацизма «советской оккупацией». Заметим, однако, что в результате этой «оккупации», не исчезли ни поляки, ни чехи, ни сербы, как не исчезли народы Прибалтики и других регионов бывшего СССР. Этим народам пришлось многое испытать в послевоенные десятилетия и по вине кремлевского «старшего брата», и по вине собственных коллаборационистских правительств. При всех издержках послевоенных десятилетий народы Европы имеют сейчас возможность развивать свою государственность, свою культуру, творить свою историю. Всего этого не было бы, если бы миллионы русских, украинцев, евреев, казахов, таджиков, представителей всех других народов той страны, которая называлась тогда СССР, своими жизнями не заслонили путь нацизму. Не было бы ни Польши, ни Литвы, ни Латвии, ни Чехии, ни Словакии, ни многих других стран и их народов, как не было бы России. Мы чувствуем искреннюю и глубочайшую признательность тем, кто своей кровью и жизнью защитил будущее России и других стран Европы.

В первые же дни войны Московский университет объявил себя мобилизованным, тысячи студентов, аспирантов и сотрудников ушли на фронт, и многие остались на полях сражений навсегда. Через фронт прошли многие из тех, кто потом определял лицо кафедры зоологии беспозвоночных.

Петр Владимирович Матекин окончил кафедру в 1941 г. В феврале 1942 г. он поступил в школу военных штурманов, участвовал в боевых вылетах, а затем стал командиром авиадесантного подразделения и восемь раз высаживался в тылу врага. В одной из таких операций П.В. Матекин был тяжело ранен. После лечения П.В. Матекин был признан ограниченно годным к службе, но настоял на переаттестации и был назначен начальником медсанслужбы стрелкового полка. Воевал на Северном Кавказе и на Кубани, в 1943 г. снова был тяжело ранен и снова вернулся в действующую армию. В должности начальника медсанслужбы бригады тяжелых минометов П.В. Матекин воевал на Ленинградском фронте, участвовал в боях за Берлин и Прагу. Войну П.В. Матекин окончил в звании гвардии майора. В послевоенные годы П.В. Матекин стал известным

Петр Владимирович Маткош в 1941 г.

малакологом (специалистом по моллюскам), защитил диссертацию, за которую ему сразу была присуждена докторская степень, стал профессором, а с 1986 г. по 2000 г. был заведующим кафедрой зоологии беспозвоночных.

Молодой ассистент кафедры Кирилл Александрович Воскресенский был командирован в Минск накануне войны. Он летел туда одним из последних рейсов Люфтганзы (с посадкой в Минске). Самолет был заполнен сотрудниками немецкого посольства, которые перед войной возвращались в Берлин. К.А. Воскресенский (по обычаю интеллигенции того времени он хорошо знал немецкий язык) мирно беседовал с попутчиками, которые, конечно, уже догадывались о предстоящем нападении германских войск на СССР. К.А. Воскресенский вернулся в Москву за несколько дней до трагического воскресенья 22 июня. Началась война, и К.А. Воскресенский вступил в дивизию Народного ополчения, формировавшуюся на Красной Пресне. Вместе с ним вступил в ту же дивизию аспирант Анатолий Иванович Савилов. Плохо вооруженные и необученные ополченцы с винтовками и бутылками с зажигательной смесью пытались остановить моторизованные дивизии вермахта. Почти все ополченцы погибли или были окружены и оказались в плену. Попал в плен и К.А. Воскресенский (вместе с А.И. Савиловым). Немцы отнесли к К.А. Воскресенскому как к штатскому человеку (этому способствовал подчеркнуто невоенный облик К.А. Воскресенского — «интеллигента в очках» и удостоверение ассистента университета), предоставив некоторую свободу передвижений. Воспользовавшись этим, К.А. Воскресенский

Кирилл Александрович
Воскресенский в 1941 г.

сумел организовать групповой побег советских военнопленных из лагеря. Созданный им партизанский отряд «Кирилл» влился в легендарное партизанское соединение «Тринадцати» под командованием Героя Советского Союза С.В. Гришина. Партизанский полк С.В. Гришина громил гитлеровцев на Смоленщине и в Белоруссии. К.А. Воскресенский и А.И. Савилов прошли большой боевой путь в составе партизанского соединения. Только в 1944 г. у западных границ СССР партизанский полк С.В. Гришина соединился с частями 3-го Белорусского фронта.

После войны А.И. Савилов стал известным морским биологом — сотрудником Института океанологии, а К.А. Воскресенский вернулся на кафедру. Он защитил кандидатскую диссертацию по новому для того времени направлению — биофильтрации беспозвоночных. Свои исследования он проводил на Белом море, в небольшой скалистой бухте недалеко от Беломорской биостанции. С тех пор она так и называется — «Бухта биофильтров». К.А. Воскресенский был ведущим гидробиологом кафедры. До конца дней он поддерживал связи со своими боевыми товарищами, вел большую военно-патриотическую работу среди молодежи.

В 1942 г. с первого курса биологического факультета МГУ на войну ушел Владимир Александрович Свешников. Он воевал в составе воздушно-десантной бригады, участвовал в жестоких рукопашных боях на Карельском перешейке и на территории Финляндии. С войсками 3-го Украинского фронта В.А. Свешников дошел до Венгрии, воевал против элитных эсэсовских дивизий на заключительном этапе Великой отече-

Владимир Александрович
Свешников в 1944 г.

ственной войны (в частности, участвовал и в кровопролитных сражениях у озера Балатон, где гитлеровцы в последний раз пытались перейти в наступление и переломить ход войны). Ожесточение этих сражений было так велико, что ни та, ни другая сторона в плен не сдавалась и пленных не брала. В.А. Свешников был тяжело ранен, около года оставался прикованным к больничной койке. После войны В.А. Свешников продолжил учебу в МГУ, был оставлен на кафедре и стал известным зоологом, профессором, ведущим специалистом по морфологии и развитию многощетинковых червей.

В первые дни войны добровольцем ушел в истребительный батальон студент 4-го курса кафедры Евгений Михайлович Лебедев. Спустя несколько месяцев его направили учиться в ветеринарную академию (советская артиллерия почти всю войну оставалась на конной тяге, и армия остро нуждалась в ветеринарах). В дальнейшем он воевал в составе Первого и Второго Украинского фронтов, участвовал в боях на территории Украины, Румынии, Венгрии и Австрии. Е.М. Лебедев закончил войну в звании капитана, но в армии оставался до 1948 г. После демобилизации Е.М. Лебедев работал в Институте океанологии, а затем — многие годы — в аппарате президиума АН СССР.

В июне 1941 г. с золотой медалью окончил школу Борис Михайлович Логвиненко. Талантливый юноша мечтал стать биологом, но началась война, и уже летом 1941 г. Б.М. Логвиненко ушел воевать. В составе

Борис Михайлович Логвиненко
в 1954 г.

танкового десанта он участвовал в Сталинградской битве, был тяжело ранен, но настоял на своем возвращении в армию. Начальство решило послать грамотного молодого человека учиться в артиллерийское училище. Окончив его, Б.М. Логвиненко был направлен на Дальний Восток, где в 1945 г. принимал участие в боевых действиях против Японии. Только после демобилизации в 1949 г. Б.М. Логвиненко смог осуществить свою мечту и поступить на биологический факультет МГУ. В дальнейшем Б.М. Логвиненко стал известным специалистом в области популяционно-генетических методов исследования. Долгие годы Б.М. Логвиненко руководил лабораторией биологии развития животных в составе кафедры зоологии беспозвоночных, был заместителем декана биологического факультета МГУ.

Особую скорбь вызывают воспоминания о студентах и сотрудниках кафедры, не вернувшихся с полей сражений. Их имена не забыты, но как мало знаем мы теперь, через 60 лет после окончания войны, об их коротких жизнях.

Олег Николаевич Радченко ушел на войну с 4-го курса кафедры зоологии беспозвоночных в мае 1942 г. Окончил минометное военное училище в г. Великий Устюг. О.Н. Радченко воевал в составе Волховского и Тихвинского фронтов, участвовал в боях за освобождение г. Ленинграда и в прорыве финской обороны. В 1944 г., выполняя особо важное спецзадание при форсировании реки Раеволан-Поки, старший лейтенант О.Н. Радченко был смертельно ранен и скончался в госпитале.

Олег Николаевич Радченко в 1941 г.

Талантливый студент нашей кафедры Георгий Александрович Пермяков выполнял дипломную работу под руководством Г.Ф. Гаузе. Он успел сдать государственные экзамены на 5-м курсе в начале июня 1941 г. и ушел в действующую армию. Г.А. Пермяков был командиром пехотного взвода, воевал на Кавказском фронте и погиб весной 1943 г.

Николай Максимович Киналев до начала войны защитил кандидатскую диссертацию на тему «Гидробиологический очерк равнинного течения р. Или и некоторых водоемов ее поймы», работал на кафедре зоологии беспозвоночных в должности

ассистента, а затем — старшего научного сотрудника. Н.М. Киналев был секретарем партбюро биологического факультета МГУ и ушел на фронт в первые дни войны. В звании старшего политрука 1001-го стрелкового

полка Н.М. Киналев участвовал в тяжелых боях под г. Смоленском, отражая наступление гитлеровских войск на Москву. В октябре 1941 г. Н.М. Киналев погиб в бою.

Совсем мало известно об Олеге Александровиче Липине, который окончил кафедру в 1941 г., но сразу после сдачи государственных экзаменов ушел на фронт и погиб в бою в первые месяцы войны.

Низкий поклон тем, кто проливал кровь в Великой Отечественной войне! Вечная память всем, кто отдал свои жизни в борьбе с нацизмом!

Георгий Александрович Пермяков
в 1941 г.

Николай Максимович Киналев
в 1940 г.

Олег Александрович Линин
в 1941 г.

Когда грохочут пушки, музы не молчат

Во время войны значительная часть сотрудников кафедры уехала из Москвы в эвакуацию — сначала в г. Ашхабад, потом — в г. Свердловск. В октябре 1942 г. в г. Свердловске начали работу 10 факультетов Московского университета (в том числе и биологический факультет). Но и в Москве продолжали учебу 2300 студентов. Лекции в московской части МГУ читал выдающийся российский биолог профессор Владимир Николаевич Беклемишев.

В.Н. Беклемишев окончил Санкт-Петербургский университет в 1913 г. Его научными руководителями были светила российской зоологии — профессора В.Т. Шевяков, В.А. Догель, В.М. Шимкевич, он тесно общался с тогда еще молодым ассистентом П.П. Ивановым. Его товарищами (с которыми он сохранял тесные дружеские связи в течение всей жизни) были Н.Г. Светлов, Д.М. Федотов, А.А. Любищев, В.М. Исаев. Все они стали известными биологами. Позднее В.Н. Беклемишев вместе со своими университетскими товарищами оказался в Пермском универ-

Действительный член
Академии медицинских наук СССР
Владимир Николаевич Беклемишев
(1890–1962)

ситете, где наряду со многими другими вопросами работал над фундаментальными проблемами сравнительной морфологии.

С 1932 г. основным местом работы В.Н. Беклемишева был московский Институт медицинской паразитологии и тропической медицины. В.Н. Беклемишев был одним из основателей экологической паразитологии и ведущим специалистом по изучению биологии малярийных комаров. Его вклад в эпидемиологию малярии был настолько велик, что он был избран действительным членом Академии медицинских наук СССР. Однако настоящей любовью В.Н. Беклемишева была сравнительная анатомия.

С 1934 г. в течение нескольких десятилетий В.Н. Беклемишев был по совместительству профессором биологического факультета Московского университета, где читал курс сравнительной анатомии беспозвоночных. В годы войны В.Н. Беклемишев завершил работу над фундаментальным руководством «Основы сравнительной анатомии беспозвоночных», опубликованной в 1944 г. и удостоенной Сталинской премии. Впоследствии эта замечательная книга была в переработанном виде издана еще несколько раз (в 1952 и 1964 гг.) и переведена на ряд европейских языков. «Основы...» В.Н. Беклемишева — наиболее значительное сочинение по сравнительной анатомии беспозвоночных во всей мировой науке XX века, яркая, насыщенная идеями книга, от чтения которой невозможно оторваться. Уже несколько поколений биологов изучают эту книгу, обращаясь к ней в течение всей жизни — от юности до старости, и в каждом возрасте находят в ней новые глубокие мысли.

В.Н. Беклемишев был ярким представителем так называемой «идеалистической морфологии», придающей основное значение плану строения организмов. Историческое развитие организмов понималось им как

реализация внутренних закономерностей живого, важнейшими из которых были закономерности симметрии. В.Н. Беклемишев был не только зоологом, но и философом-мыслителем (как В.И. Вернадский был не только геохимиком, а А. Эйнштейн — не только физиком). Он создал учение о гемериде — совокупности всех живых организмов нашей планеты. В.Н. Беклемишева находил захватывающие воображение образы для иллюстрации своих научных идей. В поэтическом мышлении В.Н. Беклемишева кубический километр толщи океана с населяющими его обитателями был равен выделенному объему соединительной ткани с рассеянными в основном веществе клетками различной природы. Он не сомневался в существовании общих морфологических закономерностей, справедливых как для организма и его частей, так и для сообществ, биоценозов и всей совокупности живых организмов нашей планеты. Как ряд других великих мыслителей XX века, В.Н. Беклемишев глубоко чувствовал вселенскую гармонию, которая находила свое выражение на всех уровнях организации живого.

В.Н. Беклемишев был человеком высочайшей культуры, знал не только живые, но и мертвые языки, в подлиннике читал античных авторов и итальянских поэтов эпохи Возрождения. Он был очень интеллигентен, подчеркнуто мягок в общении. В то же время, это был человек необычайной моральной чистоты и большого гражданского мужества. В конце 1952 г. началось знаменитое дело «врачей-убийц». Были безвинно арестованы и подвергнуты зверским пыткам выдающиеся, известные на всю страну врачи. В.Н. Беклемишев был одним из немногих деятелей Академии медицинских наук СССР, кто оказывал моральную и материальную поддержку семьям невинно арестованных.

Другое направление сравнительно-анатомических исследований кафедры представляли собой работы самого Л.А. Зенкевича, который был выдающимся представителем функционально-морфологического направления в изучении строения и эволюции животных. Еще в молодые годы Л.А. Зенкевич исследовал строение и биологию слабо изученной группы морских беспозвоночных — эхиурид, ведущих роющей образ жизни. По-видимому, тогда Л.А. Зенкевич задумался над биомеханикой гидравлического движения. В годы войны (в 1944 г.) он опубликовал программную работу «Очерки по эволюции двигательного аппарата животных», в которой были сформулированы основные принципы кинематики живых организмов, дана классификация типов движения, связь биомеханики с планами строения и симметрией животных. В последующие годы под руководством Л.А. Зенкевича были проведены исследования организации двигательного аппарата различных групп беспозвоночных (полихет, олигохет, пиявок, приапулид, коловраток, ресничных червей, различных групп членистоногих). Активным участником этих работ была Мария Ивановна Константинова — виртуозный мастер микроскопической тех-

ники, долгие годы работавшая вместе с В.А. Свешниковым над изучением микроскопической анатомии и развития многощетинковых червей.

Перед войной Л.А. Зенкевич закончил свой фундаментальный труд «Фауна и биологическая продуктивность моря». Работая над этой книгой, он явственно ощущал недостаток сведений по некоторым арктическим морям СССР. Вот почему, уже в годы войны он начал планировать экспедицию по всестороннему изучению Карского моря. Была и чисто практическая потребность в исследовании Карского моря. В годы войны Баренцево море — один из основных районов рыболовства стало ареной ожесточенных боевых действий. Через Баренцево море шли конвои союзников, за ними охотились корабли, подводные лодки и авиация нацистов. Дно Баренцева моря было усеяно минами. Карское море, которое дальше отстояло от арены основных боевых действий (хотя и туда проникали гитлеровские линкоры), могло оказаться более пригодным для хозяйственного использования.

Решение об организации экспедиции было принято в конце 1943 г. Организацией экспедиции занималось несколько учреждений — ВНИРО, ПИНРО, МГУ, Мосрыбвтуз (это был очень сильный институт, с мощной кафедрой ихтиологии и гидробиологии) и др. Воспоминания об этой экспедиции оставила Г.Д. Лебедева (Городецкая) — доцент кафедры гидробиологии МГУ. В те годы она была студенткой биологического факультета, а Л.А. Зенкевич активно привлекал студентов к научной работе и в военные годы, и позже. Научное руководство экспедицией осуществлял Л.А. Зенкевич. Официальным начальником экспедиции был назначен специалист по морским млекопитающим С.К. Клумов, участие в ней принимали морской геолог Т.И. Горшкова, ихтиологи Б.П. Мантейфель и Ю.Ю. Марти, фитопланктонолог П.И. Усачев, молодые сотрудники ВНИРО и ПИНРО — А. Буяновская, М. Гаспарян, Н. Сальников, Е. Злобина, О. Вершинина, студенты МГУ — Е. Турпаева, Н. Нечаева, Г. Городецкая, студенты Мосрыбвтуза — Л. Покровская, Т. Покровская, А. Сальникова, студентка Минского университета А. Барашкова и др.

Экспедиция должна была выйти в море из Архангельска на судах «Кашалот» и «Осетр». Сборы и отправка экспедиции начались в 1944 г. и были долгими — в Баренцевом море шли морские бои, и выходить из Белого моря все еще было опасно. Студентки, работавшие на погрузке экспедиционных судов, познакомились с находившимся там начальником Главсевморпути известным всей стране полярником И.Д. Папаниным. Он сочувствовал девушкам, занятым на тяжелой работе, показывал, как надо таскать тяжелые мешки, называл их «сестренками» (а «братишки», их однокурсники мужского пола, — все были на фронте). В Архангельск приходили конвои союзников, в порту выгружали военную технику, продовольствие, а иногда — и ржавую проволоку и банки с засохшей краской (видимо, под шумок военных поставок отдельные недо-

бросовестные фирмы «впаривали» и такое), по городу ходили американские и английские моряки.

Карская научная экспедиция работала до 1946 г. (с двумя зимовками). По итогам работ в 1946 г. было организована научная конференция, на которой с основным докладом (как всегда, содержательным и ярким по форме) выступил Л.А. Зенкевич. Научные задачи экспедиции были выполнены. Изучение фауны Карского моря показало, что оно обладает относительно малой биологической продуктивностью. Биомасса кормового бентоса оказалась невысокой, и соответственно этому, рыбные запасы моря были не перспективны для организации рыболовства в промышленных масштабах. «Нет червей, и рыбы мало в темной части оттертрала», — так резюмировал итоги экспедиции друг Л.А. Зенкевича, заведующий кафедрой энтомологии профессор Е.С. Смирнов.

«Годы без войны»*

Вторая половина 1940-х годов была для студентов и сотрудников биологического факультета Московского университета временем надежд и разочарований. После тяжелой и страшной войны, из которой страна ценой чудовищных жертв вышла победительницей, все общество дышало надеждой на свободную и счастливую жизнь, достойную народа — освободителя Европы. В университетские аудитории наряду со вчерашними школьниками приходили молодые люди в потертых гимнастерках с орденами и медалями. Их глаза видели то, что человек не может забыть никогда. Страшный и героический жизненный опыт этих молодых по возрасту людей делал их особенным поколением. Но самым главным было объединяющее всех чувство: мы победили, война окончилась, теперь уже никого не убьют, теперь всех ожидает только жизнь, жизнь долгая, интересная и обязательно счастливая! Казалось, все так и будет.

В первые послевоенные годы биологический факультет Московского университета имел блестящий состав лекторов, среди которых студенты выделяли зоолога А.Н. Формозова, эволюциониста М.М. Завадовского, физиолога растений Д.А. Сабина и других. На факультете работал и преподавал выдающийся зоолог и эволюционист И.И. Шмальгаузен. Студенты первых послевоенных поколений с восхищением вспоминают лекции Л.А. Зенкевича по зоологии беспозвоночных.

Деканом биологического факультета в первые послевоенные годы был замечательный человек — Сергей Дмитриевич Юдинцев. Это был удивительный декан. В нем не было ничего от привычного образа советского начальника, с холуйской преданностью готового исполнять любые директивы вышестоящего начальства ради сохранения своего поста. Вы-

* В заголовке использовано название романа советского писателя А.А. Ананьева.

пускник рабфака, облеченный доверием Советской власти, С.Д. Юдинцев с большим пиететом относился к выдающимся ученым биологического факультета, своим учителям в недавнем прошлом, стремился создать все условия для их успешной работы на факультете. Студенты сороковых годов, ныне уже весьма пожилые люди, с необычной теплотой вспоминают этого человека. Он знал каждого (!) из многих сотен студентов биологического факультета, знал их проблемы, обо всех заботился, был очень прост в общении, всех студентов называл по имени и на «ты», но никто не обижался, потому что все студенты — и отличники и хвостисты — платили ему искренней и глубокой любовью. С согласия и при одобрении С.Д. Юдинцева 11 ноября 1947 г. в Большой коммунистической аудитории состоялась конференция по вопросам внутривидовой борьбы (в ответ на появившиеся в центральной печати статьи Т.Д. Лысенко). С.Д. Юдинцев сам открыл эту конференцию, с критикой положений Т.Д. Лысенко выступали И.И. Шмальгаузен и Д.А. Сабинин, им отвечал, защищая «мичуринскую биологию», бывший журналист Ф.А. Дворянкин (Т.Д. Лысенко на конференцию не пришел). Напряжение дискуссии было велико, но это была научная дискуссия, казалось, так и должны разрешаться научные споры в стенах Московского университета.

Ответом на эту конференцию была знаменитая Сессия ВАСХНИЛ в августе 1948 г. Она была гораздо лучше подготовлена. Центральный комитет ВКП(б) и лично товарищ И.В. Сталин заранее одобрили доклад Т.Д. Лысенко и провозглашенный им курс на «мичуринскую биологию». Уже через неделю после окончания Сессии ВАСХНИЛ ректор МГУ академик А.Н. Несмеянов собрал Ученый Совет биологического факультета и сообщил, что за допущенные ошибки и поддержкувейсманизма-морганизма С.Д. Юдинцев освобожден от поста декана биологического факультета. Деканом биологического факультета МГУ был назначен И.И. Презент — маленький, подлый, развязный и развратный. Ведущие профессора — любимцы студентов — были отстранены от работы, на их место назначены безграмотные проходимцы.

Многие кафедры биологического факультета были, по существу, разгромлены в годы борьбы «за материалистическую биологию». Они заполнились сторонниками Т.Д. Лысенко, которые процветали на многих кафедрах до 1964 г. Но и после того, как диктатура Т.Д. Лысенко закончилась, его сторонники не ушли с факультета. Наиболее одиозные, например, Ф.А. Дворянкин, перешли из заведующих кафедрами в «простые» профессора, а большинство спокойно досидели на своих должностях до конца жизни. В те трудные годы Л.А. Зенкевичу удалось уберечь кафедру и при этом самому не запятнать свою честь.

Вопреки всему, что происходило в советской биологии, пятидесятые и шестидесятые годы XX века были, по существу, временем расцве-

та кафедры зоологии беспозвоночных. Она заслуженно считалась одной из самых сильных кафедр биологического факультета МГУ. Помимо морских исследований, о которых много сказано выше, кафедра вела работы и во многих других направлениях.

Еще в конце XIX века профессор А.П. Богданов начал исследования по паразитологии. В 1939 г. профессор А.А. Скворцов организовал при кафедре лабораторию паразитологии. С 1946 г. на кафедре был введен курс общей паразитологии. По поручению Л.А. Зенкевича в течение нескольких лет этот курс читал профессор Я.А. Бирштейн. Выпускница кафедры Н.М. Шалаева организовала практикум по паразитологии. В 1956 г. на кафедру пришла работать доктор ветеринарных наук Т.И. Попова — специалист по гельминтам сельскохозяйственных животных. 1950–1960-е годы были временем расцвета советской гельминтологии (науки о паразитических червях), созданной выдающимся российским биологом академиком К.И. Скрябиным. Константин Иванович Скрябин был не только выдающимся ученым, но и выдающимся организатором. Тогда было время великих лозунгов: перед советским народом были поставлены грандиозные планы — построить коммунизм, догнать и перегнать Америку и т.п. К.И. Скрябин шел в ногу со временем и поставил перед отечественной наукой грандиозную задачу — тотальную девастацию (т.е. искоренение) паразитических червей: «Советский Союз должен явиться первой страной в мире, где гельминтозный враг будет истреблен!» Под сенью этого лозунга по всей стране была развернута гигантская сеть паразитологических учреждений, которая помимо изучения гельминтов, выполняла огромную просветительскую работу.

Научный и практический результат скрябинской гельминтологической школы поистине грандиозен. Была изучена фауна паразитических червей огромной страны, выпущены не имеющие себе равных в мире многотомные труды («Основы нематодологии», «Основы цестодологии» и др.), изучены жизненные циклы и другие особенности биологии гельминтов. В СССР были достигнуты реальные успехи в борьбе с многими тяжелыми заболеваниями человека и сельскохозяйственных животных. В очагах опасных для человека гельминтозов (особенно много таких заболеваний было в Средней Азии) были созданы местные кадры гельминтологов.

Свой скромный вклад в эту грандиозную деятельность вносил и небольшой коллектив паразитологов нашей кафедры. Работы Т.И. Поповой были посвящены изучению паразитических нематод сельскохозяйственных животных из отряда Strongylida. Появились работы по экологической и ландшафтной паразитологии (Н.М. Шалаева), паразитическим нематодам морских животных (Е.Д. Вальтер, М.А. Валовая), моногенетическим сосальщикам (Л.А. Гиченок), трематодам (Е.Н. Никитина), паразитическим ракообразным (А.Ф. Кононенко) и др. Паразитоло-

Студенты и сотрудники кафедры в 1950 г. Стоят слева направо в самом верхнем ряду: В. Лусс, И. Носова, Н.Г. Кибардина (Виноградова), М.Е. Виноградов, Н.М. Воронина; во втором ряду: Г.М. Беляев, В.А. Свешников, М.Н. Соколова, К.В. Беклемишев, И. Романова, Н.А. Перцов, Е.А. Цихон-Луканина, далее три человека не известны, в третьем ряду П.В. Матекин (под Н.А. Перцовым), А.С. Богословский, Е.Н. Ширяева. Сидят слева направо: К.А. Воскресенский, О.П. Дешиц, Я.А. Бриштейн, Н.Ю. Соколова, Л.А. Зенкевич, В.А. Бронкая, Ф.А. Лаврехин, Г.Г. Абрикосов, Е.И. Богословская

Аспирантка
Е. Д. Вальтер
(впоследствии —
старший научный
сотрудник кафедры)
на Беломорской
станции МГУ в
1969 г. проводит опыт
по эксперимен-
тальному заражению
чаек паразитическими
нематодами

ги кафедры работали в тесном контакте с представителями других научных тематик в совместных экспедициях на Белом море и на Каспии. Кафедра поддерживала тесные связи с институтами паразитологического профиля по всей стране. Немало так называемых «целевых» аспирантов из далеких уголков СССР, а также представителей других, так называемых «развивающихся» стран выполняли свои диссертации под руководством Т.И. Поповой. Выпускники кафедры шли на работу в Гельминтологическую лабораторию АН СССР (впоследствии Институт паразитологии), Всесоюзный институт гельминтологии им. К.И. Скрябина и другие организации и быстро становились ведущими специалистами. И по сей день, выпускники кафедры составляют ядро Института паразитологии — ведущего учреждения Российской академии наук по проблемам паразитологии.

Давние традиции имели на кафедре исследования беспозвоночных пресных вод. Еще в 60-х годах XIX века по инициативе А.П. Богданова его учениками А.Н. Корчагиным и Ф. Каврайским было организовано изучение фауны озер Московской и Рязанской губерний. Г.А. Кожевников организовал Окскую экспедицию, внесшую большой вклад в изучение фауны больших и малых рек. По инициативе Г.А. Кожевникова в 1917 г. была организована экспедиция для изучения фауны оз. Байкал. В этой экспедиции работали Л.А. Зенкевич (он исследовал коловраток и

Доктор биологических наук Нина Юрьевна Соколова (1916–1995)

пресноводных полихет), Л.Л. Росселимо (изучал протейших), И.И. Месяцев (исследовал паразитических ракообразных), Г.Г. Абрикосов (изучал мшанок), В.В. Алпатов (исследовал равноногих ракообразных), А.Д. Старостин (изучал брюхоногих моллюсков).

Важным этапом в развитии пресноводных исследований кафедры стали проводимые биолого-почвенным факультетом комплексные экспедиции по изучению лесозащитных полос, создаваемых по так называемому «сталинскому плану преобразования природы» в 1949–1950 гг. В рамках этих исследований была изучена фауна пресноводных водоемов по трассе Камышин–Сталинград–Черкесск с целью их хозяйственного освоения. В этих работах принимали участие сотрудники кафедры зоологии беспозвоночных — А.С. Богослоевский и Н.Ю. Соколова с группой студентов. Впоследствии Н. Ю. Соколова в течение нескольких десятилетий руководила пресноводными исследованиями на кафедре.

Одним из важнейших направлений в рамках пресноводной тематики кафедры были исследования водохранилищ. Как известно, за годы советской власти на территории СССР были созданы многочисленные водохранилища. Их создание было связано со строительством крупных гидроэлектростанций, обеспечивших энергией развивающуюся индустрию, и, увы, не обошлось без рабского труда сотен тысяч заключенных сталинского ГУЛАГА. На месте лугов, лесов, сельскохозяйственных угодий, деревень и сел, а иногда и городов возникали водоемы, площадь зеркала которых иногда превышала территории некоторых небольших европейских государств. Исследование истории формирования фауны

таких новых водоемов и ее последующий мониторинг представляло собой увлекательную задачу для зоолога и гидробиолога и имело немалую практическую ценность: ведь водохранилища снабжали питьевой водой крупнейшие города. Первым опытным полигоном таких исследований стало относительно небольшое Учинское водохранилище под Москвой. Еще в 1944 г. Е.В. Боруцкий начал изучение фауны этого водоема, а с 1945 г. эти работы возглавила Н. Ю. Соколова. С тех пор сотрудники кафедры побывали на многих других водоемах, но значение Учинского водохранилища как модельного водоема сохраняется и по сей день. Группа пресноводников на кафедре всегда была относительно немногочисленной. Помимо Н.Ю. Соколовой в нее входили Э.И. Извекова, А.А. Львова, а также студенты и аспиранты. Авторитетным исследователем пресноводной фауны был К.А. Воскресенский.

Особое внимание пресноводники уделяли массовым группам пресноводных беспозвоночных, таким как двустворчатый моллюск-завоеватель *Dreissena polymorpha*, проникший из Каспийского моря, сначала в бассейн Волги, а затем широко расселившийся по водоемам Старого и Нового Света (А.А. Львова). Известным специалистом по изучению массовой кормовой группы пресноводного бентоса — личинок хирономид — стала Э.И. Извекова. Сотрудники кафедры работали по совместным программам с географическим факультетом МГУ, а также с практическими организациями, занимающимися снабжением Москвы питьевой водой, например, Мосводопроводом. Позднее, в 1970-е годы в период освоения трассы Байкало-амурской железнодорожной магистрали (это была последняя великая стройка эпохи социализма) сотрудники кафедры принимали участие в изучении фауны и экологии пресноводных водоемов восточной Сибири.

Интересным направлением научной деятельности кафедры, развернувшимся в 1950–1960-е годы, было изучение пещерной фауны. Еще в 1900 г. проф. Г.А. Кожевников в одной из публикаций пропагандировал изучение фауны пещер. В 1920-е годы аспирант Е.В. Боруцкий начал обследование пещер Кавказа и Урала, нашел ряд новых беспозвоночных — троглобионтов. Активным исследователем пещерной фауны стал Яков Авадьевич Бирштейн, впоследствии профессор, карцинолог (специалист по ракообразным) с мировой известностью. Это был неутомимый путешественник, объехавший все уголки огромной страны, исследуя пещеры Кавказа, Крыма, Приднестровья, Средней Азии, южной Сибири и Дальнего Востока. На маленькой резиновой лодке он смело пускался в опасные путешествия по подземным рекам, разыскивая уникальных представителей пещерной фауны. Активным энтузиастом спелеобиологии стал аспирант, а затем доцент кафедры С.И. Левушкин. В результате исследований биоспелеологов кафедры было найдено и описано более 350 видов пещерной фауны, то есть около трех четвертей из всего набора пред-

Профессор Яков Авадьевич
Бирштейн (1911–1970)

ставителей спелеофауны СССР. Были обнаружены новые роды и семейства пещерных ракообразных, хищные пещерные брюхоногие (например, хищный слизень *Troglolestes sokolovi*) и другие необычные представители загадочной фауны подземного мира. Была произведено зоогеографическое районирование пещерной фауны огромной территории Советского Союза.

Я.А. Бирштейн был крупнейшим зоогеографом своего времени. Докторская диссертация Я.А. Бирштейна была посвящена роли континентальных водоемов как убежищ для реликтовых видов животных. Это была фундаментальная работа, в которой была дана картина исторического развития фауны всей страны, охвачены все группы животных. Разве можно сравнить ее с современными докторскими работами, которые часто не дотягивают до требований кандидатских диссертаций середины 1950-х годов! Как ведущий карцинолог Я.А. Бирштейн описал более 100 новых для науки видов ракообразных из самых разных биотопов. Я.А. Бирштейн был сторонником монофилии членистоногих. Проведенный им анализ членистоногих привел его к убеждению, о гомологии первых 6 сегментов головного конца в различных группах этого типа.

В течение многих лет Я.А. Бирштейн читал общий курс зоологии беспозвоночных для студентов 1-го курса биологического факультета МГУ. Это был талантливый лектор и, кроме того, красивый мужчина с яркой демонической внешностью. Во время перерыва студенты окружали его, донимая бесконечными вопросами, а он отвечал низким голосом,

попыхивая трубкой, в клубах ароматного дыма. Я.А. Бирштейн был тонким знатоком искусства. Невозможно забыть эпиграф, подобранный им для работы о равноногих ракообразных Тихого океана:

*«Я изучил морское дно.
Оно пустынно и темно.
И по нему, объят тоской,
Лишь таракан ползет морской».*

В 1950–1960-е годы на кафедре проводились и исследования фауны сухопутных беспозвоночных. П.В. Матекин собрал и обработал значительный материал по фауне улиток Средней Азии, изучил становление малакофауны этого региона, опубликовал определитель брюхоногих моллюсков, являющихся хозяевами промежуточных стадий развития дигенетических сосальщиков.

Продолжались на кафедре и работы по биологии домашней пчелы, начатые в Московском университете еще К.Ф. Рулье. Домашней пчеле были посвящены и обе диссертации Г.А. Кожевникова. Ученик Г.А. Кожевникова — доцент кафедры Фаддей Афанасьевич Лаврехин посвятил пчелам всю жизнь. С Дальнего Востока им была привезена и акклиматизирована в европейской части страны дикая пчела *Apis indica*. Этот вид не подвержен тем заболеваниям, от которых страдает обыкновенная домашняя пчела. Студенты 1950-х годов вспоминают Ф.А. Лаврехина как скромного, очень русского по характеру и внешности человека. Он хорошо знал русскую культуру, прекрасно пел народные песни. Мало кто знал о глубокой личной трагедии, постигшей этого человека: он воспитал троих сыновей, и все они погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

В 1954 г. кафедра переехала из старых зданий на углу проспекта Маркса (бывшей и нынешней Моховой) и ул. Герцена (бывшей и нынешней Большой Никитской) в новое здание биолого-почвенного факультета на Ленинских горах. В этих помещениях — на пятом этаже кафедра пребывает до сих пор. В связи с переездом в новые здания университет получил дополнительные средства для организации учебного процесса. На кафедре были заказаны новые учебные таблицы, изготовлены препараты кафедрального учебного музея. Эти коллекции и препараты используются на кафедре до сих пор. В пятидесятые годы были создана та структура зоологического образования, которая с небольшими изменениями существует и в наше время.

Учебный процесс на кафедре в 1950-е годы неотделим от имени Веры Александровны Броцкой. Она была выдающимся энтузиастом зоологической науки и преподавания. Выпускники кафедры 1950-х годов, ныне уже далеко не молодые люди, с необыкновенной теплотой вспоминают «маму Веру», как они ее любовно называли. В.А. Броцкая отдавала

В.А. Броцкая (крайняя справа) на борту «Персея» в 1920-е годы

студентам все силы своей души. На кафедре не было лучшего руководителя курсовых и дипломных работ, чем В.А. Броцкая, которая жертвовала своей личной научной карьерой ради помощи студентам. В.А. Броцкая взяла на себя основную тяжесть учебно-методической работы кафедры. Именно она подготовила упоминавшийся выше набор учебных таблиц, заказанных художникам при переезде в новое здание. В.А. Броцкая вместе с И.И. Месяцевым и Л.А. Зенкевичем участвовала в первых арктических экспедициях на ледокольном судне «Малыгин» и на первом советском исследовательском судне «Персей».

В.А. Броцкая горячо любила Беломорскую биостанцию и, как многие сотрудники кафедры, строила биостанцию вместе со студентами. В.А. Броцкая прожила нелегкую жизнь. Ее муж — член большевистской партии с 1917 г. — занимал пост прокурора в Баку и, как многие другие деятели партии, был арестован и расстрелян в годы сталинского террора в конце 1930-х годов. Предчувствуя свою судьбу, он за несколько месяцев до ареста отправил семью к родственникам в Москву. Это спасло В.А. Броцкую от ареста вместе с мужем, но дамоклов меч члена семьи врага народа долгие годы тяготел над В.А. Броцкой и ее детьми. Несмотря на это, никто не видел ее подавленной или озлобленной. Свою личную трагедию она таила глубоко в сердце, а для студентов не было более

Л.А. Зенкевич и
В.А. Броцкая на
Беломорской биостанции
(1950-е годы)

доброжелательного и отзывчивого человека, чем В.А. Броцкая. На всю жизнь она сохранила юношеское романтическое отношение к морю и к жизни вообще. Она помнила наизусть почти все стихи Николая Гумилева, других поэтов начала XX века, постоянно цитировала их произведения, и многие студенты только из уст В.А. Броцкой (ведь их произведения не переиздавались в советское время, а стихи расстрелянного Н. Гумилева — просто запрещены) узнавали о существовании серебряного века русской поэзии.

Деятельным помощником Л.А. Зенкевича был доцент Георгий Георгиевич Абрикосов. Выходец из знаменитой московской семьи Абрико-

Доцент Вера Александровна Броцкая
(1903–1962)

Георгий Георгиевич Абрикосов
(1901–1967)

совых (см. выше), он окончил Московский университет в начале 1920-х годов. Еще в студенческие годы он был членом знаменитого «Биологического кружка имени Ламарка», которым руководил Е.С. Смирнов. Поскольку именно Жан-Батист Ламарк был автором самого термина «зоология беспозвоночных», можно считать, что сама судьба распорядилась, чтобы Г.Г. Абрикосов стоял у истоков нашей кафедры. Так оно и случилось: после окончания университета Г.Г. Абрикосов был заведующим Отделом беспозвоночных в Зоологическом музее МГУ, который вошел в состав кафедры зоологии беспозвоночных в 1931 г. Г.Г. Абрикосов был крупнейшим специалистом по морским и пресноводным мшанкам. Великолепный знаток мира беспозвоночных Г.Г. Абрикосов был одним из авторов таких фундаментальных сводок как «Руководство по зоологии», многотомной «Жизни животных», выдержавшего пять изданий двухтомного учебника «Зоология» для вузов.

Г.Г. Абрикосов вместе с Л.А. Зенкевичем был одним из создателей основного кафедрального курса «Зоология беспозвоночных» и сам читал его в течение нескольких лет. Он организовал раздел «Черви» на большом практикуме, вел постоянную работу по модернизации учебного процесса в соответствии с достижениями науки и потребностями образования.

Г.Г. Абрикосов обладал даром администратора и в течение нескольких десятилетий был заместителем Л.А. Зенкевича по кафедре. Это был требовательный и строгий человек, в то же время он отличался благожелательностью, обладал тонким чувством юмора. Он хорошо знал проблемы сотрудников и студентов, постоянно отстаивал их интересы в вы-

шестоящих инстанциях (студенты любовно называли его «Гор Горыч»). Г.Г. Абрикосов воспитал несколько поколений зоологов беспозвоночных, которые в течение многих десятилетий определяли развитие зоологической науки и образования в нашей стране.

Кафедра пятидесятых и шестидесятых годов была процветающим учебным и научным учреждением. Руководил кафедрой авторитетный учёный, который был вхож в директорские и министерские кабинеты и слово которого много значило для руководства университета. Страна оправилась от войны. Быстро росло промышленное производство (в сельском хозяйстве успехи были скромнее). Правительство уделяло большое внимание развитию науки; численность научных сотрудников росла, оплата их труда (особенно в 1950-е годы) значительно превышала среднюю по стране. Да и сама советская наука достигла неоспоримых успехов, выйдя на передовые позиции, особенно в ядерной физике, освоении космоса и других областях. В биологии объективные успехи советской науки были слабее, прежде всего, из-за продолжавшегося до середины 1960-х годов гнета лысенковщины. Но общий подъем науки сказывался и на работе биологических институтов. Выпускники кафедры сравнительно легко находили работу в научных учреждениях и быстро делали карьеру.

Конец 1950-х – начало 1960-х годов получило в нашей истории название «оттепели». Из общества постепенно исчезал страх. У всех в памяти был XX съезд КПСС, осудивший «культ личности» И.В. Сталина. Миллионы семей получили извещения, в которых говорилось о реабилитации их расстрелянных и погибших в лагерях близких «за отсутствием состава преступления». Эти казенные бумажки вызывали скорбь и боль, но в то же время, у значительной части населения они рождали надежду на то, что все беззакония остались в прошлом. Была принята новая программа КПСС, в которой была поставлена фантастическая цель — построить коммунизм в СССР к 1981 г. Вряд ли разумные люди всерьез верили радужным экономическим прогнозам этой программы, но какие-то основания для социального оптимизма были, и общество легко мирилось с лицемерием официальной пропаганды.

Как известно, советское общество не использовало существовавший в 1960-е годы шанс эволюционного изменения экономической и политической структуры. Была упущена возможность внедрения в экономику хозяйственного расчета и рыночных механизмов (хотя такие идеи появились именно тогда, в середине шестидесятых), которые могли бы сделать ее гибкой и конкурентоспособной. Постепенно сошли на нет идеологические вольности периода «оттепели» шестидесятых. Общество, избавившееся от тотального страха сталинского террора, но оставшееся скованным липкой паутиной догматической идеологии, постепенно скапывалось в пучину лицемерия и двоемыслия.

Сотрудники кафедры в 1967 г. Слева направо первый ряд: Н.А. Заренков, Л.А. Гиченко, М.И. Константинова, Л.А. Зенкевич, Н.Ю. Соколова, В.А. Свешников, Н.М. Перцова, Р.Я. Маргулис; во втором ряду: Т.Н. Иванова, И. Жаркова, Я.А. Бириштейн, Ю.В. Щипакина, М.И. Сахарова (за ней — Н.Я. Матвеева), О.И. Дециц, П.В. Матекин (за ним — неизвестная), Е.Д. Вальтер, Г.Б. Зевина, Р.К. Пастернак (за ней Е.И. Богословская), Т.И. Попова, К.А. Воскресенский, О.И. Чибисова, Е.М. Майер, Э.И. Пзвекова; в верхнем ряду: К. Сидоров, А.М. Гиляров, А.А. Львова, Ф.А. Лаврехин, М.У. Осипова, неизвестная, А.С. Богословский, А.В. Борисов

Кризисные явления исподволь подтачивали и науку. Прскратился рост числа научных сотрудников (когда-то это должно было произойти), и все болсе трудным стал приток свежих сил в науку. Уже тогда, в конце 1960-х – начале 1970-х годов в советской науке начались процессы загнивания. Молодые способные к творческой работе кадры не могли найти себе применения (просто не было свободных мест), а накопившийся в научных и образовательных учреждениях балласт утративших творческие потенции людей оставался на своих местах, объективно тормозя развитие науки.

На самом деле, кадровые проблемы были отражением болсе глубоких системных пороков советской науки. Многие отрасли науки в Советском Союзе были оторваны от насущных потребностей развития общества. Конечно, это не относилось к тем областям, которые были связаны с развитием оборонной техники — совершенствованию ядерного оружия, ракетно-космических технологий и др. А вот в биологии научные достижения были не предназначены для внедрения в практику. В XX веке, когда численность населения нашей планеты стала исчисляться миллиардами, стало очевидным, что прокормить растущее человечество может только сельское хозяйство, основанное на достижениях биологической науки. А в советской биологии в 1950-е и в первой половине 1960-х годов господствовали бредни о персрождении пшенок в кукушке и ржи в васильки. Ситуация с внедрением достижений биологической науки в сельское хозяйство и другие отрасли экономики не изменилась и после крушения лысенковской диктатуры. Руководство страны и не собиралось использовать достижения науки для реального подъема агонизирующего сельского хозяйства, предпочитая выжимать соки из рабского и непроизводительного труда колхозников, а когда деревня обезлюдела, на колхозные и совхозные поля стали загонять горожан. Все, кто учился в вузах в 1960–1980-е гг. помнят, что учебный год студентов и преподавателей начинался с 1–1,5 месяцев на уборке урожая в колхозе. Рядом с ними трудились солдаты Советской Армии, научные сотрудники из Академии наук и отраслевых институтов, рабочие промышленных предприятий. Вывезенные в колхозы студенты и научные сотрудники нередко проживали в унизительных, в буквальном смысле в скотских условиях (везде часто горожан сслили в пустовавшие коровники и свинарники). Ручной труд необученных и непривычных к работе на полях горожан был непроизводителен и бессмыслен. Об этом как-то редко вспоминают в наши дни, а ведь в те годы это было повсеместной реальностью.

Со всех партийных трибун и со страниц газет раздавались непрерывные заклинания о связи науки с практикой, о науке «как непосредственной производительной силе», но в реальном внедрении научных достижений в практику никто не был заинтересован. Это порождало своеобразную ситуацию с финансированием науки. Наука финансировалась

из государственного бюджета по так называемому «остаточному принципу», без учета ее реальных потребностей и без реального контроля за тем, какая отдача получена от этих средств. Было ощущение, что некоторые отрасли науки выполняли в обществе какие-то декоративные функции. Страна гордилась тем, что занимала первое место в мире по числу научных работников, это подавалось как «преимущество социалистической системы», но при этом оснащение научных исследований приборами и оборудованием все больше отставало от мирового уровня. Уже тогда, в начале 1970-х годов требовалась реформа науки, которая теснее связала бы ее с потребностями экономической жизни страны, сделала бы ее более динамичной и эффективной, позволила бы сохранять и развивать здоровые творческие силы и избавляться от балласта. Увы, этой реформы советская, а затем и российская наука ждет до сих пор!

В ожидании перемен

В 1970 г. скончался заведующий кафедрой академик Л.А. Зенкевич. Конечно, это было очень печально и неожиданно, как неожиданна любая смерть человека, который еще вчера был рядом с тобой. Л.А. Зенкевичу шел 82-й год, и казалось, кафедра должна была быть как-то готова к такому повороту событий. Не стоит, однако, забывать, что Л.А. Зенкевич заведовал кафедрой 40 лет, люди просто привыкли к тому, что он всегда есть и кафедра всегда будет жить под его патронажем и защитой. На первый взгляд у кафедры существовал солидный кадровый резерв, в том числе и на пост заведующего кафедрой. Немало крупных зоологов (в том числе, и выпускников кафедры) работало в академических институтах г. Москвы. На кафедре работал выдающийся зоолог, друг и соратник Л.А. Зенкевича профессор Я.А. Бирштейн (к сожалению, он скончался почти одновременно с Л.А. Зенкевичем). За год до смерти Л.А. Зенкевича на кафедру пришел работать молодой профессор К.В. Беклемишев (в год смерти Л.А. Зенкевича ему исполнилось только 42 года). Уже подготовил докторскую диссертацию В.А. Свешников, которому шел 45-й год. Незадолго до смерти Л.А. Зенкевича, поссорившись с заведующим, с кафедры ушел (но остался в штате факультета) профессор П.В. Матекин, которому было всего 53 года.

Трудно представить, что кто-то специально стремился ослабить сильную кафедру, лишить ее лидирующих позиций, тем не менее, конкурс на замещение вакантной должности заведующего кафедрой не объявлялся в течение восьми лет. Все это время обязанности заведующего кафедрой исполняла Т.И. Попова.

Тамара Игнатьевна Попова окончила Кировский сельскохозяйственный институт и по образованию была ветеринарным врачом. В Кировском сельскохозяйственном институте Т.И. Попова работала под руковод-

Тамара Игнатьевна Попова
(1913-1992)

ством известного гельминтолога В.С. Ершова. Научная работа Т.И. Поповой была посвящена изучению болезней лошадей и других сельскохозяйственных животных, возбудителями которых являются паразитические нематоды-стронгилиды. В 1953 г. Т.И. Попова защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора ветеринарных наук. В 1956 г. Л.А. Зенкевич, который планировал развитие паразитологической тематики на кафедре, принял Т.И. Попову на должность старшего научного сотрудника. Разумеется, Л.А. Зенкевич и представить себе не мог, что именно Т.И. Попова станет его преемником.

Спустя 14 лет в 1970 г. Т.И. Попова все еще работала в той же должности старшего научного сотрудника. Смерть Л.А. Зенкевича пришлось на летние месяцы (время экспедиций и отпусков), когда назначался формальный исполняющий обязанности заведующего, и обычно им была никуда не уезжавшая Т.И. Попова. Случайно оказавшись и.о. зав. кафедрой в момент смерти Л.А. Зенкевича, она при поддержке руководства факультета сумела закрепиться на этом посту на многие годы. Т.И. Попова держалась скромно, внешне никак не проявляла амбиций и претензий на заведование (например, она так и не заняла кабинет заведующего). Может быть поэтому руководство факультета остановилось на этой кандидатуре как на временной фигуре, однако в должности и. о. зав. кафедрой Т.И. Попова проработала до 1978 г.

Для кафедры семидесятые годы XX века были временем стагнации, и это удивительным образом совпало с тем, что переживало общество в целом. Ведь, как известно, и для всей страны семидесятые годы XX века — это эпоха «застоя». Страна, руководимая горсткой «кремлев-

ских старцев» во главе с Л.И. Брежневым, жила, используя уже накопленный промышленный и научно-технический потенциал. Продажа нефти и газа обеспечивала приток валюты, который использовался для латания расширяющихся прорех в народном хозяйстве, а также для поддержки геополитического влияния СССР в мире. В то же время, для многих людей 1970-е годы были временем наибольшей стабильности и относительного благополучия, хотя за этот покой и отсутствие развития впоследствии пришлось заплатить высокую цену. Приток средств от продажи ресурсов и слабая связь с мировым рынком позволяли жить по-старому, не внедряя новых технологий, передовых методов организации экономической жизни. В результате страна «проспала» ключевой период мировой научно-технической революции и, несмотря на впечатляющие успехи 1950–1960-х годов, в последующие десятилетия все больше отставала от ведущих мировых держав.

В 1970–1980-е годы сохранялась система централизованного государственного финансирования науки и образования. Государство выделяло из бюджета средства, они распределялись между вузами, каждый факультет получал определенную руководством вуза долю. Руководитель кафедры мог получать оборудование и материалы для научной работы и учебного процесса в рамках общих возможностей факультета и вуза. Все шло через руководителя: ректор «выбивал» средства из министерства, декан — из ректора, заведующий кафедрой — из декана. Сотрудник обращался к заведующему кафедрой, и тот в зависимости от своего отношения к этому сотруднику и своих отношений с вышестоящим руководителем удовлетворял или не удовлетворял эту просьбу. В командной системе от авторитета руководителя и его отношений с вышестоящим начальством зависело почти все, а от самого исследователя — почти ничего.

В то же время, централизованное финансирование избавляло от необходимости считать деньги. Никто не интересовался, сколько стоит электроэнергия и коммунальные услуги, сколько стоят летние практики, почти не лимитировались расходы на командировки. На руководителя, который вздумал бы требовать с сотрудников деньги за работу на биостанции или пользование электронным микроскопом, посмотрели бы как на сумасшедшего. Все это финансировалось, так сказать, «автоматически». Студенты-зоологи для сбора материала для курсовой или дипломной работы ездили по всей необъятной стране. Нередко за несколько летних месяцев студент успевал побывать и в Средней Азии, и во Владивостоке, и на Чукотке. Не нужно объяснять, как важны такие поездки для становления зоолога. Сотрудники также легко оформляли командировки в самые отдаленные уголки страны, организовывались дорогостоящие экспедиции. Несмотря на выдвинутый брежневским руководством лозунг «экономика должна быть экономной», денег по-настоящему никто не

считал. Так не могло продолжаться до бесконечности, но почти никто в то время об этом не задумывался.

В 1970-е годы кафедра в основном продолжала развивать те направления, которые были сформированы в 1950–1960-е годы. Т.И. Попова не стремилась, да и не могла предложить кафедре новые пути развития и, кажется, в тот период это устраивало всех: и руководство биологического факультета и большинство сотрудников кафедры. Т.И. Попова заботилась о сохранении кафедры, проявляя при этом и здравый смысл, и немалые дипломатические способности. И все же, отсутствие перспективы стало явственно ощущаться на кафедре: ее стали покидать яркие преподаватели и научные работники. После защиты докторской диссертации (так и не дождавшись объявления конкурса на должность заведующего кафедрой) ушел в академический институт В.А. Свешников. На кафедру общей экологии и гидробиологии перешли молодые талантливые сотрудники А.М. Гиляров и И.В. Бурковский (оба впоследствии стали профессорами). Освободившиеся места заполнялись молодыми людьми, только что окончившими кафедру.

Особенностью советской системы формирования кадрового состава кафедр в МГУ и большинстве других вузов состоит в том, что человека почти невозможно уволить или понизить в должности, каким бы неспособным к выполнению своих обязанностей он ни оказался (эта система существует и в постперестроечной России практически в том же виде). Один раз попав в штат кафедры, человек мог спокойно существовать, быстро или медленно шагая по ступенькам карьеры. Формально, каждый сотрудник проходил переекспертацию каждые 3 или 5 лет, но всегда успешно, — ведь аттестовали его коллеги по кафедре, которым самим предстояло проходить аттестацию в том же коллективе. Эта система обеспечивала относительную стабильность и бесконфликтность внутренней жизни кафедр, уверенность сотрудников в завтрашнем дне, что, несомненно, очень важно для ровной работы коллектива. В то же время избавиться от неспособного или не желающего работать сотрудника было почти невозможно. Вот почему необыкновенно важным был сам момент приема сотрудника на кафедру на самую первую, самую маленькую должность.

Как правило, на кафедру приходит молодой человек, который еще сам, в сущности, не знает, на что он способен. Руководитель, принимающий его на работу, должен угадать, кем станет этот молодой человек через десятилетия: талантом или бездарностью, энергичным работником или лентяем, хорошим товарищем или склочником и скандалистом, порядочным человеком или проходимцем. Опыт последних десятилетий показывает, что кафедры избавляются от неспособных к работе сотрудников не чаще, чем родители отказываются от своих неполноценных или больных детей.

Как и.о. зав. кафедрой в 1970-е годы Т.И. Попова приняла в штат кафедры несколько талантливых молодых людей, впоследствии ставших профессорами кафедры: Н.Н. Марфенина, А.В. Чесунова, А.Б. Цетлина и др. Т.И. Попова неплохо разбиралась в людях, и принятые ею сотрудники со временем стали основным кадровым ядром кафедры.

В 1974 г. в состав кафедры вошла Лаборатория биологии развития животных, руководимая Б.М. Логвиненко. Эта лаборатория была создана в 1940 г. академиком И.И. Шмальгаузенем для изучения закономерностей роста и дифференцировки морфологии животных. После знаменитой сессии ВАСХНИЛ по постановлению Совета министров СССР она была в 1949 г. преобразована в Лабораторию по изучению биологии стадийного развития животных при кафедре дарвинизма (как известно, теория стадийности играла важную роль в построениях Т.Д. Лысенко). Затем лаборатория входила в состав кафедры физиологии животных, была отдельной межкафедральной лабораторией, и, наконец, в 1974 г. вошла в состав кафедры зоологии беспозвоночных. На начало 1970-х годов лаборатория была неплохо оборудована, имела солидную приборную базу, вела обширные хозяйственные работы. В то же время, долгие годы лаборатория стояла особняком от кафедры, слабо участвуя в учебном процессе. С годами связи лаборатории с кафедрой становились теснее, но до конца эта общность не преодолена до сих пор.

До 1969 г. лабораторией биологии развития животных руководил профессор Н.В. Лебедев. Это был ихтиолог, на примере рыб разрабатывавший теорию элементарных популяций. Н.В. Лебедев был человеком страстным, с трудным, взрывным характером, не склонным к компромиссам. В свое время он потерял работу во Всесоюзном институте рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) как сторонник менделизма-морганизма, и он же был одним из яростных оппонентов Л.А. Зенкевича по вопросу о переселении нериса в Каспийское море. Тем не менее, именно Н.В. Лебедев заложил основы популяционно-генетического направления, многие годы плодотворно разрабатываемого в лаборатории.

С 1970 г. и до 1988 г. лабораторией заведовал Борис Михайлович Логвиненко. Он защитил диплом на кафедре дарвинизма и закончил аспирантуру при той же кафедре. В то время кафедра дарвинизма была рассадником лысенковщины, и надо было обладать большой самостоятельностью мышления, чтобы вопреки окружению прийти к изучению популяционной генетики. Б.М. Логвиненко обладал даром администратора и долгие годы был заместителем декана биологического факультета.

Объекты, на которых лаборатория вела исследования, были весьма разнообразны. Сотрудники лаборатории проводили исследования структуры популяций морских промысловых рыб, двустворчатых моллюсков, иглокожих, позднее занимались хозяйственно ценным видом дождевых червей *Eisenia foetida* — производителем компоста. Новые методы (преж-

Заведующий лабораторией
биологии развития животных
Борис Михайлович Логвиненко
(1928–1988)

де всего, анализ аллозимов методом электрофореза) существенно обогатили исследовательский арсенал кафедры.

После смерти Б.М. Логвиненко в 1988 г., лабораторию возглавил Г.Н. Нефедов, а затем К.А. Тривеллер. Девяностые годы оказались трудными для лаборатории: старая система бюджетного и хоздоговорного финансирования была разрушена, а приспособиться к новой системе финансирования через гранты оказалось непросто. Обеднели заказчики и прекратились денежные поступления от хоздоговоров. Сказалось и негативное отношение к тематике лаборатории и отдельным ее сотрудникам тогдашнего заведующего кафедрой профессора П.В. Матекина. Внутри лаборатории возник вопрос о переходе лаборатории с кафедры зоологии беспозвоночных на какую-то другую кафедру с более лояльным заведующим. К счастью, здравый смысл возобладал, и лаборатория осталась в составе кафедры.

В 1970–1980-е годы одним из ведущих направлений кафедры оставались исследования морских беспозвоночных. После смерти Л.А. Зенкевича идейным руководителем морского направления кафедры стал профессор Константин Владимирович Беклемишев. Он был сыном выдающегося биолога — профессора В.Н. Беклемишева — и сам был необычайно ярким и талантливым человеком. К.В. Беклемишев поступил на первый курс биолого-почвенного факультета Московского государственного университета в 1945 г. По возрасту К.В. Беклемишев не попал на фронт, но его товарищами по учебе были только что демобилизовавшиеся Н.А. Перцов и В.А. Свешников. Как раз на годы учебы К.В. Беклеми-

шева пришлось знаменитая дискуссия о внутривидовой борьбе, в ходе которой профессора Московского университета попытались дать бой Т.Д. Лысенко и И.И. Презенту, и за которой последовал разгром советской биологии в 1948 г. Все это не могло не сказаться на мировоззрении студентов послевоенного поколения. К.В. Беклемишев так и не вступил в комсомол (тогда такое еще было возможно), а позднее всегда отказывался от предложений вступить в КПСС.

В студенческие годы К.В. Беклемишев участвовал в экспедициях на Белое и Баренцево моря, где выполнял свою первую научную работу по питанию немертин. Немертин нетрудно найти на литорали Баренцева и Белого морей, но в кишечнике их почти никогда не обнаруживается никакой пищи. В учебниках написано, что немертины, вероятно, обладают большой скоростью переваривания пищи. Но, как оказалось, немертины питаются очень редко и очень крупной добычей, которая иногда превосходит по размерам самого хищника. Схватив добычу своим хоботом, немертина натягивается на нее, как чулок. Переварив крупную добычу, немертины потом способны многие месяцы, иногда год и более обходиться без пищи, — вот почему кишечник немертин обычно пуст. «Удавы моря» — так называлась статья, опубликованная К.В. Беклемишевым по материалам его наблюдений в студенческие годы.

Еще студентом К.В. Беклемишев удивлял всех своими способностями, неожиданными и смелыми решениями разных интеллектуальных задач. Нередко он сдавал зачет или писал контрольные работы за всю студенческую группу. Во время беломорской экспедиции на острова Кандалакшского заповедника студенту К.В. Беклемишеву, среди прочего, было поручено ежедневно измерять силу ветра. Делать это надо было очень рано — в 5 часов утра. Спустя несколько дней коллеги по экспедиции заметили, что К.В. Беклемишев вовсе не вскакивает с постели в такую рань, а мирно спит до общей пробудки. Кто-то подглядел, что в 5 утра К.В. Беклемишев, не вставая с постели, просто протягивает руку с анемометром к щели в сарае, в котором они ночевали, и записывает показания. Когда возмущенные сокурсники потребовали объяснений, К.В. Беклемишев показал построенную им заранее кривую, с помощью которой можно было перевести показания прибора, замерявшего силу сквозняка, дувшего из щели, в силу ветра на улице.

После окончания Московского университета К.В. Беклемишев поступил в аспирантуру Института океанологии АН СССР, где его руководителем был известный гидробиолог, впоследствии член-корреспондент АН СССР профессор В.Г. Богоров. Кандидатская диссертация К.В. Беклемишева, защищенная в 1954 г., называлась «Взаимоотношение зоопланктона и фитопланктона». И снова К.В. Беклемишев поразил всех неожиданностью решения одного из вопросов этих взаимоотношений. Известно, что основная группа океанического фитопланктона — это диатомо-

вые водоросли, а основные их потребители — веслоногие рачки-копеподы. Но ведь створки диатомовых построены из двуокиси кремния, очень твердого вещества, по составу близкого к одному из самых твердых минералов — кварцу. Как же рачки разгрызают такие твердые панцири? К.В. Беклемишев задался этим вопросом и показал, что копеподы имеют окремненные мандибулы, которые позволяют им вскрывать твердые панцири диатомовых водорослей.

После окончания аспирантуры К.В. Беклемишев стал штатным сотрудником Института океанологии, в стенах которого он проработал до 1970 г. К.В. Беклемишев участвовал в шести рейсах «Витязя» в различных районах Мирового океана, работал в Антарктике на знаменитых судах «Обь» и «Кооперация». Предметом исследований К.В. Беклемишева стали экология и биогеография планктона в Мировом океане. Он занимался экологией и пространственным распределением организмов так называемых «звукорассеивающих слоев» — скоплений мелких планктонных рыб, сифонофор и других беспозвоночных, отражающих звуковые волны. Эта тематика, особенно важная для военных моряков, использующих эхолокацию как важнейшее средство обнаружения подводных и надводных целей, стала темой докторской диссертации К.В. Беклемишева, защищенной в 1968 г. Другое направление исследований К.В. Беклемишева, принесшее ему мировую известность, — биогеография океанического планктона. В открытом океане нет видимых границ и методы, разработанные для биогеографии суши, внутренних водоемов, прибрежных сообществ не подходят для открытого океана. Что является основой ареала планктонных организмов, которые живут в толще воды и не в состоянии противостоять океанским течениям? Как выделить границы самих ареалов? Существуют ли вообще реальные биогеографические границы в толще воды? Все эти вопросы оставались слабо разработанными и требовали новых фактических данных (прежде всего, густой сети планктонных станций) и новых теоретических подходов.

Подход К.В. Беклемишева был оригинален, как всегда. Как определить ареал в пелагиали, где, казалось бы, нет никаких границ? Да очень просто! Необходимо выяснить, на каких планктонных станциях вид был встречен в 100% случаев, на каких — в 50%, и на каких — 0%. Когда определенные таким образом границы были нанесены на карты, оказалось, что области 50%-ной, а тем более, 100%-ной встречаемости точно совпадают с существующими в океане циркуляциями — большими и малыми круговоротами океанских течений и противотечений. Основой каждого ареала служит та или иная циркуляция вод, где часть особей, достаточная для воспроизводства, возвращается к месту своего рождения. За пределами основы ареала существуют районы, где вид еще размножается, но особи уже никогда не смогут вернуться (область нестерильного выселения), и районы, где вид способен выживать, но уже не размножа-

Профессор Константин
Владимирович Беклемишев
(1928–1983)

ется (область стерильного выселения). Границы в толще воды оказались не менее отчетливыми, чем на суше. Это позволило К.В. Беклемишеву осуществить грандиозную работу по биогеографическому районированию пелагиали в масштабах всего Мирового океана. Результаты своих исследований К.В. Беклемишев обобщил в монографии «Экология и биогеография пелагиали», вышедшей в 1969 г. и переведенной на английский язык. Эта работа и сейчас является настольной книгой морских биологов.

К 40 годам К.В. Беклемишев стал известным ученым, перед ним открывалось большое будущее. В 1969 г. в жизни К.В. Беклемишева произошел крутой перелом. Заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных Московского университета академик Л.А. Зенкевич пригласил его на должность профессора своей кафедры. Возможно, он предполагал, что К.В. Беклемишев в будущем мог бы стать его преемником на посту заведующего кафедрой. Вероятно, такую возможность допускал и сам К.В. Беклемишев, переходя из процветающего академического института с огромными исследовательскими возможностями (в первую очередь, в отношении организации морских экспедиций) в престижный, но значительно более скромный по научным возможностям Московский университет. К сожалению, этим планам не суждено было сбыться.

Научный авторитет К.В. Беклемишева на кафедре был необычайно велик. Он поражал всех мощью своего интеллекта. Нередко к нему обращались люди, годами разрабатывавшие те или иные проблемы в различных областях знания. Выслушав их, К.В. Беклемишев в течение нескольких минут предлагал оригинальное решение, которое становилось для исследователя путеводной звездой. В известной степени К.В. Беклемишев действительно стал преемником Л.А. Зенкевича. Ведь под его руководством завершили диссертации те сотрудники, которым в свое время предложил темы Л.А. Зенкевич (Т.А. Бек, Т.Л. Бэзр, В.И. Василь-

ев, Р.Я. Маргулис, Н.М. Калякина, Н.М. Перцова, Н.Л. Семенова и многие другие). Придя на кафедру, он сразу стал центром, к которому тянулась молодежь. Под руководством К.В. Беклемишева начинали научную карьеру нынешние профессора кафедры (Н.Н. Марфенин, А.Б. Цетлин и др.).

От своего отца — выдающегося сравнительного анатома В.Н. Беклемишева — К.В. Беклемишев унаследовал глубокий интерес к проблемам сравнительной морфологии животных. Придя на кафедру, он способствовал возрождению сравнительно-анатомических исследований на кафедре. В области сравнительной анатомии К.В. Беклемишев, как и его отец, был сторонником идеалистической морфологии, придавая решающее значение плану строения организмов. К.В. Беклемишев написал немного сравнительно-анатомических работ, но оставил много идей, которые впоследствии разрабатывали его ученики. В стенах кафедры сформировалась научная школа К.В. Беклемишева, многие представители которой впоследствии сами стали докторами наук и профессорами.

Придя в университет, К.В. Беклемишев сразу же включился в напряженную преподавательскую деятельность. Это отнимало у него много времени и сил, и в то же время, давало большое удовлетворение. Он читал яркие лекции по зоологии беспозвоночных для 1-го курса, спецкурсы по сравнительной анатомии и биогеографии. К.В. Беклемишев был доброжелательным, но очень требовательным преподавателем. Сдать ему экзамен было непросто. Бывали случаи, когда сравнительную анатомию студенты сдавали только с 11-го раза. У него всегда было множество аспирантов и дипломников. Всем им он помогал, не считаясь с собственным временем и силами. К.В. Беклемишев был абсолютно бескорыстен. Он снабжал всех идеями, но при этом не разрешал включать себя в соавторы публикаций, которые были вдохновлены его мыслями. Как это не похоже на сложившуюся не только в нашей стране, но и во всем мире систему, когда руководитель, приписывает свою фамилию к публикациям всех своих аспирантов и студентов, независимо от того, каков его реальный вклад в работу.

Необычайно талантливый и трудолюбивый ученый, К.В. Беклемишев был очень искренним человеком. Высокий, временами нескладный, по-юношески прямолинейный, он напоминал Дон-Кихота от науки, непоколебимо убежденного, что только труд и талант должны определять положение человека в научной иерархии. С такими взглядами К.В. Беклемишеву трудно было вписаться в ту систему отношений, которая сложилась на биологическом факультете МГУ в 1970-е годы. До заведования кафедрой его не допустили. Он не мог принимать участие в интригах (он был для этого слишком порядочен и искренен), но не мог оставаться безучастным к интриганам и проходимцам (для этого он был слишком принципиален и предан науке). Все это он пропускал через сердце, и оно не выдержало. К.В. Беклемишев скоропостижно скончался в 1983 г., не дожив двух недель до своего 55-летия.

К.В. Беклемишев возглавлял на кафедре работы по тематике звуко-рассеивающих слоев, которые проводились по хозяйственному договору с Акустическим институтом АН СССР. Этот договор давал сотрудникам материал для исследований, а кафедре — дополнительные средства на командировки, оборудование и доплаты к зарплатам, которые в 1970-е годы уже отнюдь не выглядели большими. Большое участие в работах по звуко-рассеивающим слоям принимала Юлия Георгиевна Чиндонова. Формально она была сотрудником Акустического института, но всю свою жизнь провела в стенах кафедры и принимала живое участие в жизни ее коллектива.

С именем К.В. Беклемишева связана целая эпоха в истории Беломорской биостанции МГУ. К.В. Беклемишев был научным руководителем биостанции. Под его руководством были спланированы и осуществлены несколько рейсов научно-исследовательского судна СЧС-2032. Это была наиболее полная биологическая съемка Белого моря после знаменитых работ К.М. Дерюгина в двадцатые годы, в результате которой была разработана принципиально новая модель этого водоема, основанная на связи его обитателей с водными массами.

Возможностей организации морских экспедиций в МГУ было значительно меньше, чем в Институте океанологии. Судов было мало, претендентов на организацию экспедиций много (в МГУ несколько факультетов вели исследования по морской тематике). Играли роль и субъективные факторы. Сейчас это трудно представить, но ведь в 1970-е годы морские экспедиции — это была редкая возможность попасть за границу, увидеть мир и, что греха таить, получить совсем небольшие по сегодняшним меркам деньги в валюте и купить на них за границей что-то для себя и для семьи.

К.В. Беклемишев не был членом КПСС, а в МГУ (учреждении, связанном с воспитанием молодежи и, следовательно, идеологизированном) это было серьезным препятствием для того, чтобы официально быть начальником заграничного рейса. Пройдя через множество инстанций, преодолев множество бюрократических препятствий, К.В. Беклемишев и его коллеги организовали первый за несколько десятилетий кафедральный рейс на научно-исследовательском судне «Московский университет-2». Начальником стал молодой научный сотрудник кафедры — Н.Н. Марфенин, а К.В. Беклемишев был научным руководителем экспедиции. Научные цели экспедиции состояли в изучении распределения и динамики зоопланктона Северной Атлантики. В экспедиции приняли участие другие ученики К.В. Беклемишева — В.И. Васильев, Р.Я. Маргулис, Н.М. Перцова, а также сотрудники других факультетов МГУ. Судно вышло из Севастополя, прошло через Средиземное море, вышло в Северную Атлантику, работало вблизи Гренландии, Ньюфаундленда, в других районах Атлантики. Своими глазами сотрудники кафедры впервые увидели замки Эдинбурга, гейзеры Исландии, улочки Неаполя и развалины Помпеи.

Профессор
К.В. Беклемишев (слева) и
младший научный
сотрудник Н.Н. Марфенин
(справа) за починкой
планктонной сети на борту
судна «Московский
университет» в 1974 г.

Первый успех окрыляет. Н.Н. Марфенин начал работать над планированием нового рейса. На этот раз было запланировано изучение беспозвоночных коралловых сообществ. Рейс состоялся в 1980 г. на судне Московского университета «Академик Петровский». Как это часто бывает, инициатор рейса — Н.Н. Марфенин — не смог принять в нем участие (к моменту начала рейса он был в научной командировке в Австралии). Начальником рейса стал другой молодой сотрудник кафедры А.В. Смуров, в нем участвовали В.Н. Горячев, Г.Б. Зевина, О.И. Малютин, Г.П. Салькова, А.В. Чесунов, С.В. Галкин (тогда еще студент) и сотрудники других кафедр факультета — В.В. Бураков, В.Н. Кашо и легендарный «Кол Иванов» (под этим именем всей стране был известен опытейший водолаз — научный сотрудник Института биологии моря Дальневосточного научного центра Н.А. Иванов). Работы проводились на рифах Красного моря и в Индийском океане на Мальдивских островах. В этом рейсе был собран большой научный и учебный материал, пополнивший коллекцию учебного музея кафедры. С кораллового рейса 1980 г. на кафедре начались планомерные исследования с применением водолазной техники. Конечно, на кафедре с морской проблематикой, акваланг стал необходимой техникой много раньше, но все же энтузиастов водолазного дела было немного (таким энтузиастом была, например, Г.П. Салькова). После 1980 гг. исследования с применением водолазной техники вошли в повседневную жизнь кафедры, причем не только на теплых морях, но и на Белом море. Это необычайно расширило как научные, так и учебные возможности кафедры. В 1980-е годы состоялось еще два кафедральных рейса под руководством другого ученика профессора К.В. Беклемишева — научного сотрудника О.И. Малютина.

Сотрудники кафедры В.И. Васильев (слева) и Р.Я. Маргулис на борту судна «Московский университет» у берегов Гренландии в 1974 г.

В 1960–1980-е гг. для кафедры много значил профессор Владимир Александрович Свешников. В.А. Свешников занимался личиночным развитием и систематикой полихет, экологией морских беспозвоночных. На кафедре он вел раздел Большого практикума «Черви», обучал студентов микротехнике и основам биологического рисунка. В.А. Свешников был сыном художника, и сам прекрасно рисовал. Его уроки биологического рисунка научили несколько поколений выпускников кафедры делать профессиональные иллюстрации к научным работам. Значение этих уроков трудно переоценить, ведь в зоологических работах точные и ясные изображения животных играют и будут играть первостепенную роль. В.А. Свешников читал на кафедре курсы эмбриологии беспозвоночных, а в отдельные годы — и общий курс зоологии беспозвоночных для студентов-первокурсников.

В.А. Свешников был очень красивым человеком. Он обладал изысканными манерами, держался с большим достоинством, имел импозантную, если можно так выразиться, «оперную» внешность. Казалось, вот сейчас он откроет рот и польется какая-нибудь оперная ария. В.А. Свешников красиво говорил, обладал изящным почерком, был утонченным знатоком искусства. Он был любимцем студентов (а уж тем более, студенток).

Лаборант А.Б. Цетлин собирает материал во время рейса на судне «Академик Петровский» в Красном море в 1980 г.

В.А. Свешников прошел войну, видел кровь и смерть, гибель близких друзей, сам был тяжело ранен. Несмотря на это, он остался человеком тонкой и ранимой души. Он не переносил хамства, склок и интриг. Как квалифицированный зоолог, прекрасный лектор, к тому же фронтовик и член КПСС, В.А. Свешников мог быть претендентом на заведование кафедрой и, несомненно, был бы хорошим заведующим. Увы, обстановка на кафедре (а Т.И. Попова вовсе не спешила расстаться с постом «исполняющей обязанности», и руководство факультета ее в этом поддерживало) заставила В.А. Свешникова принять предложение его друга, академика В.Е. Соколова и перейти на работу в Институт эволюционной морфологии и экологии животных имени А.Н. Северцова. Там В.А. Свешников возглавил лабораторию, которой до него заведовал выдающийся зоолог Д.М. Федотов. Несмотря на то, что последние годы работы В.А. Свешникова на кафедре отнюдь не были для него безоблачными, он до конца жизни относился к кафедре как к *alma mater*, и не

Профессор
Владимир Александрович Свешников
(1925–1999)

порывал с ней научных и педагогических связей. Многие выпускники кафедры стали сотрудниками лаборатории В.А. Свешникова, да и по сей день почти весь штат этой лаборатории (ныне ей руководит выпускник кафедры Т.А. Бритаев) состоит из выпускников кафедры.

Жизнь кафедры 1970–1980-х годов невозможно представить без двух замечательных женщин — Г.Б. Зевиной и Р.К. Пастернак. Обе они были ученицами Л.А. Зенкевича, работали вместе с ним долгие годы. Доктор биологических наук, старший научный сотрудник Галина Бенциановна Зевина была мировым авторитетом в области систематики усоногих ракообразных, ведущим специалистом в области экологии морских обрастаний, выдающимся знатоком морской фауны. Особенно велика роль Г.Б. Зевиной в работе со студентами. Г.Б. Зевина много ездила в экспедиции на Дальний Восток, Черное и Каспийское моря, и всегда ее сопровождали студенты. Она начинала работать со студентами с 1-го курса, и многие из тех, кто на младших курсах работал с Г.Б. Зевиной, стали известными зоологами. Среди нынешних профессоров кафедры учеником Г.Б. Зевиной является проф. А.В. Чесунов, множество ее учеников — кандидатов и докторов наук — работают в институтах Академии наук.

Доцент Розалия Константиновна Пастернак защитила диссертацию по биологии двустворчатого моллюска-древоточца *Teredo*, занималась систематикой морских ракообразных Tanaidacea. Много лет она вела морскую практику для студентов кафедры на Беломорской биостанции. Под ее руководством студенты изучали основы морской зоологии, учились тралить, разбирать пробы, осваивали систематику морских беспозвоночных. Р.К. Пастернак читала лекции по морской фауне. Много лет Р.К. Пастернак была секретарем кафедры по учебным вопросам и, по существу, — главным организатором учебного процесса. Для студентов не было лучшего защитника их интересов, чем Р.К. Пастернак. Она была

Г.Б. Зевина отбирает пробы с пластин с обрастаниями на Японском море (1960-е годы)

очень демократична, прекрасно разбиралась в психологии молодежи, наконец, просто была очень доброй женщиной. Она любила студентов, как своих детей, и студенты платили ей такой же искренней любовью. За годы учебы студенты сталкиваются с несколькими десятками преподавателей по различным дисциплинам, но, будем откровенны, хорошая память сохраняется далеко не обо всех. О Р.К. Пастернак все говорят с любовью и благодарностью.

Морские беспозвоночные, а особенно, головоногие моллюски — осьминоги, кальмары и каракатицы — были объектом восторженной и горячей любви сотрудницы кафедры Галины Павловны Сальковой. Эта веселая, обаятельная и энергичная женщина, тем не менее, обладала мистическим «даром» привлекать к себе разнообразные несчастья. Причем

Доктор биологических наук Галина Бенциановна Зевина (1926–2002)

Г.П. Салькова (слева) и Р.К. Пастернак во время учебного траления на Белом море в 1978 г. За спиной Р.К. Пастернак стоит студент Ю.И. Кантор (ныне доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции)

таинственные неудачи преследовал не только сама Г.П. Салькову, но и тех, кто оказывался рядом с этой «роковой женщиной». Невозможно рассказать обо всех проявлениях этого странного дара. Как-то, в конце 1960-х годов, аспирантка Г.П. Салькова была на Дальнем Востоке, где изучала головоногих моллюсков. Чтобы собрать материал, необходимо было провести траление на глубине около 200 м, а для этого требовалось хорошо оборудованное рыболовное судно. В те годы любой выход в море требовал разрешения руководства рыболовецкого хозяйства и, главное, — пограничных властей. Получить такое разрешение было непросто, и, кроме того, все эти согласования требовали времени. Г.П. Салькова обратилась к капитану одного из рыболовецких судов Южного Приморья с просьбой выйти в море и провести для нее «всего одно траление», не ставя никого в известность. Разумеется, это было грубым нарушением существовавших правил, которое грозило суровым наказанием, но разве мог старый «морской волк» (а капитану оставалось всего полгода до пенсии) устоять перед обаятельной голубоглазой блондинкой. Судно вышло в море, началось траление, но когда трал вышел из воды и повис на стреле, все с ужасом увидели, что он наполнен множеством осьминогов, облепивших со всех сторон огромную рогатую морскую мину, лежавшую на дне со времен второй мировой войны. Что было делать? Пришлось раскрыть инкогнито, выйти в эфир, вызвать саперов и пограничников. Ревя сиренами, судно с болтающимся на стреле страшным грузом подошло к берегу. Команда бросилась врассыпную, опустел порт и прибрежный поселок, и только маленькая женская фигурка с двумя ведрами, полными осьминогов и каракатиц (Г.П. Салькова не оставила бы их в трале даже если бы там был десяток рогатых мин), медленно двигалась по обезлюдевшей улице. Многие экспонаты Большого практикума (осьминоги и каракатицы, опасные медузы-крестовики, жгучие гидрокораллы-милле-

А.А. Львова
(впоследствии
доцент кафедры) на
Учинском
водохранилище.
1950-е годы

порицы, ядовитая морская звезда-акантастер и др.) попали в коллекцию кафедры в результате непредсказуемых эскапад Г.П. Сальковой. Прошли годы, но и сейчас, когда пишутся эти строки, руководитель Большого практикума кафедры старший преподаватель Г.П. Салькова заражает студентов своей восторженной любовью к кораллам, моллюскам, червям и другим обитателям моря.

Доцент Нелли Михайловна Шаласева

В 1970-е годы большой любовью студентов пользовалась старший преподаватель Ольга Ильинична Чибисова. Она читала на кафедре курс протозоологии и вела раздел большого практикума по простейшим. Это был необыкновенно эрудированный преподаватель, студенты на ее лекциях постоянно чувствовали себя на переднем крае науки. О.И. Чибисова руководила школьным зоологическим кружком на кафедре. Многие будущие зоологи впервые появились на кафедре в 11–12-летнем возрасте как члены школьного кружка.

Доцент Александра Александровна Львова проводила на кафедре занятия по фауне пресных вод и летнюю практику по пресноводным беспозвоночным. На летней практике А.А. Львова применяла своеобразный педагогический прием. Студенческая группа под ее руководством занималась исследованием ранее неизвестной фауны озер в окрестностях Беломорской биостанции МГУ и на время практики превращалась в лабораторию, в которой один становился специалистом по коловраткам, другой по ветвистоусым рачкам, третий специализировался на изучении фауны личинок поденок и т.д. Работа такой временной студенческой лаборатории была весьма эффективной, и фауна озер оказалась изучена с такой полнотой, которая редко достигается даже в работах искушенных профессионалов. Еще важнее было то, что некоторые студенты так увлеклись своей временной специализацией, что на всю жизнь связали судьбу с изучением фауны и экологии пресных вод.

Доцент Нелли Михайловна Шалаева была пионером паразитологических исследований и преподавания гельминтологии на кафедре в послевоенные годы. Сразу же по окончании кафедры в 1953 г. она начала работать над созданием практикума по паразитологии. Многие годы Н.М. Шалаева выезжала в гельминтологические экспедиции в различные уголки страны. Большая коллекция препаратов, собранная в этих экспедициях, стала основой для курса гельминтологии, который Н.М. Шалаева (наряду со многими другими лекционными и практическими курсами) многие десятилетия читает на кафедре. Н.М. Шалаева — большой патриот кафедры и биологического факультета МГУ. Энергия, страсть и стальная воля этой маленькой женщины, ее умение убеждать не один раз сыграли решающую роль в тех сложных ситуациях, в которых кафедра оказывалась на протяжении своей истории во второй половине XX века.

Одна из таких непростых ситуаций сложилась и в конце 1970-х годов. Несмотря на то, что кафедра вела активную научную и педагогическую деятельность, длительное отсутствие авторитетного руководителя сильно ослабило ее позиции на факультете. У кафедры стали отбирать помещения, ставки, а в кулуарах факультета все более настойчиво стал обсуждаться вопрос о присоединении кафедры зоологии беспозвоночных к какой-нибудь другой кафедре. В такой ситуации спасти кафедру мог только приход на пост заведующего авторитетного ученого, име-

М.С. Гиляров произносит речь по случаю награждения его Золотой медалью Итальянского энтимологического общества (Неаполь, 1963 г.)

ющего вес и в научных, и в административных кругах. Сотрудники кафедры обратились к известному зоологу академику М.С. Гилярову с просьбой возглавить кафедру. Это был выдающийся советский ученый, занимавший к тому времени высокий пост академика-секретаря Отделения общей биологии Академии наук СССР. В то же время М.С. Гиляров был одним из наиболее авторитетных отечественных биологов, известный во всем мире как основатель нового направления биологической науки — почвенной зоологии. М.С. Гилярову хватало постов и нагрузок и в Академии наук, и в других учебных и научных заведениях. Убедить его взять на себя еще одну нагрузку — заведование кафедрой в Московском университете — было не так легко, тем более, что и общая обстановка на биологическом факультете МГУ в тот период была очень непростой. Н.М. Шалаева добилась приема у ректора МГУ академика Р.В. Хохлова (к сожалению, он вскоре трагически погиб в горах Памира) и со свойственной ей страстностью убедила его лично обратиться к М.С. Гилярову с просьбой возглавить кафедру. Просьба ректора подей-

ствовала, М.С. Гиляров дал свое согласие и в 1978 г. был назначен на пост заведующего кафедрой зоологии беспозвоночных.

Академик Меркурий Сергеевич Гиляров происходил из семьи потомственных киевских интеллигентов и был человеком исключительной, если можно так выразиться, «старорежимной» порядочности. Эта порядочность — генетическая черта российских интеллигентов, которая часто приводила их в застенки и при царе, и при большевиках. Не избежали этой участи и члены известной в Киеве семьи Гиляровых. Дед М.С. Гилярова — профессор А.Н. Гиляров читал лекции по философии в Киевском университете. Ему посвящена глава «Здесь живет никто» в автобиографической повести К.Г. Паустовского «Беспокойная юность». Отец М.С. Гилярова — известный искусствовед С.А. Гиляров, хранитель Музея западного и восточного искусства в Киеве — совершил выдающееся искусствоведческое открытие. Он обнаружил в Киеве произведение знаменитого художника эпохи Возрождения Лукаса Кранаха — диптих «Адам и Ева». Огромная доска (высотой в человеческий рост) была найдена под лестницей Троицкой церкви и вместе с другими иконами перевезена в Киевско-Печерскую лавру. С.А. Гилярова пригласили посмотреть, нет ли среди этих икон чего-либо стоящего. С.А. Гиляров не мог поверить своим глазам: по всем признакам перед ним была никому ранее не известная работа гениального мастера! Это была сенсация! Об этом замечательном открытии в 1929 г. была даже написана небольшая книга. Увы, Советское правительство посчитало возможным продать этот образец «буржуазного искусства» за рубеж (так собирались средства на сталинскую индустриализацию). Протесты, телеграммы в инстанции, — ничто не помогло, диптих (а это — монументальная картина высотой в человеческий рост) был продан за границу (сейчас он хранится в одном из музеев Калифорнии), а сам С.А. Гиляров оказался в тюрьме. После войны отец М.С. Гилярова снова был арестован, и чтобы не испортить жизнь сыну, принял мученическую смерть — он сознательно уморил себя голодом в тюрьме еще до суда (в этом случае, сын мог указывать в анкетах, что отец просто умер).

Можно только удивляться, как с такой наследственностью М.С. Гиляров сумел сделать блестящую карьеру в советской науке. Очевидно, сказались и большой талант, гигантское трудолюбие, и в то же время дипломатичность, уважительное отношение к людям, удачно сложившиеся обстоятельства. Однако жизнь самого М.С. Гилярова, конечно, тоже не была безоблачной. К моменту прихода на кафедру М.С. Гиляров занимал высокий пост академика-секретаря Отделения общей биологии Академии наук СССР. По-существу, он был руководителем обширного сектора советской науки, включавшего около двух десятков институтов и других научных организаций. Казалось бы, его положение как признанного классика науки, одновременно занимавшего высокий административный пост,

Академик-секретарь Отделения
общей биологии АН СССР Меркурий
Сергеевич Гиляров (1912–1985)

гарантировало его от преследований и нападков. Но как раз к 1978 г. относится странная история, которую досужие острословы называли «мамаево побоище».

У крупного ученого, как правило, бывает много учеников. Не все из них сами становятся большими учеными, но подавляющее большинство на всю жизнь сохраняют благодарное отношение к учителю. Однако в большой семье не бывает без уroda. Иногда среди учеников выдающегося ученого и большого человека попадаютс я иудушки, мелкие душонки, готовые украсть идеи и результаты своего учителя и выдать их за свои, предать его в погоне за престижем, властью, высокими административными постами. М.С. Гиляров возглавлял лабораторию почвенной зоологии в Институте эволюционной экологии и морфологии животных им. А.Н. Северцова. Один из учеников М.С. Гилярова, работавший в этом институте, ставший к тому времени доктором наук и проявлявший попытки делать административную карьеру, вдруг написал на своего учителя письмо-донос, ни много, ни мало, как прямо в ЦК КПСС. В письме он обвинил академика-секретаря АН СССР (а назначение на этот пост обязательно проходило через ЦК КПСС, хотя М.С. Гиляров и был беспартийным) в плагиате. В этом письме говорилось, что в опубликованном под редакцией М.С. Гилярова фундаментальном «Определителе обитающих в почве личинок насекомых», который вышел из печати в 1964 г. (т.е. за 14 лет до описываемых событий!), есть заимствования. Речь шла о том, что для определения некоторых групп насекомых взяты за основу ключи, опубликованные в трудах иностранных коллег. Ключи эти были переработаны и дополнены применительно к новым находкам, все соот-

ветствующие ссылки сделаны, и вообще, это абсолютно нормальная практика (а иначе, — зачем же пишутся научные труды, если их никто не будет использовать). Специалистам было очевидно, что аргументы этого письма были совершенно необоснованными и попросту смехотворными, но письмо и не предназначалось для специалистов. В отделе науки ЦК КПСС делу был дан ход, оно абсолютно серьезно обсуждалось в Институте эволюционной морфологии и экологии животных и в президиуме Академии наук. Внимательно следили за перипетиями этой истории и на биологическом факультете МГУ.

Для людей, не знакомых с тем, как тогда решались вопросы в административно-партийном аппарате, все это выглядело абсолютно непонятным и бесцельным. Но цель, скорее всего, была. Нетрудно догадаться, что пост академика-секретаря Отделения общей биологии АН СССР, который занимал М.С. Гиляров, понадобился для какого-то важного лица, и таким образом М.С. Гилярову намекнули, что пора этот пост освободить. Насколько же чиста была репутация М.С. Гилярова, если для атаки на него не смогли найти ничего более существенного! Если бы М.С. Гиляров «добровольно» написал заявление с просьбой освободить его от поста академика-секретаря («по состоянию здоровья» или по другой благовидной причине), все дело было бы моментально закрыто. В то время так обычно и делали все, попадавшие в похожие ситуации. Но М.С. Гиляров не захотел понимать таких намеков и осмелился начать борьбу за свое доброе имя. Борьба эта отняла много сил и здоровья и у самого М.С. Гилярова, и у его сотрудников и учеников (за исключением автора клеветнического письма все они искренне поддерживали М.С. Гилярова). В поддержку М.С. Гилярова активно выступил ректор Московского университета академик А.А. Логунов. В итоге письмо было признано не соответствующим действительности, его автор (который, вероятно, рассчитывал, что в случае удачи всей этой грязной интриги, власть имущие отблагодарят его каким-нибудь повышением по службе) был вынужден уйти из института, и доброе имя М.С. Гилярова восстановлено. Можно только догадываться, сколько подобных испытаний пришлось перенести М.С. Гилярову на его жизненном пути.

На университетской кафедре, среди молодежи огромную роль играют не только научные заслуги, но и общая культура и нравственный облик ученого. М.С. Гиляров свободно говорил на нескольких европейских языках, блестяще знал историю и литературу, был тонким ценителем живописи. М.С. Гиляров читал лекции, да и просто разговаривал на прекрасном русском языке. Лекции он обычно читал негромко, как бы для себя, но тот, кто давал себе труд вслушаться в его речь, вдруг открывал неведомые богатства образного и живого русского языка. На лекциях М.С. Гилярова многие молодые люди впервые для себя слышали стихи полузапретных или полузабытых поэтов начала 20-го века З. Гиппиус,

М. Волошина, К. Бальмонта и др. Поразительно, но точно также, — негромко и с цитированием малоизвестных поэтов, — судя по воспоминаниям К.Г. Паустовского, читал лекции дед М.С. Гилярова — киевский философ А.Н. Гиляров. Студентам иногда казалось, что на кафедре каким-то чудом оказался российский профессор из серебряного века русской культуры, и было странно, что он пишет на доске, не употребляя «и» и твердый знак.

Занимая ряд высоких постов, М.С. Гиляров формально принадлежал к «номенклатуре» — руководящему слою советского общества, многие представители которого беззастенчиво использовали свое служебное положение для извлечения личных выгод для себя и своих семей. М.С. Гиляров был абсолютно чужд всего этого. Ни он сам, ни члены его семьи никогда не пользовались никакими привилегиями. В условиях очевидного морального разложения советского общества в начале 1980-х годов М.С. Гиляров был редким примером того, что можно многого добиться и в то же время остаться честным и порядочным человеком. Особенно важно это было видеть и знать молодым людям, которые в то время на каждом шагу сталкивались с проявлениями двойной морали, с тем, что все делается, благодаря связям, звонкам, женитьбе на дочках и племянницах высокопоставленных партийных бонз, «по знакомству», по принципу «ты мне — я тебе». Быть может, этот моральный урок М.С. Гилярова, был для молодежи не менее важен, чем его лекции и научные труды.

К началу 1980-х годов советское общество находилось в состоянии глубокого экономического, социального и политического кризиса. Экономика страны развивалась исключительно экстенсивным путем. Усиливалось технологическое отставание СССР от передовых стран. В результате этого снижалась производительность труда, и практически прекратился реальный рост экономики. Партийные органы требовали высоких показателей, а их не было. Страну захлестнул вал приписок, а статистические данные не отражали реального положения дел в экономике.

Советский Союз наращивал военные расходы, которые поглощали все большую и большую долю бюджета. Помимо прямых расходов на вооружение и содержание армии, огромные деньги выделялись на якобы мирные проекты, которые в действительности имели под собой далеко идущие милитаристские цели. Так, например, во второй половине 1970-х годов было затеяно колоссальное по затратам строительство Байкало-амурской железной дороги в районах восточной Сибири. Несмотря на казалось бы мирное назначение этой стройки, реальная цель этого проекта состояла в создании рокадной дороги для войны с гигантским Китаем, к которой готовилось потерявшее чувство реальности брежневское руководство, находившееся в состоянии острой политической конфронтации с бывшим союзником по социалистическому лагерю.

Вся экономическая жизнь страны планировалась сверху, и для решения самых простых вопросов (которые в нормальной экономике регулировались рыночными механизмами) требовались специальные постановления пленумов ЦК КПСС. Даже для того, чтобы улучшить качество и ассортимент чая, требовалось решение пленума Центрального комитета КПСС. И таких решений были сотни, они публиковались на первых страницах газет, но реальный эффект от таких решений был очень низким.

Почти по всей стране ощущался острый дефицит продуктов питания и предметов потребления. Исчезали из продажи то стиральные порошки, то зубная паста, то туалетная бумага, люди гонялись за спекулянтами в попытке купить приличную (т.е. импортную) одежду и обувь (поскольку качество советских товаров было недопустимо низким), в большинстве мест исчезли из свободной продажи мясо, масло, молоко и другие обычные продукты питания. В попытке обеспечить сносный уровень жизни хотя бы в столице страны «развитого социализма», советское руководство свозило продукты питания и промышленные товары в Москву. Но что было делать жителям других городов? Лишенные самого необходимого (а к началу 1980-х годов во многих регионах страны, по существу, действовала карточная система), они ехали в Москву, чтобы купить продовольствие и промышленные изделия, которых не было в других городах. В 1980-х годах это явление приняло повальный характер. «Колбасные» электрички, заполненные счастливцами с огромными сумками, набитыми продуктами питания, пахнущие мясом поезда дальнего следования, арендованные заводами и фабриками автобусы с трудящимися, приехавшими якобы на экскурсию, но проводившими время не в Третьяковской галерее, а в очередях в гастрономах и универсамах, — все это помнят москвичи, помнят и жители Курска, Ярославля, Саратова, да и сибиряки и дальневосточники. Москвичи проклинали несчастных приезжих, создававших очереди в магазинах, а жители периферии гигантской страны ненавидели «заевшихся» москвичей-колбасников. Как давно это было, и все же, — как недавно!

Вопреки краеугольной для коммунистического учения идеологии равенства в обществе нарастало социальное расслоение. Работники партийного и государственного аппарата (так называемая «номенклатура») пользовались многочисленными привилегиями. Правда, большинство «привилегий», которыми награждало советское государство своих особенно верных слуг, показалось бы нам сейчас смешными. В самом деле, ну что имел работник райкома партии или министерства по сравнению с рабочим или преподавателем? Продуктовые заказы с копченой колбасой — этим символом стола номенклатурного работника, совсем скромные по современным понятиям санатории и дома отдыха, лучшие, чем у других, но отнюдь не роскошные квартиры в многоэтажных домах и т.п. Что бы сказали об этих смешных подачках «новые русские», кото-

рые тратят на заграничные виллы и замки, роскошные яхты и самолеты, собственные футбольные команды и т.п. миллиарды долларов, поражая своей неслыханной расточительностью весь мир?

Особое раздражение у людей вызывали бесконечные потоки лжи, заполнявшей все средства информации. Невозможно было не видеть той громадной разницы, которая существовала между тем, о чем вещала партийная пропагандистская машина, и реальной жизнью. Советские газеты, радио и телевидение постоянно твердили об успехах в коммунистическом строительстве, росте уровня жизни советских людей, социалистическом соревновании и прочем, чего в реальной жизни не было, а своими глазами люди видели разваливающееся сельское хозяйство, нарастающий дефицит продуктов питания и промышленных товаров, повальное пьянство, прогулы и воровство на социалистическом производстве. Можно сказать, что к началу 1980-х годов в Советском Союзе диссидентами были все, только одни (таких было подавляющее большинство) были таковыми на кухне в своей квартире, а другие (отдельные героические личности) — открыто высказывали свою позицию и подвергались преследованиям. Официальной коммунистической пропаганде не верил никто. Не верило ей население, для которого она предназначалось. Не верили в нее и сами руководители партии, которые озвучивали эту пропаганду с высоких трибун. Не верили и откровенно смеялись над ней и высоколобые и циничные референты (в последующем они, в основном, и стали идеологами горбачевской перестройки), которые сочиняли эту пропаганду по заданию своих высокопоставленных партийных боссов. И уж, конечно, не верили в нее хорошо осведомленные о реальном состоянии дел в стране сотрудники КГБ, которые преследовали и сажали в лагеря тех, кто осмеливался открыто протестовать против этой пропаганды. Впавший на исходе 1970-х годов в старческий маразм генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев стал объектом насмешек и героем потешных анекдотов, которые ходили по всей стране. Неприятие официальной коммунистической идеологии практически всем населением страны и стало одной из главных причин той быстроты, с которой покатило к своему концу «первое в мире социалистическое государство», едва только М.С. Горбачев провозгласил свой курс на «демократизацию и гласность» в середине 1980-х годов. Вот почему среди тех обломков, на которые с треском развалилась советская империя в 1991 г., можно найти весь спектр государственных устройств — от феодальных деспотий Средней Азии до откровенно националистических республик Прибалтики (в которых всем напоказ проходят парады бывших ээсовцев), — нет среди них только стран, сохранивших верность ортодоксальной коммунистической идеологии.

«Теперь все можно рассказать...»*

М.С. Гиляров ушел из жизни в марте 1985 г. Интересно, что под появившимся в газете «Правда» коротким некрологом стояла, среди прочих, и подпись М.С. Горбачева, который через несколько дней (после смерти К.У. Черненко) был избран на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Формально, именно с этого момента (точнее с последовавшего вскоре пленума ЦК КПСС) началась так называемая «перестройка», завершившаяся крушением Советского Союза, последней великой империи XX века.

Начало перестройки совпало с трудным и очень конфликтным периодом в жизни кафедры, связанным с выбором нового заведующего. Пост заведующего кафедрой в Московском университете рассматривался в советские времена как относительно престижное место, поэтому нередко за него разыгрывалась нешуточная борьба, хотя протекала она, как правило, «под ковром». Когда в Московском университете освобождалась вакансия профессора или заведующего кафедрой, начинался длительный процесс переговоров, (нередко — скрытой борьбы и сложных интриг), который завершался формальным объявлением конкурса на замещение вакантной должности (с публикацией объявления в газете, — все «честь по чести»!). Но объявлялся конкурс только тогда, когда все уже было решено, т.е. тогда, когда партком и администрация выбрали и «согласовали» подходящего человека. Таким образом, практически всегда на конкурс подавалось единственное заявление заранее «согласованного» кандидата, а все избирательные процедуры были только декоративной формальностью.

Как известно, в годы брежневского «застоя» одним из главных принципов при занятии должностей были не деловые качества людей и их компетенция, а связи, знакомства, телефонные звонки могущественных людей. Подобные явления широко распространены в человеческом обществе, их примеры можно найти во всех странах и во все времена. Вероятно, они в той или иной степени будут существовать до тех пор, пока существуют люди. Однако чем шире распространены подобные явления в конкретном обществе, тем меньше у него шансов для динамичного прогрессивного развития. Инерция застойных лет в механизме подбора кадров действовала и в первые годы горбачевской перестройки.

* В заголовке использовано название, под которым издательство «Мировые классики» в Лос-Анжелесе выпустило один из романов Килгора Траута. Непризнанный гений Килгор Траут сочинял фантастические романы о звездах, галактиках и космических пришельцах. Для того чтобы романы лучше продавались, издательство, не ставя в известность автора, меняло их названия и иллюстрировало текст непристойными фотографиями. И роман, и издательство, и сам Килгор Траут не существовали в реальности, а в свою очередь, были только персонажами фантастического произведения американского писателя Курта Воннегута «Завтрак для чемпионов».

Неожиданно для многих одним из наиболее вероятных кандидатов на пост заведующего кафедрой зоологии беспозвоночных Московского университета оказался Ю.А. Захваткин, профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии (ТСХА). Ю.А. Захваткин был сыном известного зоолога и эмбриолога А.А. Захваткина, который в свое время (в тридцатые-сороковые годы прошлого столетия) прославился превосходными исследованиями по морфологии и биологии клещей, а также блестящей книгой «Сравнительная эмбриология низших многоклеточных», в которой он разработал в высшей степени оригинальную теорию происхождения онтогенеза многоклеточных животных. К сожалению, период расцвета научного и педагогического таланта А.А. Захваткина пришёлся на самое мрачное время отечественной биологии. Он рано (в возрасте 35 лет) стал профессором, лауреатом Сталинской премии, в 1950 г. был назначен директором научно-исследовательского биолого-почвенного института при МГУ. Этого талантливого человека ждала большая научная и административная карьера, но сердце молодого администратора не выдержало: был разгар «охоты на ведьм», надо было изгонять истинных ученых и принимать на работу проходимцев, — легко ли было это перенести человеку, знающему толк в истинной науке! А.А. Захваткин скоропостижно скончался в расцвете лет — ему было всего 44 года. Его сын — Ю.А. Захваткин — закончил кафедру энтомологии МГУ, в молодом возрасте защитил докторскую диссертацию по эмбриологии насекомых. Это был, несомненно, талантливый ученый, но его карьера на кафедре энтомологии МГУ не сложилась. Вскоре после защиты докторской диссертации он перешел на работу в ТСХА, где возглавил кафедру сельскохозяйственной энтомологии.

Работа в ТСХА не устраивала Ю.А. Захваткина, он искал способа вернуться в более престижный Московский университет. Родная для него кафедра энтомологии в МГУ была занята, а кафедра зоологии беспозвоночных на тот момент оказалась свободной. Ю.А. Захваткин, видимо, был вынужден действовать в соответствии с принятыми в то время негласными правилами, т. е. искать связи и знакомства. В ТСХА на кафедре у него работал молодой человек (кстати, очень хороший специалист по нематодам растений), оказавшийся родственником весьма влиятельного лица — управляющего делами Центрального комитета КПСС Н.Е. Кручины. В руках управляющего делами ЦК КПСС находились квартиры, дачи, санатории и больницы для руководителей партии (а также — финансовые ресурсы КПСС, в том числе, — и на зарубежных счетах). Н.Е. Кручина намекнул двум членам Центрального комитета КПСС — академику Ю.А. Овчинникову, бывшему в то время вице-президентом Академии наук СССР, и академику А.А. Логунову, бывшему в то время ректором МГУ, о кандидатуре Ю.А. Захваткина (разумеется, никто из них лично не знал Ю.А. Захваткина, и уж конечно, их вовсе не интересовала судьба кафедр

ры зоологии беспозвоночных). Автор этих строк случайно оказался свидетелем состоявшейся в парткоме биологического факультета беседы академика Ю.А. Овчинникова (красивого, подтянутого, уверенного в себе) с секретарем парткома К.С. Бурдиным, в которой, среди прочего, была упомянута проблема с кафедрой зоологии беспозвоночных. «Ну, я же назвал Вам кандидата, не помню его фамилию, кажется что-то на букву З», — сказал Ю.А. Овчинников.

О таких людях, как Н.Е. Кручина, в те годы нельзя было даже подумать без верноподданнической дрожи в коленях. Ясно, что и для руководства факультета, и для многих сотрудников кафедры Ю.А. Захваткин стал лучшим из всех возможных кандидатов. И, тем не менее, не все на факультете и на кафедре были готовы взять под козырек. Развернулась нешуточная борьба, в которой досталось и правым и виноватым. Дело затягивалось (а между тем, и. о. зав. кафедрой снова оказалась Т.И. Попова), полетели коллективные, личные, подписанные и анонимные письма во все инстанции. Борьба раскалывала и изматывала коллектив кафедры.

Партком и деканат биологического факультета нашли выход в кандидатуре профессора П.В. Матекина, который был назначен заведующим кафедрой в 1986 г. (а в 1987 г. на безальтернативной основе проведен конкурс). Можно предположить, что на кандидатуру П.В. Матекина легко согласились, в том числе, и потому, что он рассматривался как временная фигура. Согласно формальным правилам, действующим в отечественных вузах, заведующий кафедрой должен вновь избираться на свою должность каждые 5 лет. В 1987 г. П.В. Матекину исполнилось 70 лет, и многие простодушно полагали, что через 5 лет (в 75-летнем возрасте) он уже не сможет избираться на пост заведующего, а за это время найдутся более подходящие кандидаты. Но, как известно, ничто не бывает таким постоянным, как временное, и П.В. Матекин заведовал кафедрой до 2000 г.

А что же другие участники этих событий, изложенных, быть может, с излишней подробностью? История с несостоявшимся заведыванием кафедрой в МГУ отразилась на здоровье Ю.А. Захваткина, он тяжело заболел, но, к счастью, сумел оправиться и продолжал работу в ТСХА. Через два года от неизлечимой болезни скончался всеильный вице-президент АН СССР Ю.А. Овчинников. В 1991 г. А.А. Логунов лишился поста ректора МГУ. Самая страшная участь ожидала Н.Е. Кручину. В августе 1991 г. после провала путча ГКЧП он покончил с собой, выпрыгнув из окна и оставив записку странного содержания («Передайте советскому народу, что я не преступник, я просто трус...»). В истории с его гибелью много неясного. Говорят, что вместе с ним исчезли номера счетов, на которых хранилось «золото партии». Скорее всего, такие разговоры были выгодны тем, кто знал номера этих счетов и использовал партийные деньги для закладки основ своего благосостояния в капита-

листической России, — ведь после гибели Н.Е. Кручины можно было сказать, что все тайны ушли вместе с ним. Как бы то ни было, это — уже совсем другая история...

Петр Владимирович Матекин родился в 1917 г., жил на Арбате, мальчишкой пел в церковном хоре в удивительно красивом храме Николая Чудотворца в Хамовниках. В молодости, пришедшейся на 1930-е годы, П.В. Матекин пережил страхи и томительные ночные ожидания ареста близких (его отец был известным в Москве врачом). Будучи уже пожилым человеком, П.В. Матекин вспоминал, как боялись тогда обыкновенных московских дворничих. Они жили со своими мужьями-милиционерами в подвалах и о них рассказывали страшные истории: как дворничиха с мужем облюбовала квартиру, написала на хозяев донос, их арестовали, а дворничиха с мужем-милиционером заселилась в квартиру арестованных. Все эти страхи глубоко сидели в памяти того поколения, к которому принадлежит П.В. Матекин.

В студенческие годы П.В. Матекин близко общался с выдающимися учеными Московского университета — зоологами В.В. Алпатовым, Г.Ф. Гаузе, генетиком и эволюционистом А.С. Серебровским. Кстати, именно А.С. Серебровский, будучи депутатом Моссовета, в 1938 г. настоял на том, чтобы местом предполагаемого строительства нового комплекса зданий Московского университета стали Ленинские горы (многие профессора тогда ратовали за расширение территории МГУ просто за счет присоединения к университету соседних кварталов в районе Моховой — проспекта Маркса). Из-за войны строительство новых зданий университета началось только в 1948 г. Величественный архитектурный ансамбль, ставший украшением Москвы и своего рода эмблемой российской науки и образования, был возведен на том самом месте, которое предложил А.С. Серебровский, однако сам он этого не увидел (жизнь А.С. Серебровского оборвалась в 1948 г.).

В конце 1930-х годов студенты Московского университета еще изучали законы Менделя и хромосомную теорию наследственности, правда, именно в это время набирал силу молодой Т.Д. Лысенко. Попытки А.С. Серебровского отстаивать научную генетику встречали резкую критику со стороны партийной организации, а также «материалистически» настроенных коллег. В мае 1938 г. газета «Московский университет» за подписью «Группа сотрудников» опубликовала статью «Слова и дела академика Серебровского». В ней А.С. Серебровский был охарактеризован как «в прошлом меньшевик, позднее — один из видных меньшевистствующих идеалистов», придерживающийся «далеко не советских теорий в области генетики». Дорого могли обойтись А.С. Серебровскому такие обвинения в 1938 г.

7 декабря 1939 г. в газете «Правда» появилась статья марксистско-го философа академика М.Б. Митина, в которой он подверг критике иде-

алистические взгляды генетиков-менделистов, а 14 декабря 1939 г. на кафедре генетики Московского университета состоялось обсуждение этой статьи. Сохранившийся в архиве А.С. Серебровского протокол этого заседания — одно из первых упоминаний о П.В. Матекине. Принимая участие в обсуждении статьи, студент П.В. Матекин заявил: «Когда я прочитал статью М.Б. Митина, я увидел, что законы Менделя поняты М.Б. Митиным совсем не так, как это делают генетики. Диалектического понимания законов Менделя, которое дал М.Б. Митин, до сих пор не было у генетиков. Нужно делать выводы из положений диалектического материализма, применяя их с точки зрения генетики» (Архив РАН, фонд А.С. Серебровского, дело 328, фонд 15-95, опись 1, стр. 65-66).

В годы войны П.В. Матекин сражался на фронте, неоднократно был тяжело ранен. После войны П.В. Матекин работал директором Беломорской биостанции МГУ, был сотрудником кафедры зоологии беспозвоночных, занимался систематикой брюхоногих моллюсков. За подготовленную им в 1960 г. кандидатскую диссертацию, посвященную наземным улиткам Средней Азии, он сразу получил ученую степень доктора биологических наук.

После успешной защиты докторской диссертации П.В. Матекину показалось, что теперь перед ним открылись большие перспективы. Он вступил в КПСС и стал активно заниматься разнообразной общественной работой. Поколения 1960–1980-х гг. запомнили П.В. Матекина как активного члена парткома, секретаря партбюро, председателя бюро Народного контроля и других общественных организаций. В то же время, все, знавшие П.В. Матекина по его деятельности на биологическом факультете МГУ, отмечали, что его поведение всегда было непредсказуемым. Это был великий артист, который всю жизнь играл какую-то одному ему ведомую роль (недаром же, по его собственному признанию, его кумиром был Г.М. Ярон — выдающийся актер комедийно-эксцентрического амплуа). Отношения П.В. Матекина с людьми никогда не были ровными. В конце 1960-х годов он поссорился с заведующим кафедрой зоологии беспозвоночных академиком Л.А. Зенкевичем. Повод был ничтожен: они разошлись во мнениях по поводу оценки студенческой курсовой работы. Однако для П.В. Матекина этого оказалось достаточным для того, чтобы написать заявление об уходе. Вероятно, он рассчитывал, что Л.А. Зенкевич этого заявления не подпишет. Но отношение Л.А. Зенкевича к П.В. Матекину, которого он когда-то сам принял на кафедру, к этому времени сильно изменилось. Л.А. Зенкевича и многих других сотрудников кафедры возмущали несдержанность, которую стал проявлять П.В. Матекин. По-видимому, Л.А. Зенкевич чувствовал, что П.В. Матекин рассчитывает рано или поздно возглавить кафедру и очень этого не хотел. Рассказывают, как уже больной Л.А. Зенкевич горько посетовал перед сотрудниками кафедры: «Я этого не увижу, а вы дождетесь, что

вами будет заведовать Матекин». Как тогда все закричали в один голос, что этого никогда не будет!

Как бы то ни было, Л.А. Зенкевич написал на заявлении П.В. Матекина об уходе: «Не возражаю». Перед П.В. Матекиным встала угроза остаться без работы. К счастью, П.В. Матекин был хорошо знаком с заведующим кафедрой дарвинизма профессором А.А. Парамоновым (они даже жили неподалеку друг от друга на Арбате). Об этом выдающемся человеке стоит сказать хотя бы несколько слов.

А.А. Парамонов был крупным эволюционистом и одним из классиков фитогельминтологии (науки о нематодах растений). В 1945 г. он опубликовал знаменитый «Курс дарвинизма» — ясное и продуманное руководство по проблемам биологической эволюции, многие положения которого и сейчас звучат вполне современно. Эта книга пользовалась большой известностью, по ней учились студенты-биологи по всей стране. Очередное издание этой книги под названием «Основы дарвинизма» должно было выйти в 1949 г. После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. руководство издательства предложило автору внести в книгу изменения в соответствии с положениями «мичуринской» биологии. А.А. Парамонов категорически отказался это сделать, и набор готовой книги был рассыпан (она увидела свет только в 1969 г.).

После 1948 г. А.А. Парамонов потерял работу как сторонник «вейсманизма-морганизма» и не мог нигде устроиться. Чтобы не умереть с голоду А.А. Парамонов был вынужден пойти работать чернорабочим на строительство метрополитена. Наконец, в начале 1950-х годов академик К.И. Скрябин пригласил А.А. Парамонова во Всесоюзный институт гельминтологии, причем смог предложить ему только должность лаборанта (в те годы многие профессора, лишившиеся работы за антилысенковские взгляды, вынуждены были работать лаборантами и препараторами). Позднее А.А. Парамонов перешел в возглавляемую К.И. Скрябиным Гельминтологическую лабораторию АН СССР и организовал в ней сектор фитогельминтологии, написал 4-томное руководство «Основы фитогельминтологии». С 1954 г. А.А. Парамонов читал курс фитогельминтологии на кафедре зоологии беспозвоночных МГУ. Это был блестящий лектор. Он привил интерес к нематодам многим выпускникам кафедры, и они стали его сотрудниками в ГЕЛАНе. В середине 1960-х годов диктатура Т.Д. Лысенко закончилась, и А.А. Парамонов занял должность заведующего кафедрой дарвинизма биолого-почвенного факультета МГУ.

По своей натуре А.А. Парамонов был очень добрым человеком (тепло относившийся к нему П.В. Матекин шутливо называл его «беспринципным альтруистом»). Став заведующим кафедрой дарвинизма в Московском университета, профессор А.А. Парамонов не уволил с работы никого из лысенковцев, сохранил даже одиозного Ф.А. Дворянкина и других сотрудников, «прославившихся» на ниве борьбы с вейсманизмом-

морганализмом. Все они надолго пережили самого А.А. Парамонова, некоторые из них оставались на своих местах до 1995 г. (!), и все это время исправно получали зарплату.

А.А. Парамонов хорошо знал, что это такое — остаться без работы. В трудный для П.В. Матекина момент он пригласил его к себе на кафедру. В 1970 г. А.А. Парамонов умер, и П.В. Матекин стал исполняющим обязанности заведующего кафедрой дарвинизма. К сожалению, П.В. Матекин не сумел снискать доверия коллектива, и в 1972 г. заведующим кафедрой дарвинизма был избран профессор А.С. Северцов. Для П.В. Матекина снова начался трудный период борьбы за свое место на факультете.

В начале 1980-х годов удача улыбнулась П.В. Матекину. В 1982 г. заведующий кафедрой общей экологии и гидробиологии профессор В.Д. Федоров (известный также как литератор и член Союза писателей) сочинил шуточную поэму с не совсем приличным названием «Логовниада», в которой ректору Московского университета академику А.А. Логунову было посвящено много нелестных строк. Автору трудно удержаться от соблазна и не прочитать свои стихи хотя бы друзьям и коллегам. Не стал хранить их в своем письменном столе и В.Д. Федоров. Поэма начала распространяться в списках. Рассказывают, что однажды кто-то написал особенно неприличное четверостишие из этой поэмы на стенке персонального лифта, которым пользовался А.А. Логунов для подъема в свои апартаменты на девятом этаже главного здания МГУ. Было ли это на самом деле, — неизвестно, но А.А. Логунов не стерпел и наказал обидчика — через партийную организацию добился от В.Д. Федорова, чтобы он «добровольно» оставил пост заведующего кафедрой общей экологии. Возможно, впрочем, что сатирические стихи были только предлогом, и за В.Д. Федоровым числились и другие, более серьезные грехи (позднее он сам признавался в своих тогдашних опасениях, что «начнут копать и обязательно накопают»). Не буду пересказывать этих событий подробно, они касаются другой кафедры и, кроме того, — детально описаны в книжках самого В.Д. Федорова. Замечу только, что какова бы ни была истинная подоплека этой истории, все же в ней чувствуются отголоски какой-то совсем другой эпохи: ведь за стихи разжаловали и сослали в солдаты еще при Николае I. Как бы то ни было, пост заведующего кафедрой общей экологии и гидробиологии освободился. Хотя среди сотрудников кафедры было немало известных экологов и гидробиологов, по рекомендации парткома на должность заведующего кафедрой общей экологии и гидробиологии был назначен П.В. Матекин. Прошло немного времени, и сотрудники этой кафедры стали искать способ избавиться от П.В. Матекина. Такой случай представился в 1986 г.

В 1970–1980-е годы экология стала одним из наиболее перспективных направлений естественных наук. Большое внимание экологии стало уделяться и на биологическом факультете МГУ. Заведующий кафедрой

гидробиологии уже упоминавшийся В.Д. Федоров привлек на свою кафедру много экологов, и с 1978 г. она стала именоваться «кафедрой общей экологии и гидробиологии». Но экологией занимались и другие крупные биологи. Видным экологом был, например, и преемник М.С. Гилярова на посту академика-секретаря Отделения общей биологии академик В.Е. Соколов, директор Института проблем экологии и эволюции АН СССР, который по совместительству заведовал на биологическом факультете кафедрой зоологии позвоночных. После того, как В.Д. Федоров лишился своей должности, экологическая часть кафедры общей экологии и гидробиологии стала лакомым куском.

Возникла комбинация, суть которой состояла в том, чтобы разделить большую (при В.Д. Федорове штатная численность сотрудников этой кафедры достигла 160 человек) кафедру общей экологии и гидробиологии на две части. При этом предполагалось, что экологическая часть перейдет на кафедру к В.Е. Соколову (которая при этом станет «кафедрой зоологии позвоночных и общей экологии»), а оставшаяся часть снова окажется просто кафедрой гидробиологии. Для П.В. Матеекина (ведь он был специалистом по сухопутным улиткам и никак не мог считаться гидробиологом) возникла перспектива опять остаться без кафедры. Это было бы вопиющим нарушением советской номенклатурной системы, в которой руководитель никогда не понижался в должности, а только пересаживался из одного кресла в другое. Вот тут-то и пригодилась лишившаяся заведующего кафедра зоологии беспозвоночных. Сразу вспомнили, что П.В. Матеекин когда-то работал на этой кафедре. Мгновенно совершилась кадровая рокировка. Сотрудники, составлявшие экологическую часть прежней кафедры общей экологии и гидробиологии, переключались к академику В.Е. Соколову. Тех, кто остался на кафедре гидробиологии возглавил профессиональный гидробиолог профессор М.М. Телитченко, а П.В. Матеекин был назначен заведующим кафедрой зоологии беспозвоночных.

Кафедра зоологии беспозвоночных, когда-то одна из сильнейших на факультете, стала разменной пешкой в банальной административной комбинации. Впрочем, экологии тоже не повезло. Стремление сидеть одновременно на двух стульях («общей экологии и гидробиологии», «зоологии позвоночных и общей экологии») неблагоприятно отразилось на развитии самой экологии в стенах биологического факультета МГУ. Уже в конце 1970-х годов (относительно благоприятных для отечественной науки и образования) сложились условия для создания на биологическом факультете самостоятельной кафедры экологии. Создание такой кафедры тогда было бы важным как для развития самой экологической науки, так и для закрепления за биологическим факультетом ведущих позиций в развитии экологии в стенах Московского университета. Однако этого не произошло, и отдельная кафедра экологии на биологическом факультете не была создана до конца XX века. За это время эко-

логические подразделения были созданы на нескольких других факультетах МГУ. Только в 1999 г. в структуре биологического факультета появилась кафедра экологии (в ее состав вошла, хотя и в изрядно поредевшем виде, та самая группа сотрудников, которые когда-то были в составе кафедры общей экологии и гидробиологии, а потом — в составе кафедры зоологии позвоночных и общей экологии), однако в это время для ее полноценного развития уже не было необходимых ресурсов.

Простая комбинация, в результате которой П.В. Матекин (который к тому времени хорошо понимал логику отношений на факультете), оказался заведующим, почему-то стала неожиданностью для многих на кафедре зоологии беспозвоночных. Так исполнилось предсказание мудрого Л.А. Зенкевича, в которое в свое время никто не поверил. П.В. Матекин заведовал кафедрой зоологии беспозвоночных около 15 лет (вопреки формальным правилам, по которым заведующий кафедрой должен отчитываться о своей работе и вновь избираться каждые 5 лет, никаких выборов в течение этого срока не проводилось). Когда в 2000 г. были объявлены перевыборы заведующего, П.В. Матекин не получил поддержки коллектива кафедры и Учёного Совета. Потеряв пост заведующего, П.В. Матекин снова перешел на другую кафедру. На этот раз это была кафедра биогеографии географического факультета МГУ.

Профессор Петр Владимирович Матекин отмечает 80-летие. В первом ряду за спиной П.В. Матекина сотрудники кафедры зоологии беспозвоночных (слева направо): В.В. Малахов, Н.М. Шалаева, М.И. Чепелева, В.Д. Калиникова

«Пока горит свеча...»*

Распад Советского Союза стал одной из крупнейших геополитических катастроф XX века, последствия которой будут ощущаться еще не одно десятилетие. Эта катастрофа явилась прямым результатом проигрыша Советским Союзом глобального мирового противостояния, своего рода, Третьей мировой войны. Это противостояние известно в истории под названием «Холодная война», но, конечно, никакой «холодной» эта война не была. Две сверхдержавы, участвовавшие в этом противостоянии — США и СССР, обладали ядерным оружием, применением которого уничтожило бы обе стороны. Вот почему прямой вооруженный конфликт между США и СССР был невозможен. Сверхдержавы сделали арсенал войны территории третьих стран, а их народы — заложниками этого противостояния. В Третьей мировой войне боролись между собой Соединенные Штаты Америки и Советский Союз, но кровь лилась на земле Кореи, Вьетнама, Лаоса, Анголы, Эфиопии, Никарагуа, Афганистана и других стран из самых разных регионов мира. Это была настоящая мировая война, стоившая человечеству огромных материальных потерь и человеческих жертв. Многие тысячи вьетнамцев, африканцев и латиноамериканцев погибали в этом противостоянии, а США и СССР сохраняли между собой дипломатические отношения, вели переговоры, заключали разного рода соглашения, даже совершали совместные полеты в космос. Историкам будущего еще предстоит детально исследовать феномен Третьей мировой войны — она была третьей и по счету, и потому, что всталась на территории третьих стран, и потому, что страны эти принадлежали, в основном, к так называемому «третьему миру».

Глобальный конфликт между СССР и США был серьезным испытанием для экономических и политических систем главных противников. Известно, каким крупным политическим потрясением стала для США попытка навязать американское понимание демократии Вьетнаму — относительно небольшой восточноазиатской стране. Авиация США предприняла масштабные бомбардировки городов Северного Вьетнама, в результате которых погибло более миллиона мирных жителей. Американские войска широко применяли во Вьетнаме химические и биологические средства ведения войны, что нанесло непоправимый ущерб животному и растительному миру этой тропической страны и до сих пор сказывается как на состоянии природных сообществ, так и на здоровье людей. Но во вьетнамских джунглях сложили головы и десятки тысяч американских парней, а несколько сот тысяч стали калеками. Вьетнамская авантюра вызвала крупнейший внутрисполитический кризис в США. Милли-

* В заголовке этого раздела и в названии всей книги использована строфа из песни А. Макаревича.

оны молодых американцев вышли тогда на улицы городов с протестами. В ряде мест национальная гвардия пустила в ход оружие, и на улицах университетских городов Америки пролилась кровь. В 1970-е годы о вьетнамской аванюре много писали газеты всего мира, в том числе, конечно, и советские. Позднее, в 1990-е годы в России как-то редко вспоминали об этом, быть может, потому, что для многих отечественных поборников демократии именно США стали образцом для подражания во всем и всегда.

Как известно, усилия даже такой мощной страны, как США, не достигли цели во Вьетнаме. Пользуясь экономической, политической и прямой военной поддержкой СССР, вьетнамцы сумели нанести поражение экспедиционному корпусу сильной американской армии. В 1975 г. американские войска были с позором изгнаны из Вьетнама, однако вьетнамская катастрофа еще долго оставалась незаживающей раной в сознании американцев. Возник даже специальный термин — «вьетнамский синдром». И все же, политическая система США и мощная экономика этого государства выдержали этот удар.

Как это ни удивительно, но для брежневского руководства бесславное поражение США во Вьетнаме не стало уроком. Всего через пять лет, в конце 1979 г. советские войска начали оккупацию Афганистана, якобы для того, чтобы противодействовать «козням ЦРУ». Сейчас невозможно понять реальные мотивы, которые толкнули одряхлевшее руководство Советского Союза ввязаться в войну на земле сопредельного государства, которое многие десятилетия сохраняло лояльность по отношению к северному соседу. За четверть века, прошедшие с момента ввода советских войск в Афганистан, так и не выяснилось, кто же персонально ответственен за этот шаг, кто убедил впавшего в идиотизм Л.И. Брежнева принять это самоубийственное для страны решение.

Бессмысленная и кровавая бойня, затянувшаяся почти на 10 лет, принесла неисчислимые страдания народу Афганистана. Теперь уже США оказывали огромную финансовую, политическую и военную поддержку афганским моджахедам, развернув жестокую партизанскую войну против вторгшихся в страну советских войск. По некоторым данным, за годы советской оккупации в этой стране погиб каждый десятый афганец, миллионы людей стали беженцами, да и сейчас, спустя четверть века, на земле Афганистана продолжает литься кровь.

Война в Афганистане стоила жизни и десяткам тысяч советских парней. Тысячи матерей, отправивших своих 18-летних сыновей исполнять почетную обязанность советского гражданина — служить в Советской Армии, получили назад цинковые гробы с телами своих мальчиков, погибшими в бессмысленной войне, развязанной трясущимися маразматиками из брежневского Политбюро ЦК КПСС. На улицы советских городов вернулись сотни тысяч физически и морально искалеченных молодых людей, которые приобрели боевой опыт в войне против населе-

ния. Это был страшный опыт: они были вынуждены убивать мальчишек и стариков, которые стреляли в них из-за угла, взрывать и сжигать дома мирных жителей, потому что в подвалах этих домов скрывались моджахеды и хранилось оружие. Даже те, кого пощадили пули, вернулся из Афганистана со страшными ранами в душе. «Афганский синдром» искалечил психику сотен тысяч наших соотечественников. Никакие усилия советской пропаганды не могли оправдать эту войну. Та ненависть к политике КПСС, которой советское общество оказалось пропитанным на исходе 1980-х годов, в значительной степени была возвращена в обожженных солнцем долинах Афганистана.

Война в Афганистане нанесла тяжелый удар и без того агонизирующей экономике Советского Союза. Крупнейшая держава, претендовавшая на роль мирового лидера, не могла накормить и одеть своих граждан. При общем развале своей плановой экономики Советский Союз наращивал военные расходы в безнадежной попытке выиграть глобальное противостояние с США.

Неудачи боевых действий в Афганистане (которые велись на фоне продолжающихся конфликтов в Анголе, Эфиопии, Никарагуа и других регионах планеты) явились последним и самым крупным поражением Советского Союза в Третьей мировой войне и ускорили крушение СССР. Ведь по законам войны проигравшая сторона несет территориальные потери, утрачивает влияние среди соседей, претерпевает смену политического режима внутри страны. Именно это и произошло с Советским Союзом. Он потерял четверть своей территории, на которой проживала почти половина его населения, утратил политическое влияние в Европе и во всем мире, претерпел коренное изменение своего политического устройства.

Последние акты трагедии великой империи, на создание которой было затрачено почти семь веков, получили в истории название «перестройки» и оказались связаны с именем выпускника Московского университета — Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. В первые годы горбачевской перестройки многие были охвачены энтузиазмом в связи с демократическими преобразованиями в обществе. Стал ослабевать гнет цензуры, десятилетиями душивший отечественную литературу. В журналах появились произведения выдающихся российских писателей и поэтов, которые находились под запретом в течение многих десятилетий. Сначала робко, а потом все сильнее зазвучали слова правды со страниц газет и телевидения. Появилась возможность общения с зарубежными коллегами. Многие научные сотрудники впервые в жизни попали за границу, смогли лично участвовать в международных конференциях, напрямую контактировать со своими коллегами, не проходя униженных собеседований в парткомах и райкомах. Все это не могло не радовать. В то же время, для многих представителей интеллигенции было очевидным, что перестройка экономики на рыночные рельсы неизбежно

приведет к кризису всех надстроечных структур, в том числе и таких, как наука и образование.

Так и случилось, и 1990-е годы стали одним из самых трудных периодов для российской науки и образования за весь XX век. После крушения Советского Союза российское общество легко рассталось с идеями социального равенства, наивно рассчитывая, что достаточно объявить о переходе к рыночной экономике, и мы станем жить, как в Европе. Руководители новой России спешили превратить ее в государство с рыночной экономикой и действовали по принципу «цель оправдывает средство». Они убеждали общество, что поскольку «честных приватизаций все равно не бывает», а «пропасть можно перескочить только одним прыжком», важно любым путем поскорее создать класс собственников, «чтобы заработал рыночный механизм». Ваучеры, которые были задуманы как средство для того, чтобы дать возможность всему народу участвовать в приватизации государственной собственности, превратились в ничего не стоящие бумажки. Под прикрытием издательской ваучерной приватизации, а затем в результате жульнических залоговых аукционов производственная база огромной страны, созданная самоотверженным трудом нескольких поколений, досталась полтора десяткам случайных людей, оказавшихся «в нужное время в нужном месте» — в близком окружении первого президента демократической России Б.Н. Ельцина.

Увы, но, как это обычно бывает, средства изменили цель. Вместо реальной рыночной экономики (которая только и может быть опорой демократии, ведь даже в Средние века демократия существовала только в торговых республиках — Генуе и Венеции, а в России — в Новгороде и Пскове), в России был создан один из вариантов «латиноамериканского капитализма» с громадной концентрацией национальных богатств в чудовищно узком кругу. При этом большинство народа оказалось на грани нищеты, а в число беднейших слоев населения вошли преподаватели школ и вузов, научные и медицинские работники и другие представители трудовой интеллигенции.

Как известно, социально терпимое соотношение доходов 10% наиболее богатых и 10% наиболее бедных семей в обществе не должно превышать 4 к 1. Это соотношение становится неблагоприятным, когда оно приближается к показателю 10:1. По данным некоторых исследователей в России 1990-х годов этот показатель достигал к 100:1. В России конца 1990-х годов насчитывалось 35 тыс. миллионеров и около 30 человек, чье личное состояние превысило 1 млрд. долларов. При этом, если в конце 1980-х годов Российская федерация уступала США по валовому продукту в 4 раза, то в 2000 г. — уже в 17 раз. Таким образом, колоссальные состояния 1990-х годов возникли не в результате увеличения объема производства, а за счет перераспределения собственности в обнищавшей стране, т.е. за счет беззастенчивого ограбления населения.

Вот к чему привела демагогическая борьба с жалкими привилегиями советских номенклатурных работников, ставшая тем коньком, на котором въехал во власть заделавшийся вдруг отъявленным демократом бывший член ЦК КПСС, бывший первый секретарь Свердловского обкома КПСС и бывший первый секретарь Московского горкома КПСС Б.Н. Ельцин! Роковая ошибка либеральных реформаторов начала 1990-х годов (ошибка, которая «хуже, чем преступление») состояла в том, что, узаконив колоссальный имущественный разрыв и вопиющее попрание социальной справедливости в ходе грабительской приватизации, они своими руками ликвидировали саму возможность построения в России полноценного правового общества и создали питательную среду для политического экстремизма, терроризма и национальной вражды.

Распоряжаясь всеми материальными и финансовыми ресурсами страны, российские «сырьевые латифундисты» командовали выборами, формировали парламент, сажали губернаторов, да и самого президента, и сделали всю страну заложницей своих корыстных интересов. Вместо партийной номенклатуры советского периода, которая была вынуждена хоть как-то придерживаться норм, задаваемых социалистической демагогией, в 1990-е годы к руководству страной прорвалась олигархическая верхушка, которая не считала себя связанной никакими обязательствами перед населением. Озабоченная только групповыми интересами и собственной прибылью (значительная часть которой вывозилась за рубеж), эта верхушка бросила население России на произвол судьбы. В результате резкого ухудшения условий жизни, обнищания и разрушения системы здравоохранения население России в последние десятилетия XX – начале XXI веков сокращалось катастрофическими темпами (почти на 1 млн. человек каждый год). В стране не было концлагерей, но общая убыль населения приблизилась, а может быть, и превысила потери, которые понесла страна в результате сталинской коллективизации и индустриализации в 1930-е годы, но цели, поставленные либеральными реформаторами, — создание эффективной рыночной экономики и подлинной демократии, — так и не были достигнуты.

Лидеры новой России безжалостно разрушили существовавшие в стране систему образования, здравоохранения и социальных гарантий (вероятно, не самую худшую из возможных), не создав ничего взамен. Они нанесли тяжелый удар российской науке, от которого, как мы теперь понимаем, она не сможет оправиться еще много десятилетий. Бедность и нищета стали уделом работников образования и науки. Тысячи и тысячи преподавателей и научных работников были вынуждены покинуть университеты и научные институты, заняться мелкой торговлей или уехать за рубеж. Такого сокрушительного удара российская наука и образование не знали никогда в истории. Ни реакционнейшие министры царского правительства, ни большевистские комиссары не наносили россий-

ской науке и образованию такого удара, как получившие элитное образование Е.Т. Гайдар, А.Б. Чубайс и др. Было ли это неизбежным следствием экономической и политической перестройки российского общества? Наверное, только историки будущих поколений смогут беспристрастно ответить на этот вопрос.

Разрушение науки и образования, организованное либеральными реформаторами, привело к массовой эмиграции российской научно-технической интеллигенции в страны Западной Европы и, особенно, в США. Россия потеряла десятки тысяч энергичных и талантливых научных работников, кандидатов и докторов наук, на образование которых в свое время затратила колоссальные средства. «Утечка мозгов» (поразившая многие страны Восточной Европы) приняла в России катастрофические размеры. Значительная доля выпускников МГУ, не находя применения своим силам внутри России, уезжала в другие страны. Теперь эти люди вносят вклад в экономику других государств (прежде, всего США), которые не затратили на их подготовку ни одной копейки (точнее, ни одного цента). Интеллектуальный паразитизм стал характерной чертой современного мирового порядка. Несколько ведущих стран, в которых проживает всего лишь 10% от общей численности населения планеты, высасывают не только материальные, но и интеллектуальные ресурсы остального мира. Современный мировой порядок узаконил гигантский разрыв в размерах потребляемых ресурсов и уровне жизни между странами Западной Европы и Северной Америки, с одной стороны, и всем остальным миром, — с другой. Этот разрыв стал главным источником глобального конфликта, своего рода Четвертой мировой войны, первые залпы которой прозвучали как взрывы небоскребов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. и которая, вне всякого сомнения, станет главным содержанием мировой политики в XXI веке.

В течение 1990-х годов само существование высшего образования в России оказалось под угрозой. Резко уменьшилось финансирование научной деятельности, практически перестали выделять средства для учебного процесса. Поскольку в относительно благоприятные для науки и образования годы так и не состоялось реформирование науки, теперь она оказалась лишенной и того финансирования по остаточному принципу, которым довольствовалась в годы социализма. Накопившийся в годы застоя кадровый балласт превратился в социальные кандалы, которые мешали науке и образованию идти в ногу с быстро меняющимся общественным устройством. Скучные средства, получаемые научными коллективами, расплылись и размазывались «на всех». Одинаковую (и весьма недостаточную) зарплату получали и активно работающие преподаватели и научные сотрудники, и те, кто существовал в науке, так сказать, «по инерции». В итоге именно активно работающая часть науч-

ных и педагогических коллективов оказалась в наиболее несправедливом положении.

Кафедра тяжело переживала 1990-е годы. Какое-то время можно было жить накопленными запасами оборудования и материалов, но вскоре их стало не хватать. С запозданием появилась система грантов (например, Российский фонд фундаментальных исследований), сходная с существующей в США и Западной Европе системой финансирования науки. Однако размер этих грантов был совершенно недостаточен для сохранения прежнего уровня исследований. Постепенно сотрудники кафедры осваивали новые формы научного сотрудничества с зарубежными партнерами через международные научные фонды (Международный научный фонд Джорджа Сороса, ИНТАС, Коперникус и другие). Система грантов была непривычна, и далеко не все сотрудники кафедры сумели к ней приспособиться. Необычным было и то, что теперь финансирование получал сам исследователь, а не руководитель кафедры, что иногда приводило к конфликтам.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов ушли из жизни старейшие сотрудники кафедры К.А. Воскресенский, Т.И. Попова, Н.Ю. Соколова. К сожалению, труднейшие условия жизни 1990-х годов тяжело ударили по молодежи и людям среднего возраста. В расцвете молодости один за другим гибнут талантливые молодые зоологи, которые могли бы стать будущим кафедры: А.Н. Матвеев, И.П. Богданов, К.А. Микрюков.

Казалось бы, на кафедре, которую каждый год заканчивает много молодых людей, нетрудно найти смену. Однако в 1990-е годы зарплата, получаемая научным сотрудником и преподавателем университета, оказалась существенно ниже прожиточного минимума (особенно это заметно в одном из наиболее дорогих городов мира — Москве). Среди молодых сотрудников кафедры распространилось явление, когда значительную часть времени они проводили не в стенах университета, а где-то на стороне, зарабатывая на жизнь.

И все же в 1990-е годы кафедра жила активной педагогической и научной жизнью. Огромным напряжением сил преподаватели и научные сотрудники кафедры сохранили структуру зоологического образования. Не жалея средств скудных грантов, и за счет своих крошечных зарплат сотрудники кафедры обеспечивали большой и малый практикумы материалами и реактивами. Жертвуя своим здоровьем, они вели исследовательскую работу и учебную практику на Белом море в неотопливаемых и лишенных электрического освещения помещениях. Кафедра несла огромную педагогическую нагрузку, обеспечивая преподавание курсов зоологии беспозвоночных на трех отделениях биологического факультета и нескольких других факультетах Московского университета. Ежегодно кафедра принимала от 10 до 16 студентов, которые становились специалистами по зоологии беспозвоночных. Не знаю, оценят ли будущие поко-

ления самоотверженности, патриотизм и, я бы сказал, жертвенность тех работников российского образования, которые не ушли в коммерческие фирмы, не соблазнились заокеанским «зеленым рублем», но в трудные годы не жалели сил для сохранения и развития науки и образования в России?

Вопреки всему научные исследования продолжались на кафедре и в 1990-е годы. Сотрудники кафедры работали над проблемами таксономии, морфологии и биологии беспозвоночных моря и пресных вод, изучали строение и экологию паразитических организмов. В 1980–1990-е годы на кафедре стали широко применяться современные методы морфологических исследований беспозвоночных, в том числе сканирующая и трансмиссионная электронная микроскопия. Долгое время электронная микроскопия использовалась как инструмент цитологических исследований. Только в 1970–1980-е годы начало складываться новое научное направление — ультраструктурная анатомия. С помощью электронного микроскопа стали изучать не внутриклеточные компоненты, а анатомию животных. Это стало настоящей революцией в морфологических исследованиях. Ведь из-за мелких размеров у многих беспозвоночных просто невозможно получить правильные представления об организации многих систем органов, используя только оптический микроскоп. Широкое применение ультраструктурных методов на кафедре стало возможно благодаря созданию на факультете межкафедральной лаборатории электронной микроскопии, возглавляемой Г.Н. Давидовичем и А.Г. Богдановым. Эти выдающиеся энтузиасты сумели обеспечить высочайший уровень работы лаборатории и в относительно благоприятные 1970-е, и в труднейшие 1990-е годы. Им удалось создать уникальную лабораторию, не имеющую равных не только в России, но и в мире. Высокий уровень морфологических исследований на кафедрах биологического факультета поддерживается в значительной степени благодаря труду таких самоотверженных людей, как Г.Н. Давидович, А.Г. Богданов и их сотрудники.

Применение электронной микроскопии оказалось особенно плодотворным для изучения мелких беспозвоночных (нематод, турбеллярий, киноринх, мелких полихет), личинок и ювенильных стадий. Только электронный микроскоп позволил получить правильные представления о строении покровов, нервной системы, органов чувств, полости тела и других систем органов этих животных. Ультраструктурные исследования изменили представления об организации полости тела у полихет. Благодаря применению ультраструктурных методов были исследована ультраструктурная анатомия мелких морских организмов — киноринх, а также других загадочных групп беспозвоночных — приапулид, форонид, щетинкочелюстных и др.

В 1990-е годы во всем мире произошла революция в методах исследования филогении, связанная с широким применением методов мо-

лекулярной биологии. Не осталась в стороне и кафедра зоологии беспозвоночных. Конечно, на кафедре нет необходимого оборудования для проведения сложных и дорогих работ по секвенированию ДНК. Однако у кафедры есть прочные научные связи с отделом эволюционной биохимии Института физико-химической биологии МГУ, где работают многие выпускники кафедры зоологии беспозвоночных. В сотрудничестве с сотрудниками этого Института — выпускниками кафедры Н.Б. Петровым, В.В. Алешиным и др. — студенты и аспиранты кафедры выполнили ряд исследований по филогении беспозвоночных различных систематических групп, используя методы молекулярной биологии.

Расширились и окрепли связи сотрудников кафедры с зарубежными коллегами. Молодым сотрудникам кафедры сейчас просто невозможно представить, с какими трудностями приходилось сталкиваться в советское время в вопросах международного научного сотрудничества. Жизнь нескольких поколений научных работников прошла почти в полной изоляции от своих коллег за рубежом. Для того, чтобы выехать за границу на научную конференцию, преподаватель или научный работник должен был потратить многие месяцы (обычно, не менее полугода) и притом, без всякой гарантии на успех. Сначала надо было заполнить анкету, в которой указать, где живут и чем занимаются твои родственники, был ли кто-нибудь из них в плену или в оккупации, если нет в живых, где похоронены, и, само собой, — все подробности о собственной жизни. Потом (любому — партийному или беспартийному) надо было получить характеристику от партийной организации — сначала от партгруппы кафедры, потом от партбюро, потом от парткома факультета, потом от парткома МГУ. Если все предварительные инстанции были пройдены успешно, человек отправлялся в райком партии — на выездную комиссию. Там он должен был грамотно ответить на вопросы по внутренней и внешней политике КПСС, уметь критиковать империалистическую политику США и его союзников, рассказать о национально-освободительной борьбе народов Азии и Африки и т.п. При этом нормальных вопросов, например, знает ли человек язык страны, в которую собирается ехать, никогда не задавали (меня почему-то спросили, на каком основании я ношу бороду и усы, а я в раздражении ответил, что на том же, на каком их носили Карл Маркс и Фридрих Энгельс, ну и куда, разумеется, не поехал). Люди специально готовились к выездной комиссии, сидели в библиотеках, читали передовицы газет и политические журналы. Потом надо было долго ждать разрешения на поездку, и ответ всегда был непредсказуем. Никто не знал, кто и где принимает решения (честно говоря, я до сих пор не знаю, где же это, в конце концов, решалось в те годы — в ЦК КПСС, в КГБ или еще где-то?).

Если человек получал отказ, нельзя было спросить, почему и за что. Все знали, что неженатых не пускают (жена и дети должны были

остаться в Советском Союзе как заложники). Мало шансов выехать за границу было у тех, кто был женат вторым или третьим браком (раз разводился, значит — морально неустойчив). Беспартийные считали, что их не пускают, потому что они — не члены КПСС. Евреи считали, что их не пускают, потому что они евреи. Но часто не выпускали и тех, у кого анкета была абсолютно безупречной (член КПСС, русский, женат, есть дети, не разводился и т.д.). Рождались мифы и подозрения — ведь иногда члена партии и примерного семьянина не пускали, а разведенного и беспартийного выпускали, вот люди и думали: а может быть, его выпускают потому, что он «стучит», т.е. тайно сотрудничает с КГБ? Сообщать зарубежным коллегам действительную причину своего неприезда на конференцию было нельзя, надо было врать: «очень занят преподаванием», «из-за болезни родственников» и т.п. Получив отказ один, второй раз, человек больше не хотел тратить время на унизительные собеседования в парткомах-райкомах и просто отказывался от попыток личного общения с зарубежными коллегами.

Только в 1990-е годы начался процесс восстановления отношений с международным научным сообществом. Стали традиционными поездки сотрудников в научные центры США, Германии, Франции, Дании, Голландии и другие страны. Особенно тесные отношения завязались с Смитсоновским институтом (г. Вашингтон, США) и университетами Германии. Сотрудники кафедры стали активно публиковать свои статьи в международных научных журналах, принимать активное участие в международных конференциях, самим организовывать международные встречи (в 1990-е годы на базе кафедры было организовано два международных симпозиума по нематологии).

На исходе XX столетия все возрастающую роль в российской науке и образовании стали играть представители послевоенного поколения, «дети победителей», те, кто родился в первые послевоенные годы и начал свою карьеру в начале и середине 1970-х годов. На нашей кафедре их формирование проходило в период, когда уже не было мощного лидера — Л.А. Зенкевича, но сохранилась созданная им научная и педагогическая школа. В этой своеобразной обстановке молодые люди могли очень свободно (по сравнению с другими кафедрами) выбирать направление своей научной деятельности, ориентируясь только на собственные склонности. Для творческих натур это оказалось необычайно благотворным. Они выросли, если можно так выразиться, на хорошо удобренной почве и, в то же время, их никто не затенял и не подавлял, не мешал свободно развивать свои наклонности. В итоге к концу 1990-х годов на кафедре оказалось несколько оригинально мыслящих и самостоятельно работающих профессоров, каждый из которых создал свое научное направление.

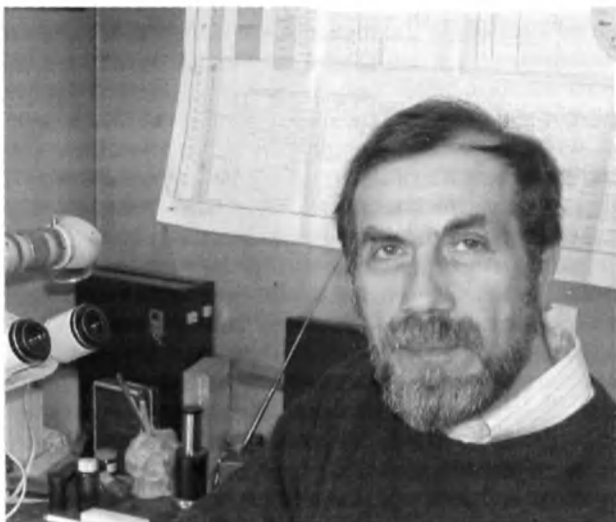
Одним из них является профессор Н.Н. Марфенин. Еще в студенческие годы он увлекся изучением биологии колониальных гидроидных

Профессор Николай
Николаевич Марфенин

полипов, самостоятельно разработал оригинальные методы исследования этих организмов. Н.Н. Марфенин — человек с идеей. Этой идеей является проблема интеграции, а колониальные организмы — лишь модель для изучения этой проблемы. Вплоть до зрелых лет Н.Н. Марфенин сохранил убеждение, что механизмы интеграции, которые можно экспериментально изучать на гидроидных и других колониальных беспозвоночных, действуют и в других системах, вплоть до человеческого общества. Сначала эти идеи Н.Н. Марфенина вызывали скептическое отношение коллег, но он не сдавался. Сейчас, когда он опубликовал несколько книг, и добрый десяток аспирантов защитили диссертации по этой тематике, пожалуй, можно говорить о новом научном направлении, созданном под руководством Н.Н. Марфенина. Другое направление, которое развивает Н.Н. Марфенин — межгодовые изменения в биосфере. Упорно, год за годом он вместе с учениками отслеживает изменения в природных сообществах, вычленяя в них антропогенную и естественную составляющие и пытаясь уловить вектор, в котором меняется климат и природа Земли.

Профессор А.В. Чесунов — любитель змей и других пресмыкающихся, который почему-то в свое время поступил не на кафедру зоологии позвоночных, а на нашу кафедру. Можно подозревать, что эта любовь к змеям заставила его еще в студенческие годы выбрать в качестве объекта исследований свободноживущих морских нематод, мелких змеевидно двигающихся червей. А.В. Чесунов — зоолог классического склада. Даже внешним обликом и манерами он напоминает профессоров XIX века. Это — прирожденный систематик, точность описаний которого заставляет вспомнить девиз великого Жоржа Кювье: «называй, описывай»

Профессор Алексей Валерьевич Чесунов

и классифицируй!» Он описал десятки новых видов, родов и семейств нематод (хотя в своей научной работе А.В. Чесунов отнюдь не ограничивается только систематикой). Талант к точным и тонким наблюдениям позволил ему сделать удивительные открытия, мимо которых проходили поколения зоологов, изучавших нематод. Это А.В. Чесунов впервые открыл нематод, паразитирующих в организме других нематод. Еще удивительнее другое открытие, сделанное этим выдающимся зоологом: он нашел нематод (многоклеточных организмов!), паразитирующих в цитоплазме одноклеточных фораминифер (это открытие было удостоено Ломоносовской премии). В последние годы А.В. Чесунов увлекся изучением нематод, обитающих на внутренней поверхности морских льдов. Оказалось, что этот биотоп (своего рода дно наоборот), занимающий в полярных широтах площади в несколько миллионов квадратных километров, заселен богатой фауной, в которой главное место занимают вездесущие нематоды.

Профессор А.Б. Цетлин — спокойный, мудрый и ироничный человек — всегда старался держаться скромно и незаметно. В студенческие годы он начал изучать систематику многощетинковых червей, потом увлекся морфологией и анатомией этих животных. Постепенно А.Б. Цетлин превратился в ведущего знатока полихет, авторитет которого признается коллегами во всем мире. Однако, главный талант А.Б. Цетлина, в котором он, скорее всего, сам не отдает себе отчета, — это удивительная

Профессор Александр Борисович Цетлин

тяга к новым методам исследования. Это А.Б. Цетлин внедрил и развил на кафедре водолазные методы исследования, методы, которые буквально спасли морскую тематику кафедры в период 1990-х годов, когда организация дальних морских экспедиций стала невозможной. А.Б. Цетлин обучил огромное число молодых зоологов повсейшим методам электронной микроскопии, а сейчас внедряет новейшие иммунофлуоресцентные методы изучения анатомии беспозвоночных. А.Б. Цетлин — прекрасный организатор и руководитель, причем он умеет руководить, совершенно не выпячивая свое лидерство, — именно таким руководителям люди подчиняются особенно охотно.

Вокруг таких людей, как Н.Н. Марфенин, А.В. Чесунов и А.Б. Цетлин, сейчас группируется молодежь кафедры, у них всегда много студентов и аспирантов.

В 1989 г. на кафедру пришла работать доктор биологических наук В.Д. Каллиникова. Она принесла с собой новую тематику — изучение трипаномы *Trypanosoma cruzi* — продуцента противоракового препарата круцина. История этой проблемы полна драматизма. *T. cruzi* — паразитический жгутиконосец, вызывающий опасное заболевание человека — болезнь Чагаса. Эта болезнь распространена в Южной Америке

там, где водятся поцелуйные клопы Triatomidae. Эти летающие насекомые нападают (в основном, по ночам) на спящих людей и кусают их в губы. Трипаномы сохраняются в кишечнике клопа. Когда клоп пьет кровь, он тут же испражняется. Человек расчесывает ранку и заносит в нее испражнения клопа с трипаносомами.

Еще в 1930-е годы было замечено, что в странах, где распространена вызываемая трипаномой *T. cruzi* болезнь Чагаса, в несколько раз ниже заболеваемость различными формами рака. В начале 1930-х годов профессор кафедры гистологии Московского университета Г.И. Роскин с сотрудниками обнаружил, что заражение подопытных животных трипаномой вызывает подавление роста злокачественных опухолей (трипаномы предпочитают развиваться в клетках опухоли). Из культуры *T. cruzi* был получен препарат — круцин, который в ряде случаев показал высокую эффективность при лечении опухолей.

Публикации о биотерапии рака с применением круцина, появившиеся в популярной печати в 1946 г., вызвали интерес в мире, прежде всего в США (дело в том, что в это время погибал от рака крупный государственный деятель этой страны Г. Гопкинс — ближайший соратник великого президента Ф. Рузвельта), и представителю Советского Союза в ООН небезызвестному А.Я. Вышинскому даже был сделан запрос об открытии в СССР нового лекарства против рака. Вот почему академик-секретарь АМН СССР В.В. Парин, выезжая в 1946 г. в США в качестве материала, который должен был продемонстрировать достижения советской медицины, взял с собой рукопись готовой к публикации книги Г.И. Роскина и Н.Г. Ключевой «Биотерапия злокачественных опухолей». Интриганы, привыкшие делать карьеру на костях других людей, сумели так доложить об этом И.В. Сталину, что стареющий тиран решил, что было совершено предательство. В.В. Парин был арестован и осужден на 25 лет. (Это был тот краткий миг в истории Советского государства, когда смертная казнь как высшая мера была отменена. Через несколько лет она снова была введена «по просьбе советских профсоюзов»). Случись его арест несколькими годами раньше или позже, В.В. Парин, несомненно, был бы казнен). Г.И. Роскин и Н.Г. Ключева остались на свободе (власти не посадили их в тюрьму, потому что надеялись, что они получат антираковый препарат, в котором нуждались и сами руководители Советского государства), но подверглись хорошо организованному «всенародному» осуждению. И.В. Сталин придавал большое значение этому примеру, который должен был научить советских ученых бдительности и политической сознательности. По заказу партийных органов были написаны соответствующие литературные произведения: пьесы А. Штейна «Закон чести» (вскоре снят одноименный фильм), Б.С. Ромашева «Великая сила» и К.С. Симонова «Чужая тень». Впоследствии, после разоблачения культа личности, Г.И. Роскин и Н.Г. Ключева были реабилитированы, причем,

как всегда, осуждение было громогласным, а реабилитация прошла так тихо и незаметно, что о ней знали только сами реабилитируемые. Последующие исследования показали, что круцину не суждено было стать универсальным лекарством от такой страшной и многоликой болезни, как рак, но история с рукописью книги «Биотерапия злокачественных опухолей» тяжело отразилась на судьбе всей отечественной науки. Была крайне затруднена публикация научных работ советских ученых за рубежом. Стали обязательными так называемые акты экспертизы и авторские справки. Все, кто работал в советской науке в 1950–1980-е годы, навсегда запомнили эти идиотические документы, в которых автор должен был собственноручно написать о любой публикации, что работа «полностью закончена» и при этом «не содержит ничего нового».

При участии В.Д. Каллиниковой на кафедре выросли протозоологи Т.Г. Симдянов и К.А. Микрюков. К сожалению, жизнь К.А. Микрюкова трагически оборвалась, когда ему было всего 30 лет. Кирилл Андреевич Микрюков был необычайно талантливым молодым человеком. Он пришел на кафедру еще школьником, и занимался в кружке под руководством О.И. Чибисовой. Когда он поступил на биологический факультет, он уже много знал о простейших и с первого курса стал заниматься самостоятельной научной работой. К моменту окончания учебы это был уже сложившийся специалист. Очень быстро он подготовил кандидатскую, а затем — докторскую диссертации (они были посвящены систематике и ультраструктуре солнечников и общим вопросам системы и филогении простейших). К 30-и годам К.А. Микрюков опубликовал уже несколько десятков статей и считался одним из лидеров российской протозоологии, его работы были хорошо известны среди специалистов во всем мире. Спустя несколько дней после блестящей защиты докторской диссертации он погиб при невыясненных обстоятельствах во время поездки на природу. Не только родные и близкие, но и все сотрудники кафедры были потрясены этой смертью талантливого и совсем юного человека, который мог бы стать одним из светил российской науки.

Едва перешагнув 50-летний возраст, в расцвете сил ушла из жизни энергичный организатор учебной деятельности кафедры в последнее десятилетие XX и первые годы XXI века, заместитель заведующего кафедрой доцент Марина Александровна Валовая. Она работала в области морской паразитологии, вела большую и разнообразную преподавательскую работу. Это был человек удивительной, бьющей ключом энергии. Благодаря самоотверженной деятельности М.А. Валовой кафедра смогла в полной мере сохранить объем полевых практик для студентов в условиях резкого уменьшения бюджетного финансирования в 1990-е годы. М.А. Валовая всей душой любила Беломорскую биостанцию и была стойким и несгибаемым борцом за сохранение и развитие студенческой практики на Белом море. М.А. Валовая никогда не стояла в стороне от бурной фа-

Доцент Марина Александровна Валовая
(1952–2004)

культетской жизни и ничего не могла делать вполсилы. Она боролась за правду и справедливость, делала это со всей страстностью своей натуры, не думала о последствиях, не щадила своих сил и здоровья и умерла в полном смысле слова на боевом посту.

Новые реалии жизни постперестроечной России дали возможность молодым сотрудникам кафедры проявить себя в необычном качестве. Молодые талантливые зоологи М.В. Сафонов и Д.Н. Орлов, которые в совершенстве освоили методы подводных исследований, создали научно-спортивную организацию «Подводный клуб МГУ». Знания, полученные ими на кафедре зоологии беспозвоночных (а морское направление всегда было главным на кафедре), несомненно, очень помогли им — ведь «Подводный клуб» специализировался на морских научно-спортивных экспедициях. Постепенно «Подводный клуб МГУ» стал одним из лидеров в обучении желающих методам подводного плавания. Многие студенты и аспиранты кафедры освоили методы подводных исследований в «Подводном клубе МГУ».

Ныне «Подводный клуб МГУ» — известная в России научно-спортивная организация, которая организует экспедиции во все уголки Мирового океана. Члены «Подводного клуба МГУ» впервые в мире осуществили подледные погружения на Северном полюсе, работали в Арктике и Антарктике, осуществили рекордные глубинные погружения. Набирает силу издательская деятельность «Подводного клуба МГУ». Одна за другой выходят в свет красочно изданные книги о морских животных. Иллюстрированный журнал «Подводный клуб» широко известен не только в России, но и за рубежом. Фрагменты ярких, и что особенно важно, биологически грамотных фильмов о жизни обитателей моря, снятых сотрудниками «Подводного клуба МГУ», не раз демонстрировались по центральному телевидению.

К сожалению, из науки в бизнес ведет множество дорожек (многие крупные российские бизнесмены вышли из научной среды), но из бизнеса в науку — ни одной. Так получилось и с «Подводным клубом». Способные молодые сотрудники и аспиранты пытались совмещать научную деятельность на кафедре с работой в «Подводном клубе», однако бизнес, живущий по законам безжалостной конкуренции, забирает человека целиком: все реже появлялись они на кафедре и фактически полностью ушли из науки. И, тем не менее, кафедра надеется на развитие сотрудничества с «Подводным клубом МГУ».

Кафедра конца XX – начала XXI века представляет собой коллектив, в котором трудятся люди разных поколений. На кафедре успешно преподают ветераны — хранители кафедральных традиций, которые работали еще вместе с Л.А. Зенкевичем: А.А. Львова, Н.М. Перцова, Н.М. Шалаева, Н.А. Заренков и С.И. Левушкин. Большой отряд научных сотрудников (Н.М. Бисерова, Н. М. Болотецкий, В.В. Васильев, Л.А. Гиченок, Е.А. Жуковская, Э.И. Извекова, О.П. Кодолова, А.Ф. Кононенко, И.А. Косевич, О.Ю. Правдухина, Е.Н. Темерева и др.) вносят свой вклад не только в научную работу, но и в преподавание. Учебный процесс на кафедре невозможно представить без самоотверженной деятельности руководителя большого практикума Г.П. Сальковой. Огромная нагрузка по обеспечению учебной деятельности кафедры лежит на сотрудниках послевоенного поколения Н.Н. Марфенине, О.И. Малютине, А.В. Чесунове, А.Б. Цетлине. Представители молодого поколения (Е.В. Богомолова, М.М. Ганцевич, В.Н. Иваненко, Т.Г. Симдянов, А.Ю. Синев, Е.Н. Темерева и др.) активно участвуют и в преподавании и в научной работе. Пройдет совсем немного времени, и они выйдут на ведущие позиции в жизни кафедры. Самоотверженный труд инженеров и лаборантов кафедры (Т.Н. Ивановская, А.Н. Кондрашкова, М.Н. Мартынова, О.И. Матюхина, М.И. Чепелева и др.) позволяет осуществлять напряженный учебный процесс при всех трудностях настоящего периода развития высшего образования.

Кафедра зоологии беспозвоночных существует в Московском университете уже полтора века. За это время через кафедру прошло много поколений. Получили образование и продолжили свою жизнь в других научных учреждениях многие сотни специалистов, среди которых — цвет отечественной биологической науки — академики, профессора, доктора и кандидаты наук. Кто-то оставался на кафедре, вырослел, становился опытным преподавателем и исследователем. Время неумолимо. Закончили свой жизненный путь многие из тех, чьи имена упомянуты в этом кратком очерке. Их труд живет в их учениках, в созданных ими лекционных курсах, практикумах, научных трудах, кафедральных коллекциях.

Сотрудники кафедры у входа на биологический факультет МГУ (2002 г.). Слева направо, в нижнем ряду: М.М. Ганцевич, А.Ф. Кононенко, В.И. Васильев, В.Д. Каллиникова, М.И. Чепелева, В.В. Малахов, Е.М. Виноградова, А.Б. Цетлин, Н.Н. Марфенин, С.А. Слободов; во втором снизу ряду: Л.В. Пахорукова, Л.А. Гиченок, Н.М. Шалаева, Е.А. Жуковская, Н.М. Перцова, Э.И. Извекова, А.В. Чесунов, Г.П. Салькова, И.А. Косевич, В.Н. Иваненко; в третьем, самом верхнем ряду: О.Ю. Правдухина, Е.Н. Темерева, Н.А. Заренков, А.А. Львова, С.И. Левушкин, Е.Д. Вальтер, О.П. Кодолова, А.Н. Кондрашкова, Г.Н. Нефедов, А.А. Романовский, А.Ю. Синев, Н.М. Болотецкий, О.И. Малютин, Т.Г. Симдянов

Кафедра — это живой организм, а люди — это те частицы, из которых он состоит. По образному выражению профессора нашей кафедры В.Н. Беклемишева, «живой организм не обладает постоянством формы — форма его подобна пламени, образованного потоком быстро несущихся раскаленных частиц; частицы меняются, форма остается». Люди приходят и уходят, а кафедра живет, как живет пламя, свет которого — всего лишь сияние быстро проносящихся сквозь него частиц. Пусть же это пламя горит вечно!

Литература

- Белый Андрей 1989. На рубеже двух столетий. М.: Худ. лит. 542 с.
- Бириштейн Я.А. 1961. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Лев Александрович Зенкевич. М.: Изд-во АН СССР. С.7–21.
- Галл Я.М. 1997. Г.Ф. Гаузе: эколог и эволюционист. СПб.: Альманах.
- Гаузе Г.Ф. 1934. Экспериментальное исследование борьбы за существование между *Paramecium caudatum*, *Paramecium aurelia* и *Styloichia mytilus* // Зоол. журн. Т.13. С.1–17.
- Гаузе Г.Ф. 1934. О процессах уничтожения одного вида другим в популяциях инфузорий // Зоол. журн. Т.13. С.18–26.
- Гиляров А.М. 2002. О моем отце — Меркурии Сергеевиче Гилярове. Рукопись. М.
- Захарова Т.Г. 2005. Борок — родина Н.А. Морозова // Московский журнал. № 9. С.7–8.
- Зенкевич Л.А. 1967. История кафедры зоологии беспозвоночных в Московском университете за 50 лет // Вестник Московского университета. Сер. биол. №5. С.12–23.
- Ильченко Е.В. 2004. Летопись Московского университета. Т.1:1755–1952. М.: Изд-во МГУ.
- Калабухов Н.И. 1978. Жизнь зоолога. М.: Изд-во МГУ. 183 с.
- Кузин Б.С. 1999. Воспоминания, произведения, переписка. СПб.: Инапресс. 800 с.
- Кулагин Н. 1930. Кафедра зоологии в Московском университете с 1700 г. по настоящее время // Отдельный оттиск.
- Микулинский С.Р. 1979. Карл Францевич Рулье. Ученый, человек и учитель. 1814–1858 гг. М.: Наука. 336 с.
- Паустовский К.Г. 1967. Собрание сочинений. Т.1. М.: Советский писатель.
- Песни «Персея». 2004. Репринтное издание. М.
- Плавильщиков Н.Н. 1971. Гомункулус. Очерки из истории биологии. М.: Изд-во «Детская литература».
- Райков Б.Е. 1959. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: материалы к истории эволюционной идеи в России. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 678 с.
- Репрессированная наука. 1994. Выпуск 2. / Под ред. М.Г. Ярошевского. СПб.: Наука. 319 с.
- Сборник работ об акклиматизации *Nereis succinea* в Каспийском море. 1952. М.: Изд-во МОИП.
- Сорокина М.Ю. 2005. Научные стратегии профессора А.П. Богданова // Природа. № 1. С. 92–96.
- Хозиков В. 1994. Неизвестный Папанин // Санкт-Петербургские ведомости от 25 ноября.
- Шюль С.Э. 1997. Герои и злодеи российской науки. М.: Крон-Пресс.

Содержание

Предисловие	3
«Изучи во всех подробностях животных своей родины»	5
Великий бессребреник	11
Кто изгонял Бога из науки?	16
«Не читайте советских газет!»	19
Великий Лев и море	27
Кто кого ест?	48
Почерк гения	53
Подвиг длиною в жизнь	61
Они не забыты	71
Когда грохочут пушки, музы не молчат	79
«Годы без войны»	83
В ожидании перемен	98
«Теперь все можно рассказать...»	124
«Пока горит свеча...»	133
Литература	152

Книги Товарищества научных изданий КМК

БИОЛОГИЯ

СЕРИЯ «ОПРЕДЕЛИТЕЛИ ПО ФЛОРЕ И ФАУНЕ РОССИИ»

Ивы европейской части России [Вып.5]. *Е.Т. Валягина-Малютина*. 2004. 217 с. Формат 170 x 242 мм. Тв. перепл. — Цена 150 руб. — **Булавоусые чешуекрылые Северной Азии** [Вып.4]. *Ю.П. Коршунов*. 2002. 424 с. с портр., илл. Формат 170 x 244 мм. Тв. перепл. — Цена 300 руб. — **Определитель сосудистых растений севера Российского Причерноморья**. *А.С. Зернов*. 2002. 283 с., илл. Формат 170 x 244 мм. Тв. перепл. — Цена 150 руб. — **Наземные звери России. Справочник-определитель**. [Вып.2]. *И.Я. Павлинов и др.* 2002. 298 с. Формат 170 x 244 мм. Тв. перепл. — Цена 150 руб.

Также планируется: *А.Л. Львовский, Д.В. Морзун*. Булавоусые чешуекрылые Восточной Европы. — *Е.Т. Валягина-Малютина*. Деревья и кустарники зимой. 2-е изд. (подготовлено к печати). — *Л.В. Аверьянов и др.* Иллюстрированный определитель сосудистых растений Ленинградской области (подготовлено к печати).

ПРОЧИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛИ ПО ФЛОРЕ И ФАУНЕ

Флора средней полосы европейской части России. 10-е изд. *П.Ф. Маевский*. 2006. 600 с. Формат 210 x 290 мм. Тв. перепл. — Цена 400 руб. — **Определитель сосудистых растений Соловецкого архипелага**. *К.В. Киселёва, В.С. Новиков, Н.Б. Октябрёва, А.Е. Черенков*. 2004. 175 с., цв. фото. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 130 руб. — **Иллюстрированное руководство для ботанических практик и экскурсий в Средней России**. *В.Э. Скворцов*. 2004. 506 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 220 руб. — **Флора Восточной Европы. Том 11**. *Н.Н. Цвелев (ред.)*. 2004. 535 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 200 руб. — **Иллюстрированный определитель растений Средней России. Том 3**. *И.А. Губанов, К.В. Киселева, В.С. Новиков, В.Н. Тихомиров*. 2004. 520 с. Формат 210 x 295 мм. Тв. перепл. — Цена 280 руб. **Том 2**. 2003. 665 с. — Цена 280 руб. **Том 1**. 2002. 526 с. с портр. — Цена 280 руб. — **Определитель грибов России. Дискомицеты. Вып.1. Копротрофные виды**. *В.П. Прохоров*. 2004. 255 с. Формат 145 x 218 мм. Тв. перепл. — Цена 120 руб.

Также планируется: *Е.А. Коблик, Е.Н. Курочкин*. Атлас птиц запада России. — *Н.Н. Марфенин, С.А. Белорусцева*. Атлас беспозвоночных Белого моря (подготовлено к печати).

СЕРИЯ «РАЗНООБРАЗИЕ ЖИВОТНЫХ»

Мамонт [Вып.3]. *А.Н. Тихонов*. 2005. 90 с., цв. вкл. Формат 145 x 205 мм. — Цена 50 руб. — **Городские комары, или «дети подземелья»** [Вып.2]. *Е.Б. Виноградова*. 2004. 96 с., цв. вкл. Формат 145 x 205 мм. — Цена 50 руб. — **Гидра: от Абраама Трамбле до наших дней** [Вып.1]. *С.Д. Степаньянц, В.Г. Кузнецова, Б.А. Анохин*. 2003. 101 с. + цв.вкл. Формат 145 x 205 мм. — Цена 50 руб.

УЧЕБНИКИ ДЛЯ ВУЗОВ

Основы микологии (морфология и систематика грибов и грибоподобных организмов). Л.В. Гарибова, С.Н. Лекомцева. 2005. 220 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 180 руб. — **Малый практикум по зоологии беспозвоночных.** И.А. Тихомиров, А.А. Добровольский, А.И. Гранович. 2005. 304 с., 14 ч/б вкл. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 200 руб. — **Основы биогеографии.** В.Г. Мордкович. 2005. 236 с., 1 цв. вкл. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 180 руб. — **Биология дрожжей.** И.П. Бабьева, И.Ю. Чернов. 2004. 221 с., бум. мелов. Формат 140 x 203 мм. В обл. — Цена 100 руб. — **Лекции о клеточном цикле.** О.И. Епифанова. 2-е изд. 2003. 160 с. Формат 140 x 200 мм. В обл. — Цена 70 руб. — **Развитие эволюционных идей в биологии.** Н.Н. Воронцов. 2-е изд. 2004. 432 с. Формат 145 x 210 мм. Тв. перепл. — Цена 150 руб. Также планируется: В. Вестхайде, Р. Ригер (ред.). Руководство по зоологии. Беспозвоночные (пер. с нем.). — И.А. Тихомиров (СПбГУ). Малый практикум по зоологии беспозвоночных (часть 2). — И.В. Бурковский. Морская биоценология. Организация сообществ и экосистем. — А.В. Чесунов. Биология морских нематод. — И.А. Жирков. Жизнь на дне.

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ БИОЛОГИЯ»

Избранные труды. В.В. Кучерук. 2006. 523 с. с портр. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 250 руб. — **Избранные труды.** Е.Н. Матюшкин. 2005. 658 с. с портр. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 300 руб. — **Избранные труды по эволюционной биологии.** А.П. Расницын. 2005. iv + 347 с. с портр., 16 фототаблиц. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 200 руб. — **Избранные труды. Организм, геном, язык.** Б.М. Медников. 2005. 452 с. с портр. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 220 руб.

В этой серии также планируется: С.М. Разумовский. Избранные труды.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ИЗДАНИЯ

Киты и история китобойного промысла: взгляд из Японии. М. Комацу, С. Мисаки. 2005. 142 с., в тв. перепл., цв. вкл. Формат 145 x 215 мм. — Цена 150 руб.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Биоклиматический потенциал России: теория и практика. А.В. Гордеев, А.Д. Клещенко, Б.А. Черняков, О.Д. Сиротенко. 2006. 512 с., с цв. вкл., в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 400 руб. — **Конспект фауны земноводных и пресмыкающихся России.** С.Л. Кузьмин, Д.В. Семенов. 2006. 139 с., в тв. перепл. Формат 145 x 210 мм. — Цена 150 руб. — **Список птиц Российской Федерации.** Е.А. Коблик, Я.А. Редькин, В.Ю. Архипов. 2006. 281 с., бум. мелов., печать двухцветная, в обл. Формат 145 x 215 мм. — Цена 200 руб. — **Биологический факультет МГУ.** А.И. Нетрусов и др. (ред.). 2005. 242 с., в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 180 руб. — **Эволюционные факторы формирования разнообразия животного мира.** Э.И. Воробьева, Б.Р. Стриганова (ред.). 2005. 308 с., в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 150 руб. —

Каталог моллюсков России и сопредельных стран. Ю.И. Кантор, А.В. Сысоев. 2005. 627 с., в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 300 руб. — Каталог бесчелюстных и рыб пресных и солоноватовых вод России с номенклатурными и таксономическими комментариями. Н.Г. Богуцкая, А.М. Насека. 2004. 389 с. с вложенным лазерным диском. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 200 руб. — **Фундаментальные зоологические исследования. Теория и методы.** А.Ф. Алимов, С.Д. Степаньянц (ред.). 2004. 318 с., в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 150 руб. — **Каталог типовых образцов сосудистых растений Восточной Азии, хранящихся в Гербарии Ботанического института им. В.Л. Комарова (ЛЕ). часть 1 (Япония и Корея).** В.И. Грубов (ред.). 2004. 188 с., ил. Формат 140 x 205 мм. В обл. — Цена 80 руб. — **Международный кодекс зоологической номенклатуры.** Изд. 4-е. 2-е изд. русск. пер. 2004. 223 с. Формат 143 x 213 мм. — Цена 70 руб. — **Биология гидротермальных систем.** А.В. Гебрук (ред.). 2002. 543 с. с цв. вкл., в тв. перепл. Формат 210 x 260 мм. — Цена 300 руб.

Также планируется: Г.Ю. Любарский. Эволюция зоологии. История одного музея. — Ю.И. Кантор, А.В. Сысоев. Морские и солоноватоводные брюхоногие моллюски России и сопредельных стран: иллюстрированный каталог (в печати).

НАУЧНЫЕ МОНОГРАФИИ

Эволюция биосферы и биоразнообразия. К 70-летию А.Ю. Розанова. С.В. Рожнов (отв. ред.). 2006. 600 с. с портр. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 300 руб. — **Динамика и устойчивость рекреационных лесов.** Л.П. Рысин и др. 2006. 165 с., цв. вкл. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 150 руб. — **Флора субарктических гор Евразии и высотное распределение её видов.** В.Б. Куваев. 2006. 568 с., ч/б вкл. Формат 170 x 245 мм. Тв. перепл. — Цена 280 руб. — **Экологическая энергетика животных.** Н.Д. Озернюк. 2006. 168 с. Формат 148 x 218 мм. Тв. перепл. — Цена 150 руб. — **Пластинчатоусые жуки подсемейства Scarabaeinae фауны России и сопредельных стран.** О.Н. Кабаков. 2006. 374 с., цв. вкл. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 270 руб. — **Атлас-определитель усоногих раков (Cirripedia Thoracica) надсемейства Chthamaloidea Мирового океана.** О.П. Полтаруха. 2006. 198 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 200 руб. — **Растения Центральной Азии.** Вып.15. В.И. Грубов (отв. ред.). 2006. 143 с. Формат 164 x 238 мм. В обл. — Цена 150 руб. — **Млекопитающие Вьетнама.** Г.В. Кузнецов. 2006. 420 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 270 руб. — **Нематоды надсемейства Drilonematoidea – паразиты дождевых червей.** С.Э. Спиридонов, Е.С. Иванова. 2005. 296 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 180 руб. — **Травы на градиенте влажности почвы.** С.Н. Шереметьев. 2005. 271 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 180 руб. — **Бделлоидные коловратки фауны России.** Л.А. Кутикова. (Труды Зоологического института РАН, т.305). 2005. 315 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 180 руб. — **Кариотипы паразитических перепончатокрылых.** В.Е. Гохман. 2005. 185 с., бум. офсетн. и мелов. Формат 150 x 220 мм. Тв. перепл. — Цена 120 руб. — **Ископаемые**

цветковые растения. Том 4. *Nyctaginaceae – Sallcaceae*. Л.Ю. Буданцев (ред.). 2005. 466 с., бум. офсетн. и мелов. Формат 228 x 295 мм. Тв. перепл. — Цена 400 руб. — Китайская восковая пчела на Дальнем Востоке России. В.Н. Кузнецов. 2005. 111 с., бум. мелов., цв. фото. Формат 148 x 215 мм. В обл. — Цена 100 руб. — Животное население почв бореальных песков Западно-Сибирской равнины. Б.Р. Стриганова, Н.М. Порядина. 2005. 234 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 180 руб. — Попорогие А.А. Данилкин. (серия «Млекопитающие России и сопредельных регионов»). 2005. 550 с., цв. вкл. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 250 руб. — Земноводные российского Дальнего Востока. С.Л. Кузьмин, И.В. Маслова. 2005. 434 с., цв. вкл. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 200 руб. — Введение в современную филогенетику. И.Я. Павлинов. 2005. 391 с. Формат 148 x 220 мм. Тв. перепл. — Цена 180 руб. — Трансформационная типологическая систематика. Б.П. Захаров. 2005. 164 с. Формат 145 x 210 мм. В обл. — Цена 60 руб. — Проблемы эволюции и теоретические вопросы систематики. А.К. Скворцов. 2005. 293 с. с портр. Формат 148 x 220 мм. Тв. перепл. — Цена 180 руб. — Анатомия коры розоцветных (*Rosaceae*). Л.И. Лотова, А.К. Тимонин. 2005. 264 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 150 руб. — Биогения возбудителя описторхоза. С.А. Безр. 2005. 336 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 180 руб. — Проблемы теоретической морфологии и эволюции растений. Н.Н. Цвелев. 2005. 407 с. с цв. портр. Формат 145 x 218 мм. Тв. перепл. — Цена 200 руб. — Ветвистоусые ракообразные отряда *Stenopoda* мировой фауны. Н.М. Коровчинский. 2004. 410 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 250 руб. — Атлас воясок млекопитающих. О.Ф. Чернова, Т.Н. Целикова. 2004. 429 с., бум. мелов. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 300 руб. — Почвы, биогеохимические циклы и биосфера. Развитие идей Виктора Абрамовича Ковды. К 100-летию со дня рождения. Н.Ф. Глазковский (отв. ред.). 2004. xii + 403 с. с портр. и ч/б фото. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 250 руб. — Биологические инвазии в водных и наземных экосистемах. А.Ф. Алимов, Н.Г. Богуцкая (ред.). 2004. 436 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 180 руб. — Зоогенная дефопиация и песное сообщество. Е.Н. Иерусалимов. 2004. 263 с. Формат 148 x 213 мм. Тв. перепл. — Цена 120 руб. — Морфогенез и эволюция. В.Г. Черданцев. 2003. 360 с. Формат 145 x 205 мм. Тв. перепл. — Цена 150 руб. — Головохоботные черви (*Cephalogyncha*) Мирового Океана. А.В. Адрианов, В.В. Малахов. 1999. 328 с., бум. мелов. Формат 205 x 285 мм. В обл. — Цена 150 руб. — Приапуиды: строение, развитие, филогения и система. А.В. Адрианов, В.В. Малахов. 1996. 268 с., бум. мелов. Формат 210 x 285 мм. В обл. — Цена 150 руб.

Также планируется: В.А. Зайцев. Позвоночные животные северо-востока центрального региона России. — Ю.Б. Бызова. Дыхание почвенных беспозвоночных. — О.Т. Русинек. Паразиты рыб озера Байкал. — А.М. Амирханов. Растительность Северо-Осетинского заповедника. — В.В. Сунцов, Н.И. Сунцова. Чума: происхождение и эволюция эпизоотической системы. — Дж.Г. Симпсон. Принципы таксономии животных (пер. с англ.) (подготовлено к печати).

ГЕОГРАФИЯ, ПУТЕШЕСТВИЯ

Мэтры глубин: Человек познаёт глубины Океана. От парусно-парового корвета "Челленджер" до глубоководных обитаемых аппаратов. Л.И. Москалев. 2005. 249 с. Формат 164 x 240 мм. В обл. — Цена 120 руб. — **Многоликая география. Развитие идей Иннокентия Петровича Герасимова (к 100-летию со дня рождения).** Н.Ф. Глазовский (ред.). 2005. 357 с. Формат 170 x 240 мм. Тв. перепл. — Цена 200 руб. — **Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Зарубежный опыт и проблемы России.** Н.Ф. Глазовский (ред.). 2005. 615 с. Формат 167 x 238 мм. Тв. перепл. — Цена 300 руб. — **В тростниках Прибалхашья (Жизнь и приключения ссыльного натуралиста 1941–1946 гг.).** Б.К. Штегман. 2004. 208 с. с портр. Формат 140 x 203 мм. — Цена 60 руб. — **Пятеро на Рио-Парагвай.** Документальная повесть. В.Н. Танасийчук. 2003. 253 с. + ч/б фото. Формат 143 x 213 мм. В обл. — Цена 70 руб. Также планируется: А.В. Дроздов (ред.). Ландшафтное планирование (в печати). — А.В. Дроздов (ред.). Инженерная биология (в печати).

ИСТОРИЯ

Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. Г.Ю. Любарский. 2000. 449 с. в тв. перепл. Формат 143 x 214 мм. — Цена 80 руб.

Планируется: К.А. Фурсов. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями (подготовлено к печати). — А. Грешнов. Афганистан: заложники времени.

СЕРИЯ «МИР. ХАОС. ПОРЯДОК»

Нервные люди (очерки об интеллигенции). А. Кустарёв. 2006. 374 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 250 руб. — **Хрупкий баланс: четыре века борьбы за господство в Европе.** Л. Дехийо. Пер. с англ. 2005. 314 с. в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 200 руб.

Планируется: И. Валлерстайн. Исторический капитализм. Пер. с англ. — В. Брюханов. Трагедия России: цареубийство 1 марта 1881 года (подготовлено к печати).

СЕРИЯ «СФЕРА ЕВРАЗИИ»

Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе). И.И. Ломакина. 2006. 293 с., 164 ч/б и цв. фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 250 руб. — **История в трудах ученых лам.** А.С. Железняков, А.Д. Цендина (сост.). 2005. 275 с., в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 200 руб. — **Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры** Г.В. Вернадский. 2005. 339 с., с портр., в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 200 руб. — **Тибет и Далай-Лама.** 2-е изд. П.К. Козлов. 2004. 137 с., 89 ил. в тексте, 45 ч/б фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 200 руб. — **Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны.** С.Л. Кузьмин (сост.). 2004. 336 с., 13 ил. в тексте, 92 ч/б фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 250 руб. — **Барон Унгерн в документах и мемуарах.** С.Л. Кузьмин (сост.). 2004. 661 с. + ч/б и цв. фото, в тв. перепл. Формат 170 x 240 мм. — Цена 350 руб.

Планируется: М.Г. Торновский. От Господина Великого Новгорода до Великого Океана (историко-социально-экономические записки).

ПСИХОЛОГИЯ

Общая и прикладная этнопсихология. Учебное пособие. В.Н. Павленко, С.А. Таглин. Пер. с укр. 2005. 483 с. в тв. перепл. Формат 145 x 218 мм. — Цена 200 руб.

МЕДИЦИНА

Действие биологически активных веществ в малых дозах. А.А. Подколзин, К.Г. Гуревич. 2002. 170 с. Формат 143 x 200 мм. — Цена 50 руб.

ЖУРНАЛЫ

Евразийский энтомологический журнал (индекс 39081) — с 2002 г., ныне ежеквартально.

Русский энтомологический журнал (индекс 39235) — ежеквартально с 1992 г. (на англ. языке).

Русский териологический журнал (индекс 39236) — раз в полгода с 2002 г. (на англ. языке).

Артропода Селекта. Русский артроподологический журнал (индекс 39237) — ежеквартально с 1992 г. (на англ. языке).

Акарина. Русский акарологический журнал (индекс 39238) — раз в полгода с 1993 г. (на англ. языке).

Зоология беспозвоночных (индекс 39291) — раз в полгода с 2004 г.

Экологическое планирование и управление (индекс 39728) — раз в квартал с 2007 г.

Поволжский экологический журнал (индекс 39729) — раз в квартал с 2007 г.

Заказать эти и другие издания изд-ва КМК можно по адресу:

123100 Москва, а/я 16 изд-во КМК, Михайлову Кириллу Глебовичу

Комп. почта: kmk2000@online.ru

Интернет: <http://webcenter.ru/~kmk2000> (аннотации изданных книг)

Факс: (495) 203-2717

Тел. (495) 692-5894 раб.

Малахов Владимир Васильевич

«ПОКА ГОРИТ СВЕЧА...»

Очерк истории кафедры зоологии беспозвоночных
Московского государственного университета.

Второе издание, дополненное

М.: Товарищество научных изданий КМК. 2006. 153 с.

Для заявок:

123100 Москва а/я 16 изд-во КМК

эл. почта: kmk2000@online.ru

<http://webcenter.ru/~kmk2000>

Отпечатано в типографии ООО "Галлея-Принт".

Москва, ул. 5-я Кабельная, 26.

Подписано в печать 14.08.2006. Формат 60x90/16. Объем 10 печ.л.

Печать офсетная. Бумага мелов. Гарнитура Таймс. Тираж 500 экз.

Малахов Владимир Васильевич

Родился в 1951 г. в г. Свердловске. Обучался на кафедре зоологии беспозвоночных Московского государственного университета с 1968 по 1973 г. Окончил аспирантуру при той же кафедре. В 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1980 г. — докторскую диссертацию. С 1997 г. — член-корреспондент Российской академии наук. С 1985 г. — профессор, а с 2000 г. — заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных МГУ. В.В. Малахов — ученик профессора К.В. Беклемишева. Научные интересы — сравнительная анатомия и эмбриология беспозвоночных. Автор 200 публикаций, в том числе 9 монографий. Читает курсы лекций «Зоология беспозвоночных», «Эмбриология беспозвоночных», «Сравнительная анатомия беспозвоночных».

